

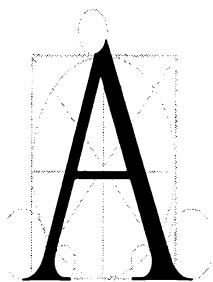
**ОСНОВЫ
ИДЕОЛОГИИ**

АНТУАН

ДЕСТЮТ ДЕ ТРАСИ

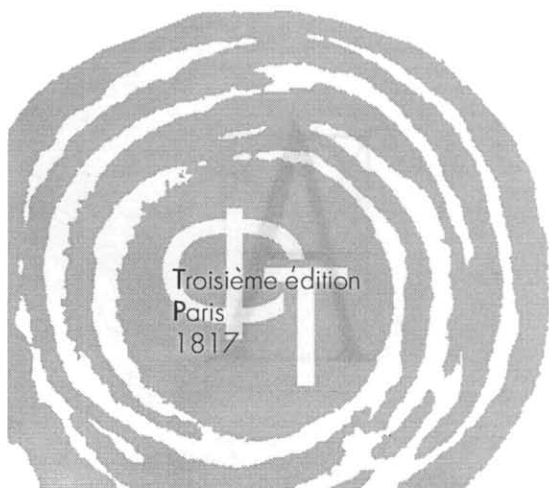
Книги серии снабжены нумерацией строк,
предназначенной для удобства цитирования и работы
с текстом книги на семинарах и практических занятиях

Antoine Louis Claude Destutt de Tracy

ÉLÉMENTS D'IDÉOLOGIE

Idéologie proprement dite

Антуан-Луи-Клод Дестют де Траси

ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ

ИДЕОЛОГИЯ
В СОБСТВЕННОМ
СМЫСЛЕ СЛОВА

Москва
Альма Матер
2013

Москва
Академический Проект
2013

УДК 1/14; 316
ББК 87; 60.5
Д 37

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России»*

Редакционный совет серии:

*А.А. Гусейнов (акад. РАН), В.А. Лекторский (акад. РАН),
Т.И. Ойзерман (акад. РАН), В.С. Степин (акад. РАН, председатель
совета), П.П. Гайденко (чл.-корр. РАН), В.В. Миронов (чл.-корр.
РАН), А.В. Смирнов (чл.-корр. РАН), Б.Г. Юдин (чл.-корр. РАН)*

Дестют де Траси А.-Л.-К.

Д 37

Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. — М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. — (Философские технологии).

ISBN 978-5-8291-1476-3 (Академический Проект)

ISBN 978-5-904993-36-8 (Альма Матер)

Французский словарь «Робер» датирует первое употребление слова «идеология» 1796 г., а слово «идеолог» впервые было произнесено в 1800 г. Первым употребил термин «идеология» граф Дестют де Траси. Он разъяснил его 20 июня 1796 г. в докладе «Проект идеологии», прочитанном в Национальном институте наук и искусств, а затем в книге «Основы идеологии».

Дестют де Траси принадлежал к «идеологам» — философской школе, объединившей последователей Локка и Кондильяка и ставшей связующей нитью между философией XVIII в. и позитивизмом. Идеи Дестюта де Траси изложены в работе «Основы идеологии». В этом сочинении, написанном в связи с задачей реорганизации системы образования, обосновывалось значение идеологии (в широком смысле) как системы идей, призванной восстановить единство наук. В работе идеология рассматривается как наука об идеях. Наука идеология представляет собой анализ человеческих способностей, опирающийся на концепцию Кондильяка. Дестют де Траси выделяет четыре способности человека, участвующие в формировании идей: чувства, память, способность суждения, воля.

Издание адресуется студентам и преподавателям гуманитарных специальностей вузов, а также всем интересующимся проблемами становления и развития социогуманитарного знания.

УДК 1/14; 316
ББК 87; 60.5

ISBN 978-5-8291-1476-3
ISBN 978-5-904993-36-8

- © Ланин Д.А., перевод, предисл., коммент., 2012
- © Оригинал-макет, оформление. Академический Проект, 2013
- © Альма Матер, 2013

Предисловие переводчика

Детство, проведенное в родовом замке в герцогстве Бурбонне¹; в отрочестве — Страсбургский университет, где, в отличие от Сорбонны, благородным юношам учиться не зазорно²; в молодости — блеск двора Людовика XVI и Марии-Антуанетты³, чин полковника в 22 года⁴, все привилегии человека, принадлежащего к подлинной, старинной аристократии — «дворянству шпаги», все удовольствия Старого режима, о котором Талейран сказал, что кто при нем не жил, тот не знает сладости жизни, и в их числе — удовольствие от общения с лучшими умами предреволюционной Франции, дискуссии на естественно-научные, философские, политические темы в знаменитом салоне мадам Гельвеций⁵, где собирается весь цвет европейской науки, где еще жив дух «Энциклопедии»; рано сложившиеся либеральные и конституционно-монархические убеждения, дружба с Франклином, Джефферсоном и Лафайетом, избрание депутатом Генеральных штатов от дворянства⁶, переход аристократов-демократов в зал третьего сословия, эйфория первых месяцев революции, дебаты в Учредительном и Законодательном собраниях, возмущение арестом и готовящейся казнью короля, короткая демонстративная эмиграция⁷, сразу по возвращении — шок якобинского переворота, гибель многих друзей, тюрьма, смертный приговор, ожидание казни,

освобождение⁸ и избрание в только что созданный Национальный институт наук и искусств⁹; в зрелые годы — расположение Наполеона (не раз сменявшееся, впрочем, раздражением по поводу «умничаний» строптивного сотрудника)¹⁰, высокие государственные и академические посты, философские и экономические труды, создавшие ему репутацию первого интеллектуала империи, огромная научно-организаторская, законодательная и административная работа; и, наконец, спокойная и величественная старость окруженного общим уважением патриарха, свидетеля и участника великих исторических событий, в сложнейших перипетиях эпохи ничем не запятнавшего свое имя, пэра Франции, кавалера и командора Почетного легиона, сенатора, друга и постоянного корреспондента президента США Джефферсона¹¹, члена Французской академии, Академии моральных и политических наук, американского Филадельфийского философского общества, председателя Общества друзей свободы печатного слова, наконец, человека, благодаря которому состоялась карьера многих выдающихся литераторов и ученых — такова была жизнь автора «Основ идеологии»¹².

Маркс считал его образцовым выразителем ограниченного буржуазного свободомыслия, а само слово «идеология» сделал нарицательным, саркастически назвав взгляды своих соотечественников-либералов сороковых годов «немецкой идеологией»; попутно он совершил, вероятно, важнейшее из своих открытий, впервые описав феномен ложного сознания. Однако, если уж говорить о «науке об идеях» именно в контексте социологии знания, то, даже исходя из классовой теории, оценка Маркса верна лишь наполовину. Действительно, философия победившей буржуазии начинается с «гражданина Дестют Траси»¹³. Но одновременно фигура Антуана-Луи-Клода д'Эстюта¹⁴, графа де Траси и сеньора де Парей-ле-

Фрезиль¹⁵ замыкает ряд французских философов-аристократов, философов со шпагой. Шевалье де Монтень, герцог де Ларошфуко, шевалье де Бержерак, шевалье Декарт, сеньор де Сент-Эвремонт, маркиз де Вовенарг, барон де Монтескье, граф де Сен-Мартен, маркиз де Кондорсе — люди, водившие в бой эскадроны, роты, полки и армии, любившие вкус политической борьбы, лучше умевшие повелевать, чем подчиняться, испытавшие взлеты и падения, знакомые не понаслышке и с самыми утонченными радостями жизни, и с ее самыми грубыми и страшными сторонами; и они же — ученые, бывшие на высоте знаний своего времени, в том числе математических и естественно-научных, авторы афоризмов, изощренных, как придворный комплимент, и точных, как приказ, превыше всего ценившие ясность мысли и чистоту языка, стремившиеся к личному совершенству и всерьез бравшие за мерку поступки героев и мудрецов античности: люди, в жизни которых нашлось место и действию, и рефлексии, прямые и подлинные наследники великой гуманистической традиции Ренессанса. А после де Траси из этой породы больше уже никого не было. Начиналась унылая эпоха университетской философии, эпоха кабинетных мыслителей без биографии; достижения ее, особенно на первых порах, общеизвестны, гораздо реже думают о цене этих достижений, о том, чем философия была и чем она в итоге стала.

Неприязненное отношение Маркса к идеологии самым непосредственным образом сказалось на изучении истории французской и всей европейской мысли в СССР: целая глава, и глава принципиально важная, содержащая развязку одной интриги и завязку другой, из этой истории попросту выпала. Вообще говоря, французское Просвещение с формальной стороны было освоено хорошо, лучше, чем английское или немецкое, хотя понадобился Мамардашвили, чтобы хотя бы одного Декарта начали читать осмысленно. Но,

как бы то ни было: переведен и издан основной корпус текстов, защищены тысячи диссертаций, опубликованы сотни исследовательских монографий и сборников; вот только Просвещение заканчивалось энциклопедистами. В самых дотошных изложениях мельком упоминались еще Кондильяк и Кондорсе, и на этом все. То есть два века шла «идейная подготовка буржуазной революции», а дальше в самом интересном месте, в момент собственно революции, зиял провал: никакая теоретическая рефлексия не сопровождала ключевые события европейской истории, никакой луч разума не освещал изнутри этот бурлящий и временами кровавый хаос, кроме морализирующей риторики Марата, Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста, весьма интересной во многих отношениях, но не имеющей, увы, решительно никаких философских претензий, после чего сразу началась «ультраправая реакция эпохи Реставрации: спиритуализм и реакционный романтизм». На что конкретно реагировала эта философская реакция, то ли на труды давным-давно почивших энциклопедистов, то ли на публицистику якобинцев, ко временам Реставрации тоже давно утратившую политическую актуальность, оставалось неясным. А ведь достаточно открыть наугад почти любой том спиритуалистов — Обри, де Местра, Кузена или раннего романтика Шатобриана и перелистать несколько страниц, чтобы наткнуться на имя тех, с кем ведется полемика: «идеологи».

Нравится нам это или нет, но люди, жившие при революции и сами ее делавшие, понимали смысл происходящего совсем не так, как им полагалось бы с марксистской или любой последующей точки зрения. Один только Сийес удружил, бросив свою тысячекратно потом цитируемую фразу про третье сословие; а так чем-то странным они там занимались: анализом идей и ощущений, критикой естественного языка, общей теорией знака, философской грамматикой... И все это

каким-то образом соединялось с перспективой нравственного и умственного прогресса человечества и переплеталось с практической политикой. Вот Талейран, которого трудно заподозрить в особом интересе к отвлеченным материям, выступает в Национальном собрании с докладом об образовании и реформе орфографии: «Первая социальная необходимость — это связь идей и ощущений... Республика должна упразднить странное несоответствие между устной и письменной речью, которое делает недоступной эту первичную связь идей при общении на нашем национальном языке»¹⁶. Вот депутат Лаканаль сообщает Конвенту об учреждении новой высшей школы, знаменитой впоследствии Эколь Нормаль: «Быть хорошим гражданином — значит уметь хорошо анализировать. В то время как политическая свобода и неограниченная свобода промышленности и торговли уничтожают чудовищное неравенство богатств, анализ, примененный ко всем видам идей, уничтожит в учебных заведениях еще более фатальное и унижительное неравенство в просвещении. Анализ, таким образом, является необходимым инструментом победы демократии: свет, который он распространяет, имеет возможность проникать повсюду, беспрепятственно переходя от уровня к уровню»¹⁷. Вот Дону, автор Конституции III года Республики, президент Совета пятисот, основатель Института Франции и первой в Европе государственной системы начального и среднего образования, объясняет и обосновывает принципы этой системы в «Опыте о народном образовании»: «Я не знаю, есть ли что-нибудь среди созданных людьми наук, что было бы полезнее и интереснее анализа ощущений, идей и знаков, и есть ли среди всех методов мышления метод более продуктивный, чем этот»¹⁸. Вот Гара, академик и по совместительству министр юстиции, лично зачитавший Людовику XVI смертный приговор, пишет предисловие к пятому, первому республикан-

скому изданию Словаря Французской академии: «Языки должны рассматриваться с более философской точки зрения, поскольку слова не только служат нам, как принято считать, для сообщения наших мыслей, но и необходимы для того, чтобы мыслить... Существует огромная разница между “хорошим языком”, созданным причудливыми фантазиями света, и действительно хорошим языком, языком просвещенного народа, составленным из истинных связей между идеями, которые никогда не бывают произвольными, которые прочерчивают с предельной ясностью все пути и все контуры мысли. Анализ идей должен дать нации законы речи, более важные, может быть, чем законы ее политической организации»¹⁹... О чем это они все?

Французская философия времен Великой революции, консульства и империи — это почти исключительно школа «идеологов», бесспорным лидером, но далеко не единственным представителем которой был де Траси. Влияние ее было огромным и длительным: при жизни ее создателей — явным, а затем, весь XIX в. и, возможно, до настоящего времени — подспудным: ее концептуальное и методологическое единство быстро распалось, но множество отдельных исследовательских программ в самых разных областях знания, равно как и практических задач, правовых, педагогических, социальных, политических, первоначально сформулированных в рамках идеологии, более не составляя никакого отрефлектированного связного целого, тем не менее еще долго задавали и, во многих случаях, до сих пор задают горизонт интеллектуальной и общественной жизни, хотя люди, занимающиеся той или иной проблематикой, могут и не подозревать о ее идеологическом происхождении.

Дело в том, что идеология была отнюдь не тем, чем стала философия в XIX в. и чем она остается сегодня — академической дисциплиной, обособ-

ленной от других наук и практик, гордой своей недоступностью для непосвященных и, так сказать, варящейся в собственном соку, как это уже было однажды в средневековых университетах. Подобно своим предшественникам — гуманистам, метафизикам XVII в., энциклопедистам, — но еще более последовательно, чем они, «идеологи» стремились реализовать античное понимание философии как способа мышления, отдающего себе отчет в собственных условиях и предпосылках, в своей природе и своих действиях, но охватывающего также и всю сферу позитивного знания и тем самым поддерживающего это знание актуальным и соразмерным индивидуальному сознанию, вновь и вновь воспроизводимым в мысли со всей первоначальной остротой переживания истины, не позволяющего знанию окаменеть и стать мертвой буквой. Единство научного метода и достоверность знания, интерпретируемая как свободная воспроизводимость акта познания (по отношению к которой воспроизводимость научного эксперимента не более чем частный случай) были альфой и омегой идеологии, как, впрочем, и всего Просвещения. «Мне известен один-единственный анализ, — писал Кондильяк, которого все “идеологи” считали своим непосредственным предшественником и учителем, — и я не знаю, что хотят сказать, когда различают несколько видов анализа. Метафизический анализ и математический анализ суть в точности одно и то же, это один и тот же анализ, хотя по природе идей или, скорее, по природе языков, которые для всего, кроме чисел, дают лишь плохо определенные понятия, в метафизике анализ более труден, чем в математике. Но в конечном счете в той и другой науке делают одно и то же, если анализируют хорошо»²⁰.

Поэтому, говоря об идеологии и ее месте в интеллектуальной истории Запада, нужно помнить, что она ни в коем случае не сводилась к особой философской дисциплине, сложившейся перед

самой революцией и во время нее и получившей сразу два названия, считавшихся полностью синонимичными: «идеология в собственном смысле слова» (*idéologie proprement dite*) и «анализ ощущений, идей и знаков» (именно так называлась возглавлявшаяся де Траси секция в Национальном институте). Эта аналитическая эпистемология, представленная, помимо работ самого де Траси, сочинениями Дежерандо, Ланслена, Прево, Доба, Тюро, Робера, Туссена и многих других, была квинтэссенцией идеологического мировоззрения, его развернутым знаменем, вокруг которого выстраивалась коллективная самоидентификация. Но уже сама оговорка «в собственном смысле слова» подчеркивает, что есть еще и «идеология в целом» — тот же самый метод анализа идей, приложенный ко всему многообразию «предметов наук», которые суть те же идеи. И в этом широком смысле слова идеологией называлось умственное движение, охватывающее почти необозримое множество научных концепций и достижений рубежа XVIII–XIX вв. Всеобщая грамматика и политическая экономия, интегральное исчисление и теория вероятностей, проективная геометрия и аналитическая химия, естественная классификация и естественная история — все это тоже идеология, равно как и космология, механика, оптика, физиология нервной деятельности, моральная философия и философия истории, педагогика, теория права, сама логика; для тех, кто занимался ими тогда, это были не разрозненные «теоретические инициативы» по Тулмину, не автономные «теоретические поля» по Бурдьё, но лишь разные аспекты одной и той же задачи — уточнения и исправления идей, их потенциально бесконечного анализа, который, с точки зрения «идеологов», начался в момент появления языка, более или менее грубо и приблизительно осуществлялся человечеством на протяжении веков и теперь, наконец, пришел к открытию самого

себя. К этому движению принадлежали десятки ученых первой величины: Лаплас и Лавуазье, Бертолле и Фуркруа, Пинель и Кабанис, Кювье и Ламарк, Ампер и Монж, Лагранж и Фурье, Клеро и Пуансо, Лежандр и Коши, Бюффон и Вольней... Неудивительно, что в наполеоновской империи слова «идеологи» и «институт», т. е. Национальный институт наук и искусств, созданный взамен упраздненных королевских академий и в своих трех классах и многочисленных секциях объединивший все научные силы страны, употреблялись как взаимозаменяемые.

Таким образом, «идеологию в собственном смысле слова» можно рассматривать и изучать в двух совсем разных аспектах. С одной стороны, перед нами обычная философская школа: не слишком оригинальная, чтобы не сказать вторичная, потому что она опиралась на предшествующую традицию от Декарта, Гоббса и Локка до Дюмарсе, Кондильяка и Кондорсе, разделяла ее цели, принимала ее основоположения и, в отличие от современной ей немецкой классической философии, никаких «коперниканских переворотов» не производила. В терминах сегодняшней социологии науки можно было бы сказать, что она применяла «стратегию наследования», в то время как немцы воспользовались «стратегией разрыва». Но все же и при таком сугубо специальном историко-философском рассмотрении простыми эпигонами «идеологов» никак не назовешь. Уже одно то, что им удалось преодолеть пресловутую оппозицию рационализма и эмпиризма, что до них безуспешно пытались сделать на протяжении добрых полутора веков, заставляет воспринимать их всерьез, как некое самостоятельное и значимое явление в истории философии Нового времени. Кстати, как раз с этого момента ортодоксальное картезианство, слегка приправленное романтизмом и мистицизмом, становится в Европе официальной философией самой махровой по-

литической реакции — факт у нас малоизвестный и потому заслуживающий упоминания. Именно с этих позиций идеологию и пытались критиковать Бональд, де Местр, мартенисты и вообще все интеллектуалы-эмигранты — разумеется, безуспешно: тут требовался Кант, а не Декарт, который в идеологии учтен и в нее встроен.

Еще важнее то, благодаря чему и стал возможным этот синтез картезианской и сенсуалистической традиций и что составляет подлинную новацию «идеологов»: введение понятий языка и знака непосредственно в эпистемологию. Само собой понятно, что вся философия языка XVII — XVIII вв. с метафизикой Просвещения неразрывно связана и ею продиктована. Однако и у Локка, и у Лейбница, и в картезианской «Грамматике Пор-Рояля», и в многочисленных философских и философско-грамматических сочинениях XVIII столетия речь шла лишь о возможности неправильного использования языка при сообщении идей и предупреждении проистекающих отсюда ошибок. В идеологии же знак впервые становится собственным структурным элементом любого представления, он необходим не только и не столько для выражения мысли, сколько для самого ее появления и дальнейшего развития. В этом отношении, как и во многих других, «идеологи» неожиданно оказываются более актуальными, чем те, кто пришел им на смену в XIX в. Так что и в академическом историко-философском контексте идеология представляет безусловный интерес, и не знать о ней ничего профессионалу не совсем прилично.

А с другой стороны, рассматривая ту же идеологию в более широком контексте истории идей, мы обнаружим то, что ускользает от взгляда историка философии, ранжирующего персоналии и школы по критерию их теоретической оригинальности. В этом контексте идеология является итогом всего Просвещения, его «суммой», упорядоченным, систематизированным и

завершенным изложением, и в каком-то смысле — его завещанием. Конечно, сами «идеологи» понимали свою историческую роль с точностью до наоборот, они были уверены, что завершился лишь предварительный этап, что концептуальное единство, к которому они наконец-то свели все разрозненные и зачастую противоречивые теории, составляющие Просвещение, и революция, решительно взявшаяся воплощать их в реальность, вместе образуют пролог эпохи разума, познавшего свою природу, что они присутствуют при самом начале истинной истории человечества. И в практическом отношении они действительно заложили основы современной цивилизации, потому что под влиянием «идеологов», по их инициативе и при их личном участии создавались именно те законы и институты революционной и наполеоновской Франции (включая всем известный Кодекс Наполеона), которые никакая Реставрация уже не смогла отменить и которые в XIX в. были постепенно заимствованы всеми европейскими, а в XX в. — и неевропейскими странами²¹. Вот только та культура мышления, внутри которой эти рациональные формы жизни были изобретены и могли удерживаться сознанием, не сползая в автоматизм и утилитарность, сохранявшаяся еще при Наполеоне, Реставрации не пережила. Ясность, универсальность и целеустремленность классического мировосприятия, от флорентийских гуманистов до «идеологов», очень быстро уступили место рафинированному, заранее разочарованному во всем многообразии возможного опыта, погружающему в себя и избегающему проверки жизнью интеллектуализму последующих эпох. Косяком пошли гении, один другого оригинальнее, и менее всего им хотелось заниматься этим запутанным делом о наследстве Просвещения и взваливать на себя историческую ответственность, подобную той, что ощущали «идеологи».

Но вот прошло два века, романтический импульс иссяк, гениев больше не наблюдается. Наблюдаются, напротив, какой-то умственный ступор и беспрепятственно отвоевывающее одну позицию за другой «новое средневековье», которому после этих двух веков постоянного интеллектуального восторга, оказывается, нечего противопоставить — не феноменологию же, в самом деле, и не аналитическую философию. Противостоят ему до сих пор только автоматически работающие социальные, правовые и культурные формы, полученные в наследство от Просвещения и все еще воспроизводящие какую-никакую человечность, индуцирующие хоть какое-то мышление, пусть и неспособное справиться с окружающим хаосом. Так, может быть, восторг был не вполне уместен? Самое время попытаться понять, что же именно было разгромлено под Лейпцигом и Ватерлоо, и почему все дальнейшее, что так хорошо начиналось — сплошной триумф бескомпромиссной воли к истине! — теперь так плохо заканчивается? Тут дело ведь не столько в текстах, сколько в этом их восторженном восприятии. Мы как-то склонны забывать, что XIX в., который сегодня кажется нам чуть ли не золотым веком Европы, в действительности был эпохой страшного исторического разочарования, и все его шедевры рефлексии суть не что иное, как этюды катастрофы. Мы восхищаемся тем, как это мастерски сделано, учимся на них пресловутому «ремеслу философа» и не вдаемся в сюжет — а зря.

Де Траси, бывший почти тридцатью годами моложе Канта, все три «Критики» внимательно читал, но не понял и не принял — не нужно ему это было. Его собственный жизненный опыт, несоизмеримый с опытом провинциального прусского преподавателя, говорил совсем другое. Да и вообще невозможно представить себе успех кантианства во Франции до 1815 г. Моральная действительность революции, террора, термидора,

наполеоновских войн, радикальных реформ, гибели целых сословий, краха старого мира и рождения мира нового была бесконечно более яростной, напряженной и драматичной, более конкретной и обжигающе подлинной, чем описываемая кантовской этикой; и разве этот новый мир не был живым доказательством эфемерности любых границ возможного? Он был создан анализом идей и сам нуждался в дальнейшем анализе — но не в таком, который объявил бы его миром несущественным, а существенное вынес за пределы представления. Немецкая классическая философия была философией побежденных, победоносной Франции такие сложные объяснения не требовались (они потребуются потом, при Реставрации, когда Канта во Франции сразу поняли и оценили). Ей нужен был метод, который можно применять на деле: в законодательстве и педагогике, в экономической политике и естественных науках, на войне и в повседневном управлении империей. Технократический подход к этим вещам еще не изобрели, манипулировать массами не умели: метод должен был быть истинным, и научить ему следовало каждого гражданина.

Вот с этой целью де Траси и написал «Основы идеологии»: популярный курс эпистемологии, философской грамматики и логики для детей, как сказали бы сегодня, среднего школьного возраста. Перед вами, таким образом, не трактат, а учебник, и любопытно сравнить его с «Пропедевтикой» Гегеля, которая явно предполагает зазубривание, в надежде, что понимание придет когда-нибудь потом. Для де Траси, который хочет научить не спекулятивному мышлению, а анализу идей, дело обстоит иначе: как раз детей-то анализу и нужно учить всерьез, добываясь полного понимания каждого шага рассуждения; по большому счету, только им философия и нужна, а взрослым это все понимать уже поздно. Как минимум один образец такого

жанра он отлично знал и намеревался превзойти во всех отношениях, кроме разве что объема: то был пятнадцатитомный «Курс наук для обучения принца Пармского» Кондильяка и Мабли, первые тома которого, написанные Кондильяком, были посвящены философии языка и всеобщей грамматике, физике, метафизике и логике, а последующие — древней и новой истории²². Курс этот еще при Старом режиме дважды переиздавался и среди «идеологов» пользовался большим пиететом. Но и разница в педагогических целях, конечно, имелась: дворяне во втором поколении братья Бонно (граф де Кондильяк и виконт де Мабли) хотели воспитать просвещенного монарха, а самый что ни на есть настоящий аристократ де Траси — просвещенного гражданина. Иллюзии в том и другом случае были, так сказать, симметричны.

Ирония истории состоит в том, что эта книга для детей так и осталась самым полным, репрезентативным и авторитетным источником, с которым вынуждены в первую очередь иметь дело все исследователи идеологии. Остальные сочинения «идеологов», а их многие десятки, все писались «на случай», по поводу какого-нибудь проекта очередной правовой, административной или образовательной реформы (к теоретическому обоснованию реформ в ту эпоху относились очень серьезно), и в большинстве своем были все-таки не общеполитическими, а специальными историческими, юридическими, лингвистическими трудами, хотя и до предела насыщенными философской проблематикой. Перу самого де Траси, помимо четырех томов «Основ идеологии», принадлежат «Мемуар о способности мышления», памфлет «Как основать мораль народа?», «Заметки о системе общественного образования», «Комментарий к “Духу законов” Монтескье», «Трактат о политической экономии» (две последние книги Джефферсон перевел на английский и издал в

США), «Принципы логики, или Собрание фактов относительно человеческого ума», «Опыт о гении и трудах Монтескье»²³.

О содержании «Основ идеологии» надо либо говорить подробно, либо не говорить вовсе; предупредить же следует лишь о том, что все без исключения темы и сюжеты этой книги имели солидную предысторию в философской литературе эпохи Просвещения, а в момент ее написания оставались предметом оживленных дискуссий, причем во многих случаях эти теоретические дискуссии имели вполне прикладное значение. Так, проблема отношения представления к знаку в алфавитных и иероглифических системах письменности обсуждалась в связи с планами радикальной реформы французской орфографии, а совсем невинная, на сегодняшний взгляд, сугубо академическая полемика по поводу введенного Кондильяком понятия «превращенное ощущение» была частью ожесточенной борьбы между деистами и клерикалами в период после заключения конкордата, и т. д. Чтобы оценить ответы, данные де Траси, нужно представлять происхождение и смысл занимавших его вопросов. К сожалению, объяснить все это в комментариях совершенно невозможно: тогда они превратились бы в историко-философское и историко-научное исследование, затрагивающее едва ли не все лейтмотивы Просвещения, поскольку всем им идеология придала новое звучание. С самого начала отказавшись от этой затеи, я при составлении примечаний ограничился сообщением (или напоминанием) тех исторических фактов, знание которых необходимо для понимания отдельных мест текста.

Перевод выполнен по третьему изданию (*Éléments d'Idéologie. Première partie: Idéologie proprement dite. Par M. Destutt Comte de Tracy, Pair de France, Membre de l'Institut de France et de la Société Philosophique de Philadelphie. Troisième édition. Paris, 1817*) и сверен с текстами первого

(IX год Республики, т. е. 1800 или 1801²⁴) и четвертого, последнего прижизненного издания (1826). Фотокопия оригинала доступна на сайте Национальной библиотеки Франции: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k505309>.

Данила Ланин

ИДЕОЛОГИЯ
В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ
СЛОВА

Уведомление к изданию 1804 г.

Это новое издание является просто перепечаткой первого, которое уже разошлось. Правда, я добавил замечания и пояснения, которые, возможно, и не имеют значения для большинства читателей, но, надеюсь, могут показаться важными тем, кто изучает предмет углубленно. В целом же все оставлено, как было²⁵, ведь изменить в этом своем труде я мог либо только его форму, либо идеи, составляющие его суть. 5

Что касается самих этих идей, то я вполне убежден, что они верны, и время, прошедшее с первого издания, лишь усилило мою уверенность относительно вопросов, которые здесь обсуждаются. Мои последующие размышления, мои дальнейшие исследования, все те следствия, которые я вывожу из первоначально предложенных решений, равно утверждают меня в моем мнении; благодаря им я удостоверился в прочности принципов, к которым пришел после многих колебаний и сомнений. 10 15 20

В отношении же формы их представления должен признать, что она неудовлетворительна. Тон непринужденной и почти развлекательной беседы, который я выбрал для первой части, в момент ее написания казался мне уместным, потому что дело касалось науки, о которой существовало много ложных представлений, и не имелось ни одного систематического ее объяснения. Я считал 25

предельную простоту изложения необходимой, чтобы показать, насколько эта наука в действительности далека от всех тех выпяченных и пустых разглагольствований, которые одновременно и отпугивают читателя, и поражают его воображение, запутывая его окончательно; насколько просты и очевидны приемы рассуждения, приводящие нас к верному пониманию природы умственных операций. С другой стороны, эта манера, как мне казалось, позволяла избежать роли самоуверенного наставника в предмете, который я сам постигал по мере написания книги, изучая его с пером в руке. Ведь моей целью было не изложить некую доктрину, но представить читателю весь ход моих поисков вместе с их результатами. Тем не менее, этот легкий тон, если и понравился некоторым людям, в общем не был одобрен; и я сам более не считаю его удачным, особенно сегодня, когда публика уже гораздо лучше знакома с этой наукой, а многие приобрели в ней глубокие и систематические познания, так что теперь задача состоит скорее в объединении усилий и примирении многочисленных, хотя по существу не столь уж сильно расходящихся между собой мнений²⁶.

Нет ничего удивительного в моих словах о том, что обстоятельства переменились за столь короткий срок. В наше время все происходит очень быстро, значительно быстрее, чем мы могли рассчитывать. И деятельность секции анализа в Национальном институте²⁷, и кафедры всеобщей грамматики в общественных школах, хотя и просуществовавшие очень недолго²⁸, придали идеологии могучий импульс, воздействие которого отнюдь не прекратилось с их упразднением.

Таким образом, я полагаю, что мне следовало бы уже сегодня изменить общий тон первой части своего труда, особенно принимая во внимание, что теперь имеется вторая часть, где я перешел на более твердый и быстрый шаг. Но такое улучшение требует большого труда, и время на него у

меня найдется не раньше, чем будет окончена третья часть, что является моей первоочередной целью. Только тогда этот труд будет завершен²⁹. Я смогу охватить взглядом его в целом, оценить общий эффект и восстановить гармонию между отдельными частями. До тех пор я прошу выдать мне индульгенцию на все те недостатки в деталях, которые мне не удалось устранить, и буду счастлив, если окажется, что только в них меня можно упрекнуть.

Тем не менее я посчитал полезным уже сейчас убрать длинное резюме, которым завершалась «Идеология» в первом издании, и заменить его экстрактом, являющимся своего рода аналитическим оглавлением, подобным тому, который я поместил в конце «Грамматики». Такой экстракт кажется мне наиболее удобным средством показать связь идей, равно как и выявить слабость этой связи, если идеи недостаточно обоснованы или рассуждения непоследовательны. В любом случае он служит моей главной цели, ибо не следует желать никакого одобрения, кроме осмысленного. Всякий иной успех пагубен, а не полезен, и определенно это не такая награда за труд, к которой стоит стремиться.

5

10

15

20

25

Предисловие

Предлагая вниманию публики произведение, стоившее мне многих трудов, я не ожидаю большого успеха для себя, но надеюсь принести некоторую пользу той науке, изложению которой оно посвящено. Молодым людям я представляю его в качестве учебного курса, знатокам же — в качестве мемуара для дальнейшего обсуждения. Мне остается отчитаться в тех мотивах, которые мною руководили при его написании, и рассказать о способе, каким я рассматривал его предмет.

Знания о любом живом существе неполны, если не изучены его умственные способности. Идеология есть часть зоологии, а в зоологии человека эта часть особенно важна и заслуживает глубокого изучения; и Бюффон, самый красноречивый интерпретатор природы, не считал свою естественную историю человека завершенной без хотя бы попытки описать его способность мыслить³⁰. Я не скажу, что эта часть его труда недостойна своего блестящего автора; но осмелюсь утверждать, что по сравнению с другими она менее всего удовлетворяет внимательного и вдумчивого читателя. Не следует этому удивляться, потому что предметы, которых она касается, принадлежат к числу наименее изученных. Этому тоже не следует удивляться: так и должно было быть. Человек по своей природе всегда стремится к ближайшей и неотложной цели. Он думает сначала о

своих потребностях, потом об удовольствиях. Он поглощен земледелием, медициной, войной, политикой, затем поэзией и искусством, и лишь затем думает о философии; когда же он обращается к самому себе и начинает размышлять, то сначала устанавливает правила суждения, это логика; затем правила речи, это грамматика; затем правила для своих желаний, это этика. Тогда он мнит себя достигшим вершины теории и не представляет, что можно идти еще дальше. Лишь долгое время спустя ему приходит в голову предположить, что эти три операции, судить, говорить и желать, имеют единый источник, и чтобы научиться лучше их выполнять, нужно не ограничиваться их результатами, но восходить к их общему началу, к источку, тщательно исследуя который, он найдет также принципы воспитания и права; что основанием всех этих знаний должно стать познание наших умственных способностей.

Локк, я полагаю, был первым, кто попытался наблюдать и описывать человеческий разум так, как наблюдают свойства минералов и растений или примечательные черты в образе жизни животных; таким образом, он сделал исследование разума частью физических наук. Конечно, и до него выдвигались различные гипотезы и даже смело провозглашались различные догматы относительно природы души. Но целью при этом было не открыть происхождение наших познаний, их достоверности и их пределов, а указать начало и конец всех вещей, разгадать тайну возникновения и предназначения мира. Это предмет метафизики; ее мы относим к числу искусств, основанных на воображении и приносящих нам удовлетворение, но не точные знания³¹.

Некоторые сильные умы последовали за Локком и продолжили его дело. Кондильяк более чем кто-либо другой способствовал приумножению ценных наблюдений, и именно его следует считать основателем идеологии. Но, несмотря на его пре-

5

10

15

20

25

30

35

40

восходный метод, несмотря на глубину и основательность его суждений и он, по-видимому, не избежал ошибок. У этой науки есть особенность, которую нам предстоит в дальнейшем рассмотреть подробнее; она состоит в том, что наши чисто интеллектуальные восприятия слабы и недолговечны, а чем меньше изучаемый объект позволяет обращаться к прямым свидетельствам чувств и сверяться с ними, тем легче мы сбиваемся и путаемся. С другой стороны, теоретические сочинения Кондильяка суть не более чем фрагменты, итоги лишь отдельных его исследований. Обстоятельства вынуждали его сразу применять свои открытия к искусству речи, рассуждения, воспитания; и он нигде не свел их воедино и не оставил такого изложения своего учения, которое могло бы использоваться для первоначального обучения идеологии³².

Я поставил себе целью его дополнить, попытавшись дать точное и обстоятельное описание наших умственных способностей, их главнейших проявлений, их наиболее примечательных свойств, одним словом — систематически изложить основы идеологии, не останавливаясь перед трудностями этого предприятия, поскольку я полагал его полезным. Мне хорошо известно, однако, что даже в науках гораздо более развитых и более известных именно разъяснение их основных положений остается, быть может, самым трудным делом. В исследовании достигают цели, установив истину. В учебнике этого недостаточно: нужно еще расположить эти истины в правильном порядке, не упустив ничего сколько-нибудь существенного и устраняя все излишние подробности; добиться того, чтобы все они соединялись одна с другой, подобно звеньям цепи, обосновывали и поддерживали друг друга; наконец, представить их достаточно ясно, чтобы они были понятны наименее подготовленным читателям; уже такую задачу нелегко исполнить.

Еще труднее объяснять первоначала науки, которая ранее не была достаточно разработана. Когда речь заходит о каком-либо факте, иногда оказывается, что требуются новые наблюдения, и после более тщательного изучения он предстает в совершенно ином свете; порой приходится уточнять сами принципы или заполнять обширные пробелы в наших познаниях, чтобы связать их между собой; одним словом, в этом случае занимаются не только изложением истины, но и ее разысканием. Это я и старался делать, хорошо понимая, что не всегда мне будет сопутствовать успех.

Отсюда происходит, во-первых, что в этой книге оказалось гораздо больше новых идей, чем мне хотелось: я предпочел бы, чтобы все те мысли, которые представляются мне верными, были уже хорошо известны, тогда я меньше опасался бы ошибок и к тому же имел больше оснований надеяться, что эти идеи будут благосклонно приняты; во-вторых, из-за их новизны я часто был вынужден переходить от повествования к аргументации и подробно развивать некоторые принципы не в силу их важности или трудности, но предвосхищая возможные возражения, хотя и понимал, что это неизбежно вредит восприятию целого; в-третьих, чтобы подготовить к ним умы читателей, мне иногда приходилось забегать вперед, нарушая естественный порядок идей. Ведь хотя Кондильяк был совершенно прав, утверждая, что автор должен излагать свою мысль ясно, говорить лишь то, что требуется для ее доказательства и не отвлекаться на критику господствующих предрассудков, все же верно и то, что иногда невозможно строить, не расчистив прежде место. Может быть, я даже недостаточно заботился об этом; во всяком случае, я уделял бы этой задаче больше внимания, если бы не решил писать в основном для молодых людей, у которых еще нет стольких предвзятых мнений и которые более способны воспринимать новое.

5 Состоянием науки, о которой идет речь, вызвано и то, что иногда, разбирая какой-нибудь вопрос, я должен был углубляться в него больше, чем это уместно в учебном курсе, и пускаться в
 10 рассуждения, которые могут показаться слишком детальными и слишком сложными для юных читателей, к которым я обращаюсь. Впрочем, как раз это мне не кажется серьезным недостатком книги, ибо, повторяю, я считаю, что юный возраст не
 15 только не мешает понимать эти вещи, но и позволяет увидеть их лучше, чем удастся людям, мнения которых уже сложились и стали привычными.

Из всего сказанного следует, что я не мог написать безупречный учебник идеологии. Что ж: я
 15 вижу, какой степени развития достигли математические науки, сколько существует по ним учебных книг, и при этом постоянно слышу жалобы, что среди изложений первоначал математики нет ни одного, которое полностью удовлетворяло бы
 20 знатоков; можно ли после этого обольщаться надеждой, что в науке, которой посвящена моя книга, эта цель будет достигнута с первой же попытки? Однако нужно было с чего-то начать. Мой труд не более чем эскиз, подлежащий исправле-
 25 нию и доработке; план, который можно дополнить, можно сократить, можно реализовать по-разному; наконец, отправная точка для тех, кто пойдет по этому пути дальше: для всего этого я и представляю его публике. У меня нет иных на-
 30 дежд, кроме той, что пишущие после меня считают нужным со мной дискутировать, и что благодаря этому вскоре возникнет некий общий язык, с помощью которого они смогут понимать друг друга, ведь до сих пор в идеологии каждый
 35 автор изобретал свой собственный язык, вполне понятный только ему самому.

Когда я начинал писать этот небольшой трактат, у меня был и другой мотив. Я знал, что авторы закона от 3 брюмера IV года Республики, которым
 40 во Франции была основана государственная сис-

тема образования и дано ее устройство³³, предусмотрели в каждой центральной школе кафедру всеобщей грамматики³⁴, и заключил из этого следующее³⁵: они ощущают, что все языки подчиняются общим правилам, коренящимся в природе наших умственных способностей, из которой истекают и принципы рассуждения; они полагают, что для того, чтобы по-настоящему познать ход человеческого мышления, эти правила необходимо рассматривать в трех отношениях — образования идей, их выражения и их дедукции, и что это знание не только необходимо для изучения языков, но еще и служит единственным прочным основанием моральных и политических наук, относительно которых они совершенно справедливо желают, чтобы все граждане имели о них если не глубокие, то, во всяком случае, здравые идеи; если таково их намерение, то в действительности под именем всеобщей грамматики следует разуметь такой курс идеологии, грамматики и логики, который, обучая философии языка³⁶, служил бы введением к курсу частной и общественной морали. Но законодатели не могли и не должны были входить в детали. Никаких разъяснений касательно исполнения этого положения закона не последовало, и мне показалось, что большинство граждан не понимает, чему же собираются обучать их детей, и даже многие профессора не составили себе завершённой идеи о том деле, в котором ожидают от них усердия. С другой стороны, не имея о нем отчетливой идеи, они не имеют и ни одной книги, которая могла бы служить им руководством. Я посчитал, таким образом, что сделаю полезное дело, предложив им некий текст для комментирования на уроках, некую канву, которую они смогут заполнять по своему усмотрению; и я не сомневался, что вскоре их тетради с планами и конспектами этих занятий у многих станут превосходными оригинальными трактатами, столь же важными для развития идеологии, как и для ее преподавания.

5

10

15

20

25

30

35

40

Правда, в этом пункте я вполне могу и обмануться: ведь я вижу, что неистовство разрушения сопровождается маниакальным стремлением ничему не позволить установиться, что под предлогом ненависти к любым отступлениям от революции объявляют войну всем ее достижениям, всему тому благому, что революция производит: такова новая мода, пришедшая на смену нашим прежним намерениям. Некогда говорили лишь о реформах образования, о необходимых переменах в нем; теперь же, похоже, хотят снова сделать его таким, как во времена Карла Великого. Все выработанные опытом приемы обучения осмеивают, именная рутинной; рассчитывают дать высокую идею практических знаний одним лишь выражением презрения к теориям, которых не знают; всерьез заявляют, что для того, чтобы хорошо рассуждать, не требуется изучать природу своих умственных способностей, а для того, чтобы жить в обществе и быть хорошим гражданином, вовсе не нужно знать принципы социального устройства. Порой уже кажется, что мы вернулись к готическим понятиям об образовании, вместо того чтобы культивировать разум и освободиться от гнета предрассудков. Вот к чему привели взгляды как неистовых новаторов в красных колпаках³⁷, обвинявших философов в том, что они были реформаторами слишком робкими, так и нынешних лицемерных защитников человечности, обвиняющих философов во всех смутах и беспорядках³⁸; те и другие без усталости трудятся над разрушением всех полезных институтов, которые эти самые философы сумели сохранить или основать посреди общего ропота и проскрипций,

35 И мелкие грехи, которыми полна их юность,
Желая искупить, преследуют и угнетают
мудрость³⁹,

сходясь между собой в том единственном пункте, что теорию следует искоренять. Однако я

надеюсь, что мудрая предусмотрительность правительства положит предел этому разрушительному исступлению; что безумцам будет сказано, наконец, чтобы они прекратили забрасывать камнями людей разумных, и хотя никто не желает их наказания*⁴⁰, но им придется убедиться, что они не должны рассчитывать на слишком долгие аплодисменты зрителей. Я совершенно уверен, что так и будет, и это утешает меня в моем одиночестве. Но поскольку из-за этой новой борьбы против науки, о которой я здесь веду речь, ее преподавание, а значит, и издание моего труда, могут быть отложены на несколько лет, вполне возможно, что его прочтут лишь тогда, когда эта нынешняя мания будет уже забыта; вот почему я решил здесь сказать о ней, чтобы напомнить о временах, когда она очень мешала продвижению наших исследований, неспособная, однако, ни охладить наше рвение, ни возмутить наше спокойствие.

Итак, я продолжал свою работу, имея в виду общественные школы, и в первую очередь школы центральные. Я считаю даже, что, принимая во внимание как состояние идеологии, так и множество недостатков, от которых я не смог избавиться в этом труде, последний нуждается, чтобы стать действительно полезным, в том, чтобы его представлял, комментировал и, быть может, даже поправлял мои ошибки какой-либо опытный профессор: ведь чем менее развита та или иная наука, тем труднее ее изложить, но тем важнее, чтобы ее изучали и преподавали. Вот что более всего заставляет меня желать, чтобы во Франции не отказывались от преподавания идеологических, мо-

* Как сказано в басне Лафонтена «Безумец и Мудрец»:

Безумец раз бросал камень в Мудреца,
Преследуя его; Мудрец ему на это:
«Мой друг! ты в поте своего лица
Трудился; вот тебе за то монета:
Труд по заслугам должен быть вознагражден».

(Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат де Траси. — Прим. перев.)

ральных и политических наук, которые, в конечном счете, суть такие же науки, как и все прочие, с тем лишь отличием, что люди, которые никогда их не изучали, почему-то искренне убеждены, что
 5 хорошо их знают, и в состоянии о них судить*. Тем не менее я считаю, что всякий здравомыслящий и непредубежденный человек и без посторонней помощи сможет читать эту книгу с пользой для себя. В этом случае я только прошу его не
 10 откладывать ее в сторону после первого же места, которое он не одобрит, но дочитать до конца, прежде чем выносить мне приговор, потому что зачастую разрешение возникших у него вопросов и ответ на свои возражения он будет находить в
 15 следующих главах. При выполнении этого условия я надеюсь быть понятым настолько, чтобы сомной можно было согласиться в том случае, если я прав, или обоснованно опровергнуть, если я ошибаюсь. Мне не хотелось бы добиться лишь
 20 этого последнего результата, однако нужно допускать его возможность; что ж, я буду считать, что мой труд не был бесполезен, если он послужит отысканию истины хотя бы таким образом.

Мне нужно еще оправдаться в том, что я публикую первую часть «Основ идеологии» без второй и третьей. Несомненно, было бы правильное их не разделять; и я сам весьма сожалею, что не могу представить их все сразу, поскольку считаю, что последующие части многое проясняли бы в
 25 первой, и преимущества моего способа рассмотрения стали бы более очевидны. Однако я прошу читателя учесть, что эта первая часть, которая теперь выносится на его суд, уже содержит, собственно говоря, всю теорию, и я хотел бы выслушать отзывы о принципах, прежде чем переходить
 30 к их приложениям. Если кто-либо из критиков убедит меня, что мой анализ человеческого мыш-

* Впрочем, все люди их действительно более или менее знают, так же как они достаточно знают механику, чтобы опираться на трость, и достаточно знают физику, чтобы уметь задуть свечу.

ления должен быть пересмотрен или уточнен, из этого с необходимостью воспоследует исправление «Грамматики» и «Логики», чтобы их нашли более достойными одобрения знатоков. Я остановился на этом решении, ибо сознаю, как далек от совершенства; самое большее, на что я надеюсь, — услышать, что кое-что все же сделано неплохо. Будь я в этом уверен, сейчас было бы самое время воздать хвалу превосходным советам, полученным от многих просвещенных людей, с которыми я знаком лично, и посвятить этот труд моему другу, которому я особенно обязан всем, что здесь может найтись дельного. Но я откажу себе в этом удовольствии, пока публика не произнесет своего суждения, ибо не хочу связывать известные и уважаемые имена с начинанием, которое может оказаться неудачным. Я думаю, что первое издание вообще никогда не следует украшать посвящениями.

Быть может, одобряя мою сдержанность, укажут все же, что по меньшей мере я должен был сослаться на авторов, у которых иногда заимствовал идеи. Признаю, что если я этого не делал, то главным образом потому, что не помню, кому чем обязан. Я объявляю раз и навсегда, что в этом сочинении многие мысли принадлежат не мне, и повторяю, что более всего желал бы, чтобы не мне принадлежало и все остальное, чтобы основы идеологии представляли собой собрание известных и общепринятых истин: я бы с гораздо большей уверенностью и гораздо большим удовольствием занимался приложениями этих истин и выводением из них разнообразных следствий.

Введение

Молодые люди, к вам я обращаюсь, для вас одних пишу. Я нисколько не стремлюсь учить тех, кто уже знает многое, и знает хорошо: у них я скорее буду искать просвещения, чем предлагать его. Что же касается тех, кто, так сказать, знает плохо, кто из своих многочисленных познаний вывел ложные заключения, считая их несомненными, поскольку они привычны, то я еще более далек от того, чтобы излагать им мои идеи: ибо, как сказал один из величайших философов нового времени, «если люди однажды согласились с неверными мнениями, и те прочно запечатлелись в их умах, столь же невозможно осмысленно говорить с ними, как разборчиво писать на уже исписанной бумаге»^{*41}.

Ничего нет вернее, чем это наблюдение Гоббса. Вскоре мы вместе увидим причину данного факта; до тех пор вы просто можете считать его вполне установленным. Я был бы весьма удивлен, если бы даже ваш небольшой жизненный опыт, сколь бы мал он ни был, не предоставлял вам уже возможность самим убедиться в этом. Так или иначе, в первый же раз, как случится одному из ваших товарищей упорно держаться какой-нибудь идеи, всем остальным кажущейся очевидно абсурдной, понаблюдайте за ним внимательно: вы

* Гоббс. «Трактат о человеческой природе». Перевод барона де Гольбаха.

увидите, что он пребывает в таком расположении ума, при котором для него невозможно понять доводы, представляющиеся вам наиболее ясными. Дело в том, что еще раньше одни и те же идеи выстроились в его голове в совсем иной последовательности, нежели в вашей, и поддерживаются множеством других идей, весь установившийся порядок которых ему пришлось бы разрушить, прежде чем исправить их. В какой-то другой ситуации он, возможно, возьмет у вас реванш. Вот так, друзья мои, одним и тем же образом и по одним и тем же причинам придерживаются ошибочной философской системы и ошибочной комбинации ходов в детской игре.

Именно для того, чтобы уберечь вас от того и другого, я хочу в этой книге не сообщать готовые знания, но лишь побудить вас замечать все то, что происходит в вашем уме, когда вы думаете, говорите, рассуждаете. Ибо иметь идеи, выражать их словами и соединять их в рассуждении суть три вещи разные, но тесно связанные между собой. В наипростейшей фразе присутствуют эти три операции; они настолько переплетены друг с другом, они выполняются так часто, они возобновляются столько раз в течение каждого дня, каждого часа, каждого момента, что сначала кажется чрезвычайно трудным разобраться, как же все это в нас происходит. Однако вы вскоре увидите, что этот механизм вовсе не является столь сложным, каким вы, быть может, его считаете. Чтобы увидеть его ясно, достаточно его рассмотреть по частям; и вы уже чувствуете, что его необходимо знать, чтобы с уверенностью составлять истинные идеи, точно их выражать и правильно соединять друг с другом; а это три условия, без выполнения которых всякое рассуждение ведется наугад и как придется. Исследуем же вместе нашу способность мыслить; и я буду вашим руководителем не на том основании, что мой опыт мышления больше вашего, что само по себе еще не давало бы мне подоб-

5

10

15

20

25

30

35

40

ного права, но лишь потому, что я много наблюдал за тем, как люди мыслят, а именно это мне и предстоит вам показать.

Науке, о которой мы собираемся говорить, 5 дают различные имена; но когда мы несколько продвинемся в ее изучении и вы приобретете отчетливую идею ее предмета, то увидите вполне ясно, как ее следует называть. До того любые названия, которые я мог бы вам навязать, ничего вам 10 не скажут и, возможно, даже введут в заблуждение, заставив ожидать того, что здесь вовсе не будет обсуждаться. Будем же учиться, а впоследствии найдем как назвать то, чему мы научились*.

Многие полагают, что в вашем возрасте⁴² еще 15 неспособны к такому исследованию, к которому я хочу вас привлечь. Это мнение ошибочно; для доказательства обратного я мог бы просто сослаться на собственный опыт и сказать, что я не раз объяснял детям значительно младше вас, причем 20 несколько не выдающимся в умственном отношении, все те идеи, о которых собираюсь беседовать с вами, и что они усваивали их легко и с удовольствием; но я добавлю к этому еще несколько разъяснений, которые будут бесполезны в дальней- 25 шем.

Во-первых, не подлежит сомнению, что умственные силы, как и силы физические, укрепляются и возрастают с развитием наших органов: через несколько лет вы, конечно, будете способ- 30 ны к вниманию более напряженному и длительному, чем сегодня, совершенно так же, как сможете поднимать и переносить груз большего веса.

* Эта наука может называться *идеологией*, если принимать во внимание ее предмет; *всеобщей грамматикой*, если обращаться к ее средствам; *логикой*, если рассматривать ее в отношении к ее цели. Какое бы имя ей ни дали, она с необходимостью содержит эти три части, ибо невозможно осмысленно рассуждать об одной из них, не затрагивая двух других. *Идеология* представляется мне родовым названием, потому что наука об идеях включает в себя науку об их выражении и науку об их дедукции. Одновременно это и собственное имя ее первой части.

Во-вторых, столь же несомненно, что некоторые способности развиваются раньше других и что, подобно тому как гибкость тела предшествует развитию силы мышц, способности получать впечатления и помнить их проявляются прежде силы, необходимой для верного истолкования этих ощущений и воспоминаний и их правильного соединения в рассуждении; иначе говоря, восприимчивость и память предшествуют энергичному действию рассудка.

И еще один бесспорный вывод из наблюдений заключается в том, что как физические, так и интеллектуальные способности страдают в бездействии, укрепляются упражнением и приходят в расстройство от перенапряжения.

Таковы факты: именно из фактов мы всегда должны исходить, ибо они одни учат нас всему, что ни есть; истины более абстрактные суть не что иное как следствия наблюдения фактов. Но что же следует из этих фактов? Ничего другого, кроме того, что, чем бы вы ни занимались, вам следует упражняться, не переутомляясь; что, безусловно, занятия должны быть не слишком долгими и включать в себя повторение пройденного; что через некоторое время вы сделаете за один месяц столько, сколько теперь не сделаете и за два. Но применимо ли все это к науке, о которой идет речь, в большей мере, нежели к любой другой? Должны ли вы отложить ее изучение, в отличие от изучения остальных наук? Конечно, нет.

В самом деле, всем молодым людям вашего возраста уже объясняли элементарные понятия физики и естественной истории; вам рассказывали об основных видах веществ, из которых состоит этот мир, вы имеете общее представление об их соединении и взаимодействии, о движениях небесных тел, развитии растений, строении животных: что же плохого в том, что вам открыли глаза на столько различных вещей, хотя вы и были еще не в состоянии изучать их более глубоко? Благо-

5

10

15

20

25

30

35

40

даря этому вы всегда обеспечены первоначальными идеями и предметами для размышления. В том, что вы узнали, несомненно, многое поражало и пробуждало внимание; в особенности развивалась ваша память, однако и способность суждения не пребывала в бездействии, ибо без ее поддержки вы оставались бы в состоянии самого настоящего идиотизма и были бы неспособны понять ничего из того, что вам говорили.

Это еще не все; ведь вас также учили вычислять, вы знаете основные принципы обращения с числами: там нет почти ничего чувственно воспринимаемого, лишь немного нужно запоминать, там почти все есть размышление — и все-таки вам это было понятно; то, о чем мы собираемся говорить, немногим труднее.

Более того, вы уже приступила к изучению латыни, вам преподавали начала грамматики, разъясняли значения слов, их отношения между собой и ту роль, которую они играют в речи; вам рассказывали о существительных, прилагательных, простых и составных глаголах: вы не могли научиться пользоваться этими обозначениями, не усвоив тех идей, которые они представляют; итак, либо вы не поняли решительно ничего в том, чему вас учили, либо уже знаете, пусть и смутно, значительную часть всего того, что нас будет занимать; и, если я не слишком обольщаюсь, способ, каким мы будем вновь рассматривать эти вещи, покажется вам значительно более ясным, поскольку, говоря о них, нам не придется одновременно заниматься словами языка, который вам еще не знаком.

Наконец, даже если бы вы никогда не слышали ни о физике, ни о счете, ни о латыни; если бы в своей жизни вы не получили ни одного настоящего урока; если бы вы не умели читать; если бы вы не были обучены вообще ничему, кроме как говорить — полагаете, этого вы достигли бы без применения способности суждения? Вы, быть может, никогда не присматривались ко множеству вещей,

необходимых, чтобы ребенок научился говорить; сколько ему нужно выполнить наблюдений и актов рефлексии, чтобы узнавать и различать все те объекты, которые его окружают; чтобы отмечать и распознавать отдельные звуки и их сочетания, произносимые окружающими; чтобы уловить, что одни слова применяются к вещам и обозначают их, другие же выражают мысли и намерения; чтобы самому подняться до повторения этих слов и их правильного соотнесения с объектами; и, в конце концов, научиться слова изменять и связывать между собой таким образом, что они станут верным изображением его мысли. Взвесьте только все эти трудности, и вы увидите, что без множества размышлений и рассуждений не преодолеть столько препятствий. Понаблюдайте за ребенком, которому только что удалось по отдельным деталям опознать объект, которого он никогда раньше не видел, понять что-то, что ему говорят и чего он сперва не понимал, или объяснить свою идею, которую не понимали другие; посмотрите, как он смеется от всего сердца, сколько живой радости он изъясляет. Радость ученого, который только что сделал открытие, обоснована не меньше и не больше; она — абсолютно того же рода, она рождена теми же самыми причинами, своим успехом он обязан в точности таким же усилиям. Я только что сказал, что по одним и тем же причинам совершают ошибки в играх и в науках; добавлю, что с помощью одних и тех же умственных операций учатся говорить и открывают наивысшие из доступных нашему сознанию истин: законы мироздания и законы мышления.

Друзья мои, чем больше вы приобретете опыта, чем больше станете размышлять, тем сильнее будете убеждаться, что ни в каком другом возрасте вы не получали столько новых знаний, не достигали таких важных и быстрых успехов, как в первые три или четыре года вашей жизни. Это не противоречит тому, что, как я говорил выше,

со временем вы станете способны к большей твердости суждения и большей сосредоточенности; но уже никогда вы не будете постоянно заняты познанием*. Делать открытия — главное и почти единственное удовольствие раннего детства; и зачастую в течение всей оставшейся жизни довольствуются тем, что кое-как пользуются приблизительными знаниями, которые тогда успели приобрести. Различие между людьми в уровне просвещения и таланта прежде всего определяется тем, сколь долго им удастся сохранить более или менее живой эту первую страсть к исследованию, к поиску всевозможных истин.

Хотите пример? Примеры делают истины более ощутимыми. Вы наверняка любите лошадей: когда вам ее дают и предоставляют свободу, вы ездите верхом целыми днями, вовсе не стремясь узнать, как лошадь живет и умирает, как пережевывает пищу и что с этой пищей потом происходит, каково ее внутреннее строение; не исключено, что вы даже не замечаете, в чем состоит различие между ее движением шагом, рысью и галопом. Вам не до того, вы охвачены наслаждением скачки; но не до того и взрослому всаднику, едущему по делу и поглощенному своими заботами. Сколько людей всю жизнь правят лошадьми, ни разу не задумавшись, что же, собственно, они при этом делают — ведь лошадь и так их слушается! Напротив, дайте картонную лошадку ребенку: будьте уверены, что он тут же начнет вертеть ее так и сяк; все то время, что он проводит с ней, он ее изучает, и вскоре попытается ее разломать, чтобы увидеть, что там внутри; волоча ее за собой, он ежеминут-

* Можно добавить: «и уже никогда не будете следовать столь правильному методу». Ребенок исходит из получаемых им впечатлений и не делает из них иных заключений, кроме тех, к которым его побуждают сами впечатления. По неопытности он может быть слишком скор на выводы; однако самим своим невежеством он защищен, по крайней мере, от нелепого желания что бы то ни было узнать *a priori*, с помощью некоей общей максимы, составленной заранее.

но ее осматривает, он хочет разобраться, как это все происходит: вы часто видите по его маленькому задумчивому лицу, что его куда меньше занимает результат, чем способ, каким он получен. Его главное удовольствие — исследовать, его истинная страсть — любопытство, и это полезное чувство было бы еще более настоящим, если бы его все время не отвлекали так грубо, и гораздо более плодотворным, если бы с самых ранних лет его не побуждали отбросить его природную логику ради ложных принципов. Но мы несколько отклонились от темы.

Итак, вы видите, что вполне способны к рефлексии и рассуждению, лишь бы исследование доставляло вам удовольствие и не занимало слишком много времени. Вы ошибаетесь и недооцениваете себя, если думаете иначе; от этого заблуждения вам прежде всего и нужно освободиться.

Есть еще одно, о чем вам нужно знать и что будет далее доказано: а именно, что человеческий разум всегда продвигается шаг за шагом; его достижения составляют определенную последовательность, так что ни одна истина не является более сложной для понимания, чем любая другая, если известно все то, что ей предшествует. Непонятное есть не что иное как нечто слишком далекое от всего того, что мы уже знаем; но дистанция между наивысшей научной истиной и той истиной, которая ей непосредственно предшествует, ничуть не больше, чем между наипростейшей идеей и той, которая за ней следует, подобно тому как в счете переход от 99 к 100 не сложнее, чем от 1 к 2. Весь ряд наших суждений — это одна длинная цепь, состоящая из равных между собою звеньев. Итак, нет такой науки, которая сама по себе была бы более темной, чем любая иная: все зависит лишь от порядка, в каком нужно уметь расположить их истины, чтобы избежать слишком больших скачков, если мне будет позволено так выразиться; способность находить этот порядок,

когда он еще не познан, составляет сущность таланта, и это тот же самый талант, который позволяет открывать новые истины. Мы увидим в свое время, в чем он состоит; ясное понимание его природы поможет вам его приобрести и избавит от иллюзии, будто гений, создающий новое, делает это случайно.

Однако, чтобы не преувеличивать значение сказанного выше об этом последовательном сцеплении истин, нужно отметить, что порой умозаключение, воспринимаемое как одна простая мысль, в действительности содержит столь длинный ряд отдельных суждений, что требуется незаурядное внимание, чтобы весь его проследить; и что бывают подобным способом образованные истины, каждая из которых обусловлена таким количеством других, что, даже хорошо их зная, почти невозможно иметь в виду все составляющие их элементы. Об этом следует упомянуть, чтобы вы не представляли все слишком упрощенно; но в этой книге ничего подобного не встретится. Мы не преследуем иной цели, кроме как внимательно рассмотреть, что именно мы делаем, когда думаем, и из этого заключить, что мы должны делать, чтобы думать правильно. Стало быть, все интересующие нас действия происходят в нас самих, все их результаты при нас; и все так ясно, что остается лишь удивляться, почему столько людей так основательно запутались в этом, полагая эти действия и результаты чем-то иным, чем они являются, и ища в них то, чего там найти нельзя. Так что не бойтесь затеянного нами предприятия, столь же полезного, сколь и легкого, которое, я в этом убежден, доставит вам больше удовольствия, чем утомления.

Но, завершая эти предварительные размышления, я должен еще напомнить, что даже тот из вас, чей ум наименее тренирован, все-таки уже обладает несметным множеством идей, что он уже выносил миллионы суждений и что из этого

следовало колоссальное количество знаний: они неисчислимы в самом точном смысле слова, ибо наверняка среди вас нет никого, кто мог бы дать полный отчет обо всех идеях, которые он воспринимал, всех суждениях, которые он выносил, и всех комбинациях, которые он из них составлял; и во всем этом, как вы хорошо ощущаете, уже должно было проскользнуть немало ошибок: ваше преимущество, правда, состоит в том, что они еще не закрепились в ваших умах, как это со временем происходит. Тем не менее, вы весьма далеки от того, чтобы быть для меня, если воспользоваться выражением Гоббса, чем-то вроде чистых листов бумаги, на которых можно писать свободно и без предосторожностей. Нужно исходить из того пункта, где вы сейчас находитесь, нужно учитывать путь, который вами уже пройден; нужно также предостеречь вас от ложных дорог, на которые вы можете ступить, что я и считаю сделанным в этой преамбуле.

Читая ее, многие подумают, быть может, что я, только что обещавший обучить вас впоследствии искусству, которое именуют методом, т. е. искусству располагать ваши идеи в порядке, наиболее подходящем, чтобы находить истину и ее выражать, сам начинаю с нарушения правил этого искусства, рассказывая о многих вещах, о которых я вам еще не дал никаких строгих понятий, столь необходимых, чтобы об этих вещах говорить, и приводя много терминов, о точном значении которых мы еще не условились. Сочтут, что я должен был сначала объяснить, что такое способность, мысль, способность мыслить, ощущение, воспоминание, идея, внимание, рефлексия, суждение, умозаключение, комбинирование идей и т. д., а также дать положительные определения всех тех ученых терминов, которые я уже использовал и которые буду использовать в дальнейшем; решат, что благодаря такому способу изложения я мог бы высказаться яснее.

5

10

15

20

25

30

35

40

Однако, примись я за дело таким образом, вполне возможно, что вы как раз были бы введены в заблуждение; вы бы считали с самого начала, что совершенно меня поняли, тогда как в действительности понимания не было бы вовсе. Вы еще недостаточно продвинулись, чтобы я мог вам показать должным образом, откуда проистекала бы эта обманчивая уверенность: но подтверждением тому, что она была бы ничем иным как иллюзией, служит то, что когда вы по-настоящему узнаете, чем являются все вышеперечисленные вещи, и, следовательно, приобретете отчетливую и правильную идею о значении слов, которые их выражают, мне больше нечего будет вам сказать: вы будете знать науку, которая нас занимает. И вполне очевидно, что я не мог бы научить вас этому всего в нескольких параграфах. Итак, со всеми своими определениями я добился бы лишь того, что, взяв слова, смысл которых вам еще не вполне ясен, и не давая никакого нового знания, заменил бы их другими, столь же непонятными, как и первые. Таким образом, это то, чем умы обольщаются, но никак не то, чем они просвещаются.

Среди терминов, которые я буду здесь приводить, нет, я думаю, ни одного, которого вы сами не произносили бы уже тысячи и тысячи раз. Они, следовательно, уже имеют для вас какой-то смысл; значит, я мог, говоря с вами, пользоваться ими точно так же, как я делал в отношении более распространенных слов, которые вы используете еще чаще, хотя, конечно, далеко не всегда ощущаете все их нюансы. Я должен был только не давать этим словам слишком изощренного употребления, которого вы не поймете, поскольку в вас эти научные термины пробуждают далеко не так много идей, как во мне, и значение, которое вы им придаете — смутное и неопределенное. Но по мере того как я вам буду объяснять те вещи, которые они выражают, это значение станет более ясным, более точным, более полным; и когда оно

окажется в точности таким же, как то, которое им придаю я, мы будем на равных; вы будете тогда знать науку, которую мы изучаем, настолько же, насколько и я, и так же, как я; мы закончим. Итак, мы начинаем с обтесывания, если мне будет позволено так выразиться; затем мы будем совершенствоваться последовательно и постепенно.

В самом деле, моя цель в том, чтобы познакомить вас в деталях с тем, что в вас происходит, когда вы думаете, говорите, рассуждаете: следовательно, необходимо, чтобы прежде вы думали, говорили и рассуждали, без чего вам будет невозможно меня понять. Я мог бы бесконечно рассказывать о цветах слепому, и о звуках глухонемому от рождения, и они никогда бы не поняли, о чем идет речь. Нужно испытать то или иное впечатление; нужно его уже хоть немного знать, чтобы иметь возможность о нем рассуждать: так всегда и продвигается человеческий разум. Человек сначала действует, затем размышляет о том, что он сделал, и тем самым обучается делать это лучше. Он получает первоначальное знание какой-либо вещи, потом его обдумывает; наконец, он это знание исправляет и совершенствует и, отталкиваясь от него, движется дальше.

Итак, мне следовало начать с того, что вы уже знаете, с того, что вы уже делали; следовало побудить вас об этом размышлять и при этом в самых общих чертах обрисовать вам план, которого я намерен держаться, и цель, к которой я намерен вас вести, не стремясь с самого начала к совершенной точности и ясности. Я не упускаю из виду, что, впервые читая эти первые страницы, особенно если вы знакомитесь с ними самостоятельно, без помощи ваших наставников, вы обнаруживаете вещи, которые вам не вполне понятны; но того, что вы узнали, будет достаточно, чтобы двигаться дальше, а главное — чтобы пробудить вашу мысль. Впоследствии вы, возможно, их перечитаете: то, что мы увидим в дальнейшем, отбросит новый свет

5

10

15

20

25

30

35

40

на это начало, которое, в свою очередь, разъяснит то, что мы увидим потом; так и будет продолжаться, пока ваши идеи не станут вполне определенными; тогда мы сможем давать строгие дефиниции, или, лучше сказать, исчерпывающие описания, ибо они-то и есть подлинные дефиниции.

Приступим же к делу, и начнем с рассмотрения того, что такое думать.

Глава I

Что такое думать?

Все вы думаете: вы часто это утверждаете, и никто не ставит ваши слова под сомнение; вы знаете об этом из опыта, вы это чувствуете, вы в этом глубочайшим образом убеждены, и я вовсе не собираюсь этого отрицать. Но пытались ли вы хоть раз дать себе сколько-нибудь точный отчет в том, что такое мысль, разобраться, что с вами происходит, когда вы думаете, неважно о чем, о чем угодно? Я склонен считать, что нет, ведь в большинстве своем люди проживают жизнь и умирают, не предпринимая таких попыток и даже не помышляя об этом. Такая беспечность могла бы показаться странной, не будь хорошо известно, что во многих людях только редкие и непривычные вещи способны пробудить хоть какое-то удивление и желание их исследовать. Рассмотрим же вместе этот вопрос, который, как я подозреваю, никогда раньше не занимал вас.

Вы говорите: «я так думаю», когда имеете какое-либо мнение, когда формируете суждение. В самом деле, выносить истинное или ложное суждение есть акт мысли; и этот акт состоит в том, чтобы почувствовать наличие какой-то связи или отношения между двумя вещами, которые сравнивают. Когда я думаю, что некий человек добр, я чувствую, что качество «доброта» соответствует этому человеку. Здесь нас не интересует ни то, прав я или ошибаюсь, ни откуда могла произойти моя ошибка; этим мы займемся в другом месте. Итак, в данном случае думать есть не что иное как воспринимать отношение соответствия или несоответствия между двумя идеями, т. е. *ощущать отношение.*

Вы также говорите: «я думаю о нашей вчерашней прогулке» тогда, когда воспоминание об этой прогулке только что нас взволновало, на нас воздействовало: думать, в этом случае, означает испытывать впечатление чего-то прошедшего, т. е. *ощущать воспоминание*.

Когда вы испытываете то или иное желание, когда вы чего-то хотите, вы обычно не говорите: «я думаю, что хочу, что испытываю желание». В самом деле, это был бы плеоназм, т. е. выражение избыточное и бесполезное: но все же верно, что желание и все проявления воли суть акты той внутренней способности, которая в целом называется мышлением; и что, когда мы желаем или хотим чего-то, мы испытываем некое внутреннее впечатление, которое называем желанием или волей: таким образом, думать, в этом случае, означает *ощущать желание*.

Вы еще менее склонны использовать выражение «я думаю», когда не делаете ничего другого, кроме как получаете впечатление чего-то действительного и присутствующего, впечатление, которое не есть ни воспоминание о прошедшем, ни связь, существующая между двумя идеями, ни желание овладеть чем-либо или избежать чего-либо. Если какое-нибудь горячее тело обжигает вашу руку, вы не скажете: «я думаю, что обжегся», но: «я чувствую, что обжегся» или, вероятнее всего, просто: «я обжегся». Если вы страдаете от каких-то внутренних болей, от колик, например, то уж точно не скажете: «я думаю, что мне больно»; вы скажете: «мне больно». Однако механическое повреждение, произошедшее в вашей руке или ваших внутренних органах — нечто совсем иное, чем сама боль, которую вы при этом испытываете; это подтверждается хотя бы тем, что парализованные или отмороженные органы могут получить куда большие повреждения, которых вы вовсе не почувствуете: таким образом, эта способность быть аффектированным удовольствием или

болью, когда что-то происходит с нашими органами, образует еще одну сторону того, то мы называем мышлением или способностью мыслить. Думать, в этом случае, означает *ощущать ощущение*, или просто *ощущать*.

Думать, как видите, *всегда означает ощущать*, и ничего иного, кроме как ощущать. Теперь вы спросите меня, а что значит ощущать? Я отвечу: вам это известно, это то, что вы испытываете. Если бы вы сами этого не испытывали, были бы совершенно бесполезны все мои усилия это объяснить: вы бы меня не понимали и никаким способом не могли понять. Но поскольку у вас есть сознание этого способа бытия, вы не нуждаетесь ни в каких объяснениях, чтобы знать, о чем идет речь; вам достаточно вашего опыта. Ощущать есть проявление нашего бытия, есть само наше бытие: ибо существовать, ничего не ощущая, значит существовать лишь для других, для тех, кто это ощущает, но не для себя самого; для себя существует только тот, кто воспринимает свое существование.

Вы могли бы с большим основанием спросить, почему же, если *думать* есть то же самое, что *ощущать*, имеются два разных слова вместо одного? Я бы сказал, что их два, потому что более специальное назначение слова «ощущать» состоит в обозначении акта восприятия первоначальных впечатлений, которые на нас воздействуют, тех, которые и называются собственно *ощущениями*; а слово «думать» обозначает акт восприятия вторичных впечатлений, которые являются производными от собственно ощущений: *воспоминаний, отношений, желаний*. То, что эти два слова, «ощущать» и «думать», не имеют между собой ничего общего, без сомнения, затрудняет понимание природы обоих действий; такое словоупотребление основывается на ложных идеях, которые составляют о мышлении, прежде чем как следует его изучить, и в свою очередь становится

5

10

15

20

25

30

35

40

причиной новых ошибок. Но, вопреки неясности, которую этот неудачный выбор слов вносит в наш предмет, достаточно небольшого размышления, чтобы убедиться, что думать значит иметь некие представления или идеи; что наши представления или идеи (я буду везде использовать эти два слова как полностью синонимичные) суть вещи, которые мы ощущаем, и что, следовательно, *думать* значит *ощущать*. Итак, теперь у нас есть общее понимание того, что такое думать. Нам остается разобраться в деталях.

Повторю еще раз: поскольку думать есть не что иное как ощущать, то, будь слова нашего языка лучше придуманы или лучше применены, мы называли бы всю эту способность в целом *чувственностью*, а ее продукты *ощущениями*, или *чувствами*; эти названия точно выражали бы сами вещи. Однако, не имея возможности изменить словоупотребление, мы будем ему следовать и называть эту способность *мышлением*, а ее продукты — *представлениями*, или *идеями*. Мы сохраним также все другие общепринятые термины, и ограничимся тем, что будем должным образом определять их значение.

Ваши учителя вам расскажут, а может быть, уже рассказывали, что слово «идея» происходит от греческого слова, которое означает изображение, образ, и что этот термин был принят, потому что наши идеи суть образы вещей. Действительно, вполне возможно, что таково было основание и для создания этого слова, и для его заимствования многими языками: но это основание не лучшее, ибо все, что мы ощущаем, суть идеи, и несомненно, что боль, которую я ощущаю, обжегшись, совсем не является наглядным изображением изменения цвета и формы моего пальца. Мы это увидим еще лучше впоследствии, но уже сейчас будем остерегаться этой распространенной ошибки — считать, что наши идеи являются репрезентациями тех вещей, которые их вызывают.

Мы уже отмечали, что у нас имеется идеи или представления четырех различных видов. Я обжегся и испытываю боль: я ощущаю ощущение. Я вспоминаю, как обжегся вчера: я ощущаю воспоминание. Я заключаю, что ожог вызвало такое-то горячее тело: я ощущаю отношение, существующее между этим телом и моей болью. Я хочу избавиться от прикосновения этого тела: я ощущаю желание. Вот четыре чувства, или, выражаясь обычным языком, четыре идеи, весьма различные между собой. Называют чувственным восприятием способность ощущать ощущения; памятью — способность ощущать воспоминания; суждением — способность ощущать отношения; волей — способность ощущать желания. Эти четыре способности определенно составляют часть способности мыслить; но составляют ли они всю ее? Не содержит ли она чего-то еще? Что бы я ни думал об этом, я пока не могу ничего утверждать; этот вопрос нам и предстоит теперь разобрать. Мы начнем с того, что одну за другой рассмотрим эти четыре способности: если из этого исследования станет ясно, что их достаточно для образования всех наших идей, тем самым будет установлено, что, кроме них, в способности мыслить ничего не содержится, что она ими и исчерпывается.

Глава II

О чувственном восприятии и ощущениях

Чувственность является той способностью, той возможностью, тем эффектом нашей организации или, если угодно, тем свойством нашего бытия, в силу которого мы получаем впечатления всевозможных видов и осознаем их.

Каждый из нас знает это только из своего собственного опыта. Наблюдая себе подобных, мы распознаем недвусмысленные знаки того, что и другие испытывают ощущения, но никогда не можем удостовериться в степени их интенсивности: для этого нужно было бы иметь возможность воспринимать органами другого. Чувственность проявляется более или менее ясно у различных видов животных, постольку, поскольку они имеют больше или меньше возможностей ее выражать. Она не заявляет о себе в растениях; но никто не вправе утверждать, что у них или даже у минералов ее не существует: никто не может быть уверен, что растение не испытывает настоящих страданий, когда ему не хватает питания или когда ему подрезают ветви, равно как и в том, что частицы кислоты, которые мы видим всегда предрасположенными объединяться с частицами щелочи, не испытывают чувства удовлетворения от этого слияния. Этим замечанием я вовсе не пытаюсь вас убедить, что следует предполагать чувственность и в тех телах, в которых она никак себя не обнаруживает, ибо в хорошей философии никогда не нужно ничего предполагать: я лишь говорю, что мы пребываем в совершенном неведении относительно этого. Мотивы, побуждающие нас

предпочитать один домысел на сей счет другому, меня в данном случае не интересуют, и я обхожу их молчанием.

Пусть мы не знаем энергии и пределов чувственности во всем, что не есть мы сами, зато имеем некоторое представление о том, посредством каких органов она действует в нас. Я не намерен здесь вдаваться в физиологические детали: вам уже должны были дать общее представление о нашей физической организации, и вы вскоре будете изучать ее более глубоко; мне же будет достаточно вам сказать сегодня, что тысячи непосредственных опытов доказывают, что мы чувствуем, главным образом, благодаря нервам. У человека нервы представляют собой нити мягкого вещества, приблизительно той же природы, что и мозговая ткань: их главные стволы исходят из мозга, где они объединяются и смешиваются; оттуда, посредством множества ответвлений, которые бесконечно дробятся и расходятся, они распространяются во все части тела, чтобы внести в них жизнь и движение.

Благодаря тем окончаниям этих нервов, которые расположены у поверхности нашего тела, мы получаем впечатления разных видов, в зависимости от различных органов, в которых эти окончания находятся. Те, что пронизывают оболочки глаз, способны воспринимать определенные колебания, доставляющие нам ощущения освещенности и темноты, их различных степеней, а также цвета и всех цветовых оттенков: все это вместе образует зрение.

Те, что наполняют внутреннее пространство рта, язык, небо, также воспринимают воздействия неких специфических движений, которые вызывают вкусовые ощущения: это то, что образует вкус.

Точно так же обстоит дело с нервными окончаниями ушей и носа, которые позволяют нам слышать звуки и чувствовать запахи: это образует слух и обоняние.

Заметьте, я отнюдь не случайно говорю, что эти четыре вида нервов воспринимают лишь некоторые движения, которые им соответствуют; ибо те колебания, которые определенным образом возбуждают ушные нервы, никогда не дадут вам визуальных ощущений, глазные нервы никогда не дадут вкусовых ощущений и т. д.

Нельзя сказать того же о пятом чувстве, которое мы называем осязанием. Оно кажется основным и общим для нервов всех видов на поверхности нашего тела; по крайней мере, среди них нет таких, которые при случае не давали бы нам более или менее выраженных ощущений укола, жжения, тепла, холода, ощущений прикосновения тела шероховатого или гладкого, липкого, мокрого и т. д. Те же самые органы, посредством которых мы получаем специфические ощущения, такие как ощущения вкуса, звука, запаха и цвета, способны еще давать нам ощущения более общие, которые можно назвать тактильными. Правда, эти общие ощущения различаются не только интенсивностью, но также самой природой в разных частях нашего тела. Одна и та же рана в разных частях тела болит по-разному; легкое трение не везде вызывает ощущение озноба или щекотки; незначительное раздражение, случись оно не в носу, а где-то в другом месте, не спровоцировало бы тот легкий спазм, который предшествует чиханию и вызывает его. Наблюдая внимательно, можно было бы установить различия между тактильными ощущениями различных частей тела, локализовать эти ощущения вплоть до некоей точки и, таким образом, разложить осязание на множество отдельных чувств. Но от этого было бы мало проку, да и осуществить это достаточно трудно, потому что оттенки осязания не являются резко выраженными и не одинаковы у разных людей. Однако необходимо об этом упомянуть, чтобы вы заметили то, с чем еще не раз встретитесь во всех изучаемых вами науках, а именно что всевозможные классифика-

ции, которые люди создают, чтобы внести порядок в свои идеи, весьма несовершенны; и что нужно их использовать, поскольку они удобны, но никогда не следует забывать, что они сплошь и рядом смешивают вещи весьма различные или разделяют вещи, сходные между собой. 5

Как бы то ни было, вот достаточно полный перечень наших ощущений, которые могут называться внешними, поскольку мы их получаем от тех нервных окончаний, которые расположены на поверхности нашего тела. Вы замечаете, что я не включил в нее восприятия масштаба, расстояния, контура, формы, сопротивления, жесткости, мягкости, поскольку они не являются простыми ощущениями, чистыми эффектами нашей чувственности; все они суть сложные идеи, в состав которых входят суждения: это станет более понятным, когда я буду объяснять происхождение сложных идей. Продолжим. 10 15

Обыкновенно, когда перечисляют проявления чувственности, ограничиваются теми внешними ощущениями, которые мы только что рассмотрели; часто даже только их и называют ощущениями. Однако резь, тошнота, голод, жажда, боль в желудке, головная боль, головокружение, те удовольствия, которые доставляют все естественные отправления, страдания, которые причиняют их нарушения или подавление — все это, конечно, тоже ощущения, хотя они приходят к нам изнутри нашего тела, и на этом основании их можно назвать внутренними ощущениями. Но к какому из пяти чувств нам их следует причислить? Осмелимся ли мы утверждать, что головокружение относится к зрению, сердечная боль к вкусу или боль в почках к осязанию? Нет, конечно. Итак, мы будем говорить о них, не относя их ни к одному из пяти чувств, и это будет наименьшим злом, что лишний раз подтверждает неудовлетворительность классификаций. Во всяком случае, вы видите, что всякое потрясение одного из наших нервов, происхо- 20 25 30 35 40

дит ли оно в результате какого-то жизненного процесса или воздействия внешней причины, производит то или иное ощущение и приводит в действие нашу чувственность.

5 Сюда же следует отнести тот факт, что всякий раз, когда мы делаем какое-то движения любым из наших членов, мы об этом предупреждены, мы его ощущаем. Это вполне можно считать еще одним чувством. Оно не имеет никакого названия, 10 но достаточно существенно, чтобы быть специально отмеченным. Мы назовем его чувством движения.

Наконец, есть еще другие эффекты чувственности, которые обычно называют скорее переживаниями, чем ощущениями, и которые, однако, 15 тоже суть результаты состояния наших нервов, вполне подобные всем тем, о которых мы только что упоминали: таковы впечатления, которые мы испытываем, когда чувствуем себя усталыми или 20 бодрыми, вялыми или возбужденными, печальными или веселыми. Я знаю, будут удивлены тем, что я поместил подобные состояния человека среди простых ощущений, особенно в отношении трех последних, которые склонны рассматривать, скорее, как побочные результаты различных идей, 25 которые нас занимают, и, следовательно, как мысли, как переживания очень сложные. Однако, в точности так же, как порой чувствуют усталость и изнеможение, не выполняя перед этим никакой 30 тяжелой работы, или ощущают легкость и бодрость без предшествовавшего этому отдыха, зачастую, и это невозможно отрицать, мы испытываем волнение, веселье или грусть без каких-либо оснований. Я апеллирую к опыту каждого, и в 35 особенности людей, от природы чутких и впечатлительных. Разве приподнятое настроение, порожденное хорошей новостью или несколькими бокалами вина, не является в обоих случаях одним и тем же состоянием? Есть ли разница между возбуждением, вызванным лихорадкой и трево-

гой? Так ли уж трудно спутать боль в желудке и боль утраты? Что до меня, то могу сказать, что мне случалось затрудняться определить, вызвано ли испытываемое мною тягостное чувство печальными обстоятельствами, в которых я находился, или расстройством пищеварения. С другой стороны, даже тогда, когда эти состояния возникают вследствие наших мыслей, сами по себе они все же остаются простыми аффектами, которые не являются ни воспоминаниями, ни суждениями, ни желаниями в собственном смысле слова. Таким образом, они тоже суть продукты чистой чувственности, и я должен был о них здесь упомянуть, поскольку это подлинные внутренние ощущения, такие же, как и рассмотренные выше.

То же самое относится к ощущениям, сопровождающим все человеческие страсти; их следует отличать от собственно страстей, которые всегда включают в себя то или иное желание. В ненависти есть желание причинить неприятности, в дружбе — желание доставить удовольствие: желания эти зависят от способности, которую мы называем волей. Но приятное или тягостное состояние человека, который симпатизирует другому или ненавидит его, есть настоящее внутреннее ощущение. Полагаю, это не требует дальнейших разъяснений.

Итак, мы произвели смотр всем тем действиям, которые должны быть отнесены к чистой чувственности. Я уверен, что никогда раньше вы не предпринимали их столь полного и скрупулезного разбора; возможно, вы еще не видите в этом большой пользы, однако это должно положить начало вашему умению лучше распутывать то, что в вас происходит. По мере нашего продвижения вы увидите, как все последовательно раскрывается перед вашими глазами, и хаос сменяется порядком, а это всегда доставляет удовольствие. Но довольно говорить о чувственности; переходим к памяти.

5

10

15

20

25

30

35

Глава III

О памяти и воспоминаниях

Память — второй вид чувственности. Первый состоит в том, чтобы быть аффектированным каким-либо действительным ощущением; второй — в том, чтобы быть аффектированным воспоминанием об этом ощущении. Но это воспоминание само по себе является ощущением, поскольку оно есть нечто чувственно воспринимаемое; это тоже внутреннее ощущение, хотя и несколько другого рода, чем те, о которых мы только что говорили.

В самом деле, воспоминание о каком-либо ощущении отнюдь не тождественно этому ощущению: когда я вспоминаю, что чувствовал боль, я не испытываю того же воздействия, как тогда, когда мне действительно было больно. Кажется достаточно правдоподобным, что, когда мы воспринимаем ощущение, какое-то движение, которое происходит в нервах, идет от периферии к центру; когда же мы воспринимаем воспоминание, оно распространяется от центра к периферии. В пользу этого свидетельствует и то обстоятельство, что, когда воспоминание оказывается очень ярким, оно иногда доходит почти до пробуждения самого ощущения в том же месте нашего тела, где это ощущение имело место раньше, как если бы из-за сильного потрясения, направленного от центра к периферии, в последней возникла новая реакция от периферии к центру, воспроизводящая первоначальное движение. Но это не более чем предположения; механическая игра нервов до настоящего времени остается неисследованной.

Я сказал, что память состоит в восприятии воспоминаний о прошедших ощущениях: добавь-

те к этому, что она состоит также в восприятии воспоминаний о наших суждениях, желаниях, всех сложных идеях и, наконец, воспоминаний о воспоминаниях, ибо нам постоянно случается припоминать такие впечатления, которые сами суть не что иное как воспоминания. 5

Этой способностью, называемой памятью, чрезвычайно восхищались, и не без основания: но, справедливости ради, нужно было бы начать с восхищения тем, что называется чувственностью; 10
 ибо если весьма удивительно, что нечто сущее имеет свойство быть аффектированным воспоминанием о впечатлении, полученном в прошлом, то ничуть не менее удивительно и то, что это сущее способно быть изменено таким способом под действием всего, что к нему прикасается. То и другое суть результаты такой физической организации, скрытые пружины которой непостижимы для нас. Все в природе в равной степени восхитительно, от крошечного растения до величайшей мысли. Но ограничиться восхищением и прославлением мудрости природы — значит использовать отпущенное нам время самым бесплодным образом и ничего не узнать. Попытки же разгадать ее, измышляя причины и начала, очень опасны; это неисчерпаемый источник заблуждений и ошибок. Таким образом, единственное, что может принести пользу — изучать то, что есть; только это ведет к действительному познанию природы и получению от нее всего, что может послужить к нашей выгоде. Продолжим же наши исследования. 15
 20
 25
 30

Спрашивают, принадлежит ли к сущности памяти то, что, когда мы воспринимаем воспоминание, мы ощущаем, что оно есть репрезентация какого-то прошлого впечатления, или, иначе говоря, то, что мы всегда знаем, что это воспоминание. Я отвечаю, что нет, ведь довольно часто случается, что мне приходит в голову некая идея, которую я считаю новой для себя, а мгновением позже понимаю, что когда-то давно я это уже где-то писал: вот 35
 40

беспорное доказательство того, что можно вос-
принимать воспоминание, не сознавая в то же вре-
мя, что это воспоминание. Этого фактического до-
казательства вполне достаточно, ибо оно само по
5 себе непроверяемо, однако можно к нему доба-
вить еще и теоретическое доказательство. В самом
деле, получать некое впечатление в настоящем из-
за некоторого ощущения, имевшего место в про-
шлом, есть сама сущность памяти. Но чтобы рас-
10 познать затем, что это действительное впечатле-
ние — не что иное как репрезентация другого,
прошедшего впечатления, что это именно воспоми-
нание, необходимо чувствовать отношение иден-
тичности или подобия между этими двумя впечат-
15 лениями. А чувствовать отношение есть акт сужде-
ния. Таким образом, это не является свойством той
простой памяти, которую мы здесь исследуем, па-
мяти, вычлененной из всех других интеллектуаль-
ных способностей и рассматриваемой отдельно от
20 них. Можно было бы, самое большее, спросить,
действительно ли этот акт суждения осуществляет-
ся всегда, когда мы что-то вспоминаем, и с необ-
ходимостью связан с любым актом памяти; но ведь
пример, который я только что привел, полностью
25 отвечает и на этот последний вопрос.

В этот пункт идеологии внесло некоторую не-
ясность то обстоятельство, что, когда мы вспоми-
наем какое-то ощущение в собственном смысле
слова, различие между ним самим и воспоминани-
30 ем о нем замечается нами почти всегда. Если я ду-
маю о боли, которую некогда испытывал, то, за
исключением крайне редких случаев, очень хоро-
шо чувствую, что ощущаемое мною сейчас — это
не сама боль. Но если речь идет о впечатлениях,
35 не столь несходных между собой, как боль и вос-
поминание, это суждение часто от нас ускользает;
когда же оно имеет место, то является самостоя-
тельным актом рассудка, а отнюдь не необходи-
мым следствием способности помнить. Я не ду-
40 маю, что это могло бы встретить возражения.

Говоря в предыдущей главе о чувственности, я мог бы поставить перед вами вопрос, вполне аналогичный тому, который у нас только что возник по поводу памяти; но я предпочел не предлагать его вам раньше, потому что теперь нам будет легче найти верный ответ. Спрашивается, связано ли с самой природой чувственности, что, когда мы испытываем какое-то ощущение, мы различаем его источник, т. е. соотносим его с телом, которое является его причиной, или, по меньшей мере, с органом, который нам его передает. Будьте осторожнее с этим вопросом: хотя в основе своей он не труднее, чем тот, который мы только что разобрали, он все же требует несколько больше внимания, потому что на него нельзя сразу ответить примером, как на предыдущий.

Действительно, почти с первых моментов нашей жизни мы знаем, что окружены телами, которые воздействуют на нас тысячами разных способов; что мы сами имеем тело и органы, которые обладают чувствительностью; что у нас нет таких внешних ощущений, которые не происходили бы из взаимодействия посторонних тел и наших органов; наконец, что все наши внутренние ощущения суть эффект движений, которые происходят внутри тех же самых органов. Все эти познания появились у нас задолго до того времени, с которого мы себя помним: это подтверждается тем, что мы не можем вспомнить, как мы их приобрели. В течение всей сознательной жизни мы привычно соотносим все наши ощущения с тем, что их вызывает; поэтому у нас есть сильное искушение считать, что это в самой природе любых ощущений — указывать на вызывающую их причину, и что в этом и заключается сущность чувственного восприятия.

Однако бессвязные движения младенцев недвусмысленно указывают, что некоторое время после рождения они испытывают ощущения, еще не зная, откуда эти ощущения к ним приходят. Да

и мы сами, хотя и знаем почти всегда, каким из органов воспринимаем то или иное ощущение, далеко не всегда можем точно определить, что за тело на него воздействовало и где именно оно находится; наконец, мы иногда обманываемся даже в том, какой орган аффектирован, и нам случается принять один за другой. Эти наблюдения доказывают, что знание об источнике ощущения никоим образом не содержится в самом ощущении, что часто испытывают ощущения, не зная их причины, и что, следовательно, ощущение и знание того, что его вызвало — не только не одно и то же, но эти две вещи даже не являются неразрывно связанными между собой. Правда, эти факты не столь весомы, как пример, на который я сослался, говоря о памяти. Но можно опять обратиться к общим принципам нашей умственной организации и, за недостаточностью фактического доказательства, прибегнуть к доказательству путем рассуждения, подобному предыдущему. Рассмотрим же этот вопрос применительно к чувственности, как раньше рассматривали его применительно к памяти.

Воспринимать ощущение есть акт чувственности в собственном смысле слова; а воспринимать, что это ощущение вызвано таким-то телом и получено посредством такого-то органа — значит воспринимать отношение между этим нашим ощущением и данным телом или органом: это акт суждения. Поэтому очевидно, что он не принадлежит к собственно чувственности, и что, следовательно, одно никоим образом не является существенным и необходимым для другого. Отсюда заключаем, что, хотя это противоречит нашим наиболее глубоко укоренившимся привычкам, в простом ощущении нет ничего, что указывает, откуда или посредством чего оно явилось; и что возможны случаи, когда мы ощущаем, не вынося никакого суждения и, следовательно, не зная, что мы имеем тело и органы, что мы видим глазами, а

осязаем рукой, не зная, наконец, что то, что мы видим и осязаем, суть тела.

Я говорю, что такое *может быть*, но не утверждаю, что так действительно *бывает*. Ведь согласно точному смыслу рассуждения, которое мы только что произвели и которое, как мне кажется, невозможно опровергнуть, все же вполне допустимо спрашивать относительно этих двух способностей, а именно способности воспринимать ощущения и способности выносить суждения, не связаны ли они друг с другом с самого своего появления, не возникают ли они у человека одновременно, не действуют ли они всегда совместно и согласованно, что дает такой же эффект, как если бы они были одной и той же способностью; и как без всех этих предположений можно объяснить тот факт, что мы знаем о существовании нашего тела, существовании других тел и о том, что именно они вызывают в нас ощущения.

Не желая пока вдаваться в основательное обсуждение этих вопросов, я скажу в отношении первого из них, что вышеупомянутые факты как раз доказывают, что способность суждения развивается не иначе как после способности чувствовать; и мы убедимся в этом в следующей главе, где будем говорить о суждении.

Что касается второго вопроса, я обещаю, что в соответствующем месте покажу, как мы последовательно и постепенно приходим к знанию о существовании тел и о том, что они суть причины наших ощущений; и объяснение, которое я дам этому феномену, будет, полагаю, исчерпывающим. Но если даже я заблуждаюсь и мои объяснения окажутся неудовлетворительными, это будет лишь означать, что я плохо понял происхождение этого факта и нужно искать для него новое объяснение, а вовсе не то, что ощущение само по себе содержит знание о своей причине; ведь от моей ошибки не стало бы менее достоверным, что, если не делать ничего, кроме как ощущать, то посред-

5

10

15

20

25

30

35

40

ством одного этого действия нельзя понять, откуда ощущение приходит: ибо ощущать и судить суть две вещи разные, и иногда они встречаются порознь. Вот положение, от которого не следует отказываться, ибо оно несомненно. Удостоверившись в столь простой истине, мы едва ли сильно продвинулись вперед; однако впоследствии вы увидите, что немало философов запутались, не уделив ей должного внимания, и что мы еще извлечем из нее весьма важные следствия.

Вы, вероятно, никогда не рассматривали с такой дотошностью отдельные элементы способности мыслить, и удивлены, что при этом обнаруживается множество различных частей того, что на первый взгляд выглядит единым и неразложимым, и что вещи, которые кажутся столь простыми, дают повод для такого количества сомнений и вопросов. Возможно также, что вы находите мое продвижение к цели слишком медленным, а мои изыскания слишком тщательными; но поверьте, много времени выигрывает тот, кто не торопится, а хорошо знают только то, что изучили во всех деталях. Вскоре вы увидите, что мы будем вознаграждены за наше терпение. В данный момент я не добавлю ничего к тому немногому, что сказал вам о памяти перед этим отступлением о чувственности. Пока достаточно, чтобы вы точно знали, что такое память и в чем она заключается. Переходим к суждению. Когда мы рассмотрим подобным же образом, деталь за деталью, все части способности думать, мы их объединим, чтобы увидеть их в действии; и тогда, благодаря этой подготовительной работе, мы станем быстро получать новые результаты, причем с полной уверенностью в их достоверности.

Глава IV

О суждении и о восприятии отношений

Способность составлять суждения, или просто способность суждения, есть еще один вид чувственности, ведь это не что иное как способность воспринимать отношения между идеями, а воспринимать — значит чувствовать. Начнем с разъяснения смысла слова «отношение»: это выражение столь общее, что, если не позаботиться об уточнении его смысла, оно могло бы оказаться не вполне ясным. 5

Любой аспект, любая особенность каждой из наших идей может быть использована для установления какого-то отношения между этой идеей и всеми остальными. 10

Восприятие отношения есть такой аспект нашего разума, такой акт нашей способности мыслить, посредством которого мы сопоставляем одну идею с другой, связываем их друг с другом или сравниваем между собой каким-либо способом. Например, если мое суждение состоит в том, что лошадь хорошо бежит, я не только представляю с помощью разума идею этой лошади и идею «хорошо бежать»; я ощущаю, что свойство хорошо бежать подходит к лошади. Это и есть отношение между данным действием и данным животным. Точно так же, если я выношу суждение, что Пьер веселый, что Жак хорошо себя чувствует, я не только воспринимаю идеи Пьера и веселья, Жака и хорошего самочувствия; я ощущаю, сверх того, что идея веселья соответствует Пьеру, а идея хорошего самочувствия соответствует Жаку: 15 20 25 30

это и есть ощущения отношений, и это — суждения. Вы найдете то же самое во всех примерах суждений, какие только пожелаете избрать, если хорошо их проанализируете*.

- 5 Благодаря этому объяснению вы отчетливо видите, в чем состоит способность суждения. Не спрашивайте меня, как получается, что мы ею обладаем; весьма вероятно, что мы этого никогда не узнаем. Кажется непостижимым, что мы устроены
- 10 таким образом, что можем быть аффектированы отношением двух ощущений; но ведь не менее удивительно и то, что мы воспринимаем и сами эти ощущения, и воспоминания о них. Можно даже сказать, что суждение есть необходимое
- 15 следствие чувственности; ведь из того, что отчетливо воспринимают два ощущения, достаточно естественно следует, что чувствуют также сходства, различия и связи между ними. Как бы то ни было, способность суждения — такая же часть
- 20 способности мыслить, как чувственное восприятие и память; это три проявления нашей физической организации. Будем держаться этого: мы не разгадываем тайны, но последовательно проводим наблюдения, которые следует сделать относительно способности воспринимать отношения.
- 25

- Сразу же отметим, что эта способность нам весьма и весьма необходима; только благодаря ей мы знаем все то, что мы знаем; без нее чувственность и память были бы совершенно бесполезны.
- 30 Если бы мы не обладали способностью чувствовать отношения, то, благодаря наличию ощущений и воспоминаний, могли получать удовольствия и страдать, но этот опыт ничему бы нас не учил, и мы бы вечно оставались такими же, как в

* Впоследствии будет подробно объяснено, что акт суждения всегда заключается единственно в том, чтобы увидеть, что одна идея содержится в другой, является ее частью, одной из идей, которые ее составляют или должны составлять; пока же нам это не требуется. Те, кто хотел бы разобраться в этом вопросе прямо сейчас, могут обратиться к первой главе «Грамматики».

первый день нашей жизни; мы бы никогда не узнали ни того, откуда в нас берутся эти ощущения, ни как они возникают, ни как они связаны между собой, ни в чем они подобны друг другу, в чем различны и в чем зависят друг от друга, ни какими способами мы можем их получать или избегать; мы были бы неспособны объединить две идеи для образования третьей, мы не знали бы даже, существуют ли тела и есть ли тело у нас; одним словом, мы были бы тогда существами чувствующими, но пребывающими в полном, абсолютном неведении как относительно всего того, что нас окружает, так и относительно самих себя; ибо все наши знания суть не что иное как ощущения отношений, или суждения. Это станет еще яснее, когда мы будем анализировать способ, каким формируются сложные идеи, т. е. почти все наши идеи; но уже теперь вы должны это понимать, и сейчас пример сделает это для вас более наглядным.

Я получаю ощущение желтого цвета: оно мне дано, но само по себе оно ничего не сообщает. Я только чувствую какие-то изменения, сопровождаемые удовольствием или болью. И лишь вследствие восприятий определенных отношений, которые даны моему рассудку, или, как обычно говорят, посредством выносимых мною суждений, я узнаю, что это ощущение я получил с помощью глаз; что оно вызвано каким-то телом; что тело это излучает свет; что то же самое тело вызывает во мне и другие ощущения; что я могу его тем или иным образом использовать и т. д. Как видите, все, что мы знаем, состоит не в чем ином как в отношениях между различными вещами, которые мы ощущаем. Итак, польза и функции суждения вполне установлены.

Теперь для нас должно быть очевидно, что, чтобы воспринимать отношения, нужно уже иметь не менее двух идей: таким образом, действие чувственности в узком смысле слова необходимо предшествует, хотя бы на мгновение,

5

10

15

20

25

30

35

40

5 действию способности суждения: эти две способности не могут начать свою работу в точности в один и тот же момент. Тем самым, как мне кажется, дан обещанный мною ранее ясный ответ на первый из двух вопросов, которыми мы задавались в предыдущей главе*.

10 Отсюда не следует, впрочем, что мы с рождения наделены лишь способностью ощущать, а способность составлять суждения приобретаем
15 впоследствии. То и другое в равной мере заложено в самой нашей физической организации; об этом мы уже не раз говорили. Боль, которую я испытываю и о которой могу судить, не сильнее той, которую чувствует ребенок; и он с самого рождения
20 обладает также способностью воспринимать отношения, лишь благодаря которой и узнает, что у него есть способность воспринимать ощущения: но я утверждаю, что он не может начать пользоваться первой из них раньше, чем воспользуется
25 второй. Опыт доказывает сверх того, что способность суждения достигает своего полного развития позднее всех остальных способностей, и можно даже утверждать, что и угасает она последней. Мы увидим в дальнейшем, какие обстоятельства
25 необходимы, чтобы она начала действовать.

* Мне могли бы возразить, что о первом же ощущении, которое мы испытываем, мы можем вынести суждение, что оно нам приятно или неприятно. Это верно: я считаю даже, что мы это действительно делаем, и более того — что это единственное суждение, которое мы можем вынести об этом первом ощущении, за неимением других терминов сравнения. Но этот факт нисколько не опровергает того, что я только что говорил, ведь уже в первом ощущении имплицитно содержатся две идеи, а именно идея способности ощущать и идея воздействия, которое ее модифицирует; и первое наше суждение есть не что иное как восприятие отношения между воздействием и нашей чувственностью, ее модификации к лучшему или к худшему. Это восприятие отношения может, таким образом, тотчас же возникнуть из самого первого воздействия на нас; но оно не может ему предшествовать, а может лишь за ним следовать, и этого достаточно, чтобы не противоречить моему утверждению. Мы еще вернемся к обсуждению этого вопроса в гл. VIII.

Мы только что говорили, что для того, чтобы воспринимать отношение, нужно не менее двух идей; добавим еще, что и не более двух, ибо в любом отношении не может быть ничего, кроме двух терминов, а именно идеи, с которой сопоставляют другую, и идеи, которую ей сопоставляют: они называются соответственно субъектом и атрибутом суждения. Если бы в суждении имелось несколько субъектов или атрибутов, то имелось бы и столько же отношений и, следовательно, не одно, а несколько суждений. В действительности как субъект, так и атрибут вполне могут быть сколь угодно сложными идеями, составленными из множества элементов, но это множество всегда рассматривается как одно целое; и в каждом из наших суждений имеется не более двух идей или двух групп идей, которые сопоставляются одна с другой.

Например, если я говорю: «Человек, который открывает истину, полезен всему человечеству», то произношу много слов, но выражаю только одно суждение, в котором «человек, который открывает истину» является субъектом, а «полезен всему человечеству» — атрибутом. Однако «человек» выражает идею индивида, «который» — идею отношения, «открывает» — идею действия; неопределенный артикль *un* перед словом «истина» выражает идею единственного числа, а само это слово — идею некоего продукта нашего разума. Вот пять весьма различных идей, и каждая из них, в свою очередь, составлена из других: но все они образуют только одну идею, ведь я не говорю в этом предложении ни просто о человеке, ни о человеке, который что-то открывает, но о человеке, который открывает истину: это завершенная единая идея, хотя и весьма сложная, которую я намереваюсь сопоставить с другой. То же самое с атрибутом: глагол-связка *est* выражает идею существования, «полезен» — идею качества, предлог *à* — идею отношения, «всему» — идею качества, «человечеству» — идею всех людей. Это тоже

дает пять идей, и все они столь же сложны, как и идеи, составляющие субъект. Но все они вместе — не что иное как одна идея; ведь мое суждение об этом субъекте состоит вовсе не в том, что он про-
 5 сто есть, существует, или что он полезен, или что он полезен людям, но в том, что он полезен всему человечеству в целом: только теперь мое ощущение этого отношения выражено полностью, и только это я утверждаю, произнося так много слов. Та-
 10 ким образом, как я и говорил, эта столь длинная фраза выражает одно-единственное суждение.

Напротив, во фразе «Пьер и Поль существуют», хотя она очень коротка, имеются два суждения, поскольку здесь три термина. Я сопоставляю
 15 идею существования с идеей Пьера и с идеей Поля, т. е. с двумя различными и самостоятельными идеями: это высказывание есть не что иное как сокращенный способ сказать, что Пьер существует, и Поль тоже существует, что дает два вполне
 20 независимых друг от друга суждения, одно из которых может быть истинным, а другое ложным.

И когда я говорю: «Род человеческий существует», то, поскольку количество суждений в высказывании определяется количеством терминов,
 25 т. е. групп идей, а не количеством идей, образующих каждую группу, я выражаю этим всего лишь одно суждение, хотя словами «род человеческий» охватывается гораздо больше идей, чем идея Пьера и идея Поля.

Не нужно, однако, чтобы форма выражения порождала иллюзии. Например, когда я говорю: «Один и один равно двум», я не выношу двух суждений, ведь я не утверждаю, что единица равна двум, и другая единица тоже равна двум, а утверждаю, что результат их сложения равен двум:
 35 в этой фразе заключается лишь одно суждение, и вы видите только два термина. Если бы словоупотребление было рациональным, вместо «один и один равно двум» говорили бы «один и один дают два», подобно тому как говорят «сложение

единицы и единицы дает два»; ведь в том и другом случае на самом деле имеется только один субъект; но в языках, которыми мы пользуемся, словопотребление часто бывает нелепым, поскольку все эти языки сложились задолго до развития науки. 5

Сделаем вывод, что в ощущении отношения, или суждении, никогда не может быть больше двух терминов.

Теперь я должен заняться разъяснением одной трудности, которая могла бы привести вас в смущение. Вам, конечно, уже говорили, когда рассказывали о латинской или французской грамматике, что предложения выражают суждения; и это действительно так, но, быть может, вам говорили также, поскольку это мнение достаточно распространено, что любое предложение с необходимостью включает три термина: субъект, атрибут и связку, или глагол-связку. Если бы это было так, то содержало бы противоречие с принципом, который я только что вам объяснил: ведь как может быть, чтобы было два термина в суждении, и в то же время с необходимостью три — в предложении, которое есть не что иное как точное выражение этого суждения? Так вот, это мнение ошибочно, а возникает ошибка следующим образом. 10 15 20 25

Было замечено, что во всех предложениях, какими бы они ни были, глагол «быть» (*être*) присутствует либо эксплицитно, как в предложении «Пьер высокий» (*Pierre est grand*), либо имплицитно, как в предложении «Пьер идет» (*Pierre marche*), которое можно преобразовать в «Пьер является идущим» (*Pierre est marchant*). Это наблюдение справедливо: но грамматисты, которые отнюдь не всегда являются идеологистами⁴³, исходя из него, вообразили, что имеется некое загадочное свойство, скрытое в глаголе «быть», и что он является выражением необходимой связи между субъектом и атрибутом; они называли его 30 35 40

связкой, или глаголом-связкой, и сделали его третьим термином в высказывании; однако глагол «быть» ничего не связывает, и название «связка», которое ему присвоили, лишено всякого смысла.

5 Глагол «быть» встречается во всех предложениях, потому что невозможно сказать, *что* есть некая вещь, не сказав прежде, что она *есть*. Я не могу ни думать, ни говорить, что Пьер является высоким, не подумав и не сказав сначала, что

10 Пьер существует. Но слово «есть», которое имеется во всех предложениях, образует в них часть атрибута, причем часть исходную и основную; оно — общий и главный атрибут всех вещей, которые существуют, или о которых говорят как о существующих. Итак, нет трех терминов в предложении, как нет их и в суждении, которое этим предложением выражено.

Другие грамматисты считали, что глагол «быть» выражает уверенность говорящего в том,

20 что он говорит, т. е. само действие разума, который выносит суждение. Но еще раз повторю: глагол «быть» сам по себе не выражает ничего, кроме бытия. Если, помимо этого, он и выражает утверждение, то лишь акцидентально, посредством

25 своей грамматической формы. Это подтверждается тем, что, если я скажу: «Пьер быть хороший», подобная фраза столь же мало будет утверждением, выражением суждения, как если бы я просто сказал «хороший Пьер». Глагол «быть» выра-

30 жает утверждение лишь тогда, когда он взят в определенной форме. Именно в форме, а вовсе не в самом этом глаголе содержится утверждение: таким образом, фраза является предложением, или высказанным суждением, только если в ней

35 имеется этот глагол в определенной форме, произносимый или подразумеваемый: но то, что он может, хотя и не всегда, выражать утверждение — это не более чем его вспомогательное применение, которое не мешает ему всегда быть частью атрибута.

40

Итак, я был прав в обоих случаях: и говоря, что в суждении никогда не бывает более двух терминов, и в вышеприведенном анализе формы выражения тех суждений, которые я взял в качестве примера.

Так как обсуждение, которым мы сейчас занимались, относится к вопросу, все еще остающемуся предметом споров, я был вынужден уделить ему много времени: оно должно было показаться вам слишком длинным, и я боюсь, что вы нашли его тягостным, потому что оно в некоторых отношениях преждевременно. Мы вернемся к этому обсуждению, когда будем специально изучать способы выражения мысли, и тогда вы разберетесь в нем лучше, потому что будут даны некоторые необходимые предварительные объяснения*; но я должен был немного забежать вперед, иначе то, что вам могли уже рассказывать о принципах грамматики, бросило бы некую тень на способ, каким я вам объяснял восприятие отношений. Благодаря этому вы начинаете понимать, насколько наука о мысли и наука о речи тесно связаны, насколько они необходимы друг другу, и насколько опасно заниматься способом выражения идей до того, как изучен способ, каким они формируются в нас; вы увидите тому и другие доказательства.

Из того, что нужно иметь сразу две идеи, и что нужно иметь их только две, чтобы воспринимать ощущение отношений, мы должны заключить, что нужно еще, чтобы эти две идеи представлялись в одно и то же время разным способом, и чтобы они не смешивались между собой; ведь если бы они смешивались друг с другом, они были бы двумя, а одной составной идеей, наподобие тех, которые, соединившись, образуют, как мы только что видели, либо только субъект, либо только атрибут. Таким образом, был бы лишь

* См. «Граматику», гл. II и III.

5 один термин в этой мысли; не могло бы быть ощущения отношения. Например, для того, чтобы я чувствовал отношение между ощущениями черного и белого, нужно, чтобы они оставались раздельными и не смешивались, образуя ощущение серого; ведь тогда не было бы никакого термина для сравнения. Запомните это замечание, оно нам будет очень полезно при рассмотрении того, когда и как наша способность суждения может начать действовать.

10 В завершение сделаем еще одно наблюдение, которое ускользает от многих грамматистов и логиков, и которое вполне рассеивает неясности: а именно, что не существует отрицательных суждений. В отрицательных предложениях отрицание содержится в форме выражения, но не в самой мысли. Например, если я говорю: «Пьер не высокий», обычно это истолковывают таким образом, что я выношу отрицательное суждение, согласно 15 которому идея «быть высоким» не соответствует Пьеру. Это не совсем так: я делаю больше, я чувствую позитивно, что идея «не быть высоким» ему соответствует. Отрицание образует часть атрибута; и если это высказывание верно, то столь же 20 верным было бы и мое суждение, что идея «быть маленьким» или, по крайней мере, «быть среднего роста» подходит Пьеру; а это, бесспорно, утвердительное суждение. Подобное уточнение могло бы показаться мелочным, однако оно очень важно, ведь выражение «отрицательные суждения», 25 которое я отвергаю, порождает двусмысленность в понимании того, как действует наша мысль при вынесении суждения. Мне самому оно долго мешало отчетливо понять, как это происходит. В самом деле, судить — значит воспринимать отношение, а это нечто позитивное: ведь что значило бы воспринимать, что отношение не существует? Это значило бы воспринимать то, чего нет; налицо противоречие. Более того, принимая то объяснение, которое я отклоняю, тем самым вынуждены 30 35 40

не считать отрицание частью атрибута, а рассматривать его как некую модификацию глагола «быть»; нужно, следовательно, сделать из этого глагола третий термин, что запутывает все окончательно: наконец, это ведет к отказу от еще одной истины, которая является основанием любого рассуждения и которую я вам докажу впоследствии, а именно: всякое суждение состоит в установлении того, что вся идея атрибута целиком включена в идею субъекта и является ее частью. Но это мы узнаем, когда дойдем до третьей части курса, до описания дедукции наших идей*. В дан-

* Впрочем, я считаю себя обязанным объяснить это утверждение тем, кто уже изучал логику, и у кого оно могло вызвать недоумение. В самом деле, им известно, что идея, выраженная атрибутом, всегда должна быть более общей, чем выраженная субъектом. Вполне можно сказать «человек есть животное», но нельзя сказать «животное есть человек». Поэтому с давних времен у логиков принято называть атрибут *большим термином*, а суждение, в которое входит атрибут заключения — *большей посылкой*, в противоположность субъекту, который называется *меньшим термином*, и суждению, содержащему субъект заключения, которое называется *меньшей посылкой*. Это кажется противоречащим принципу, который я только что сформулировал и согласно которому *вся идея атрибута целиком содержится в идее субъекта*; однако это видимое противоречие объясняется и снимается с помощью очень простой дистинкции.

В любой идее различаются ее *объем*, т. е. количество соответствующих ей объектов, и ее *содержание*, т. е. количество идей, которые в ней содержатся. Чем более общей является идея, тем больше объектов она охватывает, но тем меньше в ней остается идея касательно каждого из них; и напротив, чем более частной она является, тем меньше число объектов, к которым она применима, но тем больше она содержит идей, относящихся к каждому такому объекту. Таким образом, более общая идея включает частную в свой объем, а частная включает более общую в свое содержание. Идея *животного* относится ко всем человеческим индивидам, но в сложной идее каждого из этих индивидов содержится идея *человека*, которая, в свою очередь, включает идею животного, ибо одним из качеств человека является принадлежность к классу животных.

Поскольку я утверждаю, что всякое суждение состоит в восприятии того, что идея атрибута относится к числу идей, составляющих идею субъекта, как одно из принадлежащих ему качеств, я считаю себя вправе сказать, что идея этого атрибута, сколь бы общей она ни была, есть часть идеи субъекта, хотя бы и более

ный момент примите к сведению, что любое суждение утвердительно, что отрицание существует только в форме выражения и что его всегда следует рассматривать как часть атрибута.

- 5 Теперь, когда вы узнали достаточно о том, что такое способность ощущать отношения, мы поговорим о способности ощущать желания.

частной, и что поэтому, *и только поэтому*, мы можем утверждать атрибут относительно субъекта.

Когда же мы это делаем, когда две идеи сравниваются, становятся предметом суждения, они уже различаются *только содержанием*: ибо в суждении обе сравниваемые идеи всегда *совершенно равны по объему*. Когда говорят, что *человек есть животное*, подразумевают животное вида «человек», а не обезьян и всех остальных животных. Точно так же, когда говорят «этот человек болен», имеется в виду, что он болен своей особенной болезнью, а не всеми болезнями, какие только могут постичь живое существо. В каком объеме берется атрибут, определяется объемом субъекта. Взятый для суждения атрибут не может превосходить объем субъекта, потому что атрибут утверждается лишь о тех вещах, которые подпадают под идею субъекта; но поскольку атрибут утверждается обо всех этих вещах, он не может и уступать субъекту в объеме.

Это объясняет, почему атрибут сам по себе всегда должен быть идеей, по меньшей мере столь же общей, как и субъект. Нельзя по желанию увеличить объем идеи (получится другая идея), зато больший объем всегда можно ограничить, чтобы приравнять к меньшему. Нельзя распространить идею животного на все сущее, ибо тогда это будет уже идея сущего; но ее легко можно ограничить так, чтобы она в данный момент применялась только к животным, именуемым людьми, и от этого она не перестанет быть идеей животного.

Но в то же время эти размышления с полной ясностью показывают, насколько ошибочно присвоенное атрибуту суждения наименование «большой термин», ибо в суждении оба термина равны по объему, по содержанию же *большим термином* с необходимостью является как раз субъект.

Это также пример радикального различия между старой логикой, опиравшейся на произвольные гипотезы и бесполезные формулы, и новейшей логикой, основанной на внимательном наблюдении за действиями ума; между ложным представлением об особом искусстве силлогистики и точным пониманием естественного механизма образования идей и их дедукции.

Более подробное рассмотрение вопроса можно найти в «Грамматике», гл. 1, а также гл. 3, §4, и особенно в «Логике», где, как я надеюсь, он будет разъяснен исчерпывающе. Здесь же еще рано входить во все эти детали.

Глава V

О воле и восприятию желаний

Вы, конечно, знаете, что такое желать: ведь вы это испытывали, вы все не раз чего-то желали, и вам известно, насколько острым и сильным может быть это чувство. Эту восхитительную способность, которая позволяет нам иметь желания, и называют волей. Она является непосредственным и необходимым следствием особого свойства, которым обладают некоторые ощущения — свойства причинять нам боль или удовольствие, а также тех суждений, которые мы об этом выносим; ведь если мы рассудим, что некая вещь является для нас тем, что мы зовем благом или злом, нам уже невозможно не желать ею пользоваться или ее избегать: отсюда следует, что единственный способ воспрепятствовать желанию возобладать над разумом — исправить то суждение, которым определяется и задается само это желание.

Воля, как и другие наши способности, есть не что иное как продукт нашей физической организации; особенность же ее в том, что это из-за нее мы бываем счастливы либо несчастны. В самом деле, я вполне могу иметь такое ощущение или воспоминание, которое не причиняет мне ни боли, ни удовольствия. Когда я выношу суждение, мне важно, в силу следствий, которые могут из этого проистекать, чтобы мое суждение было истинным; но мне безразлично, воспринимать именно это отношение или другое: ни одно из них само по себе для меня не привлекательно и не неприятно. Желание, напротив, исключает безразличие; в самой его природе — будучи удовлетворенным, доставлять удовольствие, а оставаясь неудовлетворенным, причинять страдание, так что наше счастье

или несчастье полностью от этого зависят; и если бы по ошибке нам случилось пожелать вещей, для нас вредных, т. е. с необходимостью влекущих за собой то, чего мы хотим избежать, то несчастье стало бы неминуемым: ведь как бы ни обернулось дело, все равно то или другое из этих двух желаний останется неудовлетворенным. Таково весьма примечательное свойство нашей воли.

Есть у нее и другое весьма загадочное и весьма важное свойство, а именно то, что она руководит как движениями наших членов, так и действиями ума. Использование наших механических и умственных сил зависит от нашей воли; таким образом, только посредством воли мы воздействуем на внешний мир и обретаем власть над ним. Когда я воспринимаю ощущения или воспоминания, это лишь модификации моей чувственности, которые я один испытываю, и они не имеют значения ни для кого, кроме меня самого; когда я выношу суждения об этих ощущениях и воспоминаниях, когда воспринимаю отношения между ними, когда открываю истины относительно них, это все еще вещи, которые происходят во мне и не влияют ни на что вне меня; но когда, вследствие этих суждений, я начинаю желать, и когда, вследствие этих желаний, я действую, тогда я оказываю влияние на все, что меня окружает. Итак, это именно моя воля суммирует в действиях результаты всех прочих моих интеллектуальных способностей. Я не собираюсь утверждать, однако, что все наши мысли и движения абсолютно произвольны: я знаю, что многое мы делаем, сами не отдавая себе в том отчета и даже вопреки собственному желанию, и в дальнейшем объясню, до какого момента и каким именно образом все наши способности зависят от воли. Но не менее верно, что мы совершаем многие действия, потому что этого хотим, и что по собственному желанию мы теми или иными способами приобретаем многие идеи и выполняем многие интеллектуальные операции.

Несомненно, именно рассмотрение этих эффектов воли побуждает нас считать, что мы существенно более активны в упражнении этой способности, чем в развитии других: ведь если под активностью понимают только действие, восприятие ощущений, воспоминаний, отношений, есть одно действие все как воспринимать желание; поэтому мы не более активны в одном случае, чем в другом. Если же, напротив, под активностью не понимать только действие, но способность действовать свободно, т. е. согласно своей воле; и если под пассивностью понимать вынужденное или предпринимаемое против воли, нет, быть может, ни одного действия, над которым мы были бы менее властны, чем чувствовать или не чувствовать желание: поэтому на сей счет нет в нас способности более пассивной, чем воля. Но это возвращает нас к вопросу, который я только что обещал рассмотреть в другом месте: я не хочу его разбирать здесь, как потому, что он требует объяснений, которые я пока еще не могу вам дать, так и потому, что пока у меня нет иной цели, чем познакомить вас в общих чертах с тем, что такое воля.

Еще одно следствие из действий воли состоит в том, что у всех нас есть желание, чтобы воля других была согласована с нашей, чтобы к нам были расположены, т. е. желали нам добра, чтобы нас любили. Это желание является причиной удовольствия, которое находят в дружбе: оно весьма разумно, ведь благосклонность нам подобных, поскольку они действуют согласно своей воле, служит для нас великим источником счастья.

Еще одно вполне резонное последствие этого желания хорошего к нам отношения — стремление заслужить уважение и почет; ведь мы все по опыту знаем, что весьма расположены желать добра тем, кто известны как люди доброго нрава и больших талантов.

И, наконец, из желания хорошего отношения и почета со стороны других рождается, совер-

шенно закономерно, благорасположенность, которую мы испытываем, когда чувствуем великодушное отношение к себе, и озлобление, которое нас мучает, когда мы распознаем действие злых страстей, хотя бы то и другое не было еще проявлено открыто: ведь мы сразу замечаем, когда все сердца расположены к нам, и когда все нас отвергают; и мы смутно сознаем, что невозможно, чтобы и наши намерения не были замечены, или по меньшей мере подозреваемы другими. Поэтому хорошие люди имеют манеры чистосердечные и ясные, а люди злые — обычно скрытные и недоверчивые; но это только помогает их распознать.

Эти наблюдения и множество других, которые из них следуют, требовалось бы развить значительно детальнее; но это составило бы целый трактат о морали, т. е. искусстве управлять нашими желаниями и поступками так, чтобы они вели нас к счастью. Здесь не место углубляться в этот предмет; я предполагаю вернуться к нему позднее, когда мы в совершенстве узнаем нашу способность мыслить и все ее действия; после этого мы изучим и искусство использовать все наши способности так, чтобы они наиболее соответствовали нашему стремлению к счастью, искусство, которое является самым красивым приложением этого знания о наших способностях, и невозможное без этого знания в слепой и лишенной принципов обыденности. Вы уже видите, что это искусство состоит почти единственно в умении избегать формирования противоречивых желаний, поскольку это причины душевных страданий, а также защищаться, насколько возможно, от физических болезней, поскольку это настоящие страдания; наконец, в умении обретать благосклонность себе подобных и пребывать в мире с самим собой, поскольку это истинное благо.

В данный момент запомните только, что так же, как без способности суждения мы ничего не могли бы знать, так и без способности желать мы

ничего не могли бы делать; что наши желания руководят нашими поступками и являются причиной почти всех наших удовольствий и наших страданий; и что, поскольку эти желания суть необходимое следствие суждений, которые мы выносим о вещах, единственное средство их вполне контролировать состоит в том, чтобы судить всегда верно и точно. Однако перейдем к другому: этих вводных замечаний достаточно, чтобы двигаться дальше.

Казалось бы, сейчас самое время рассмотреть, насколько все другие наши способности соотносятся с волей, и насколько сама воля подвержена влияниям; но нужно сперва увидеть, как действуют эти столь различные способности. Я вернусь к этому предмету позднее.

Глава VI

Об образовании сложных идей

И вот, молодые люди, мы достигли такого этапа наших исследований, который заслуживает наибольшего внимания. Вместе со мной вы видели, что мы наделены способностями чувственного восприятия, памяти, суждения и желания; вы узнали, что все это суть чувства, ибо воспринимать, помнить, судить и желать — значит чувствовать ощущения, чувствовать воспоминания, чувствовать отношения и чувствовать желания. Я утверждал, хотя еще и не доказал этого, что вся наша способность мыслить образована этими четырьмя способностями и ими исчерпывается; при рассмотрении действий разума вы не можете найти ничего, что не относилось бы к одной из них; я полагаю, вы начинаете соглашаться с тем, что я не обманул вас в этом пункте. Кроме того, я говорил вам, в чем именно заключается каждая из этих способностей, и что не нужно им приписывать ничего сверх того; я показал вам те особенности, которые их характеризуют и отличают одну от другой. Мы ничего не упустили; таким образом, вы, собственно, уже знаете, в чем заключается вся наша способность мыслить. Однако, или я сильно заблуждаюсь, или вы пока еще не видите решительно никакой связи между этими способностями и всеми теми идеями, которыми заполнены ваши головы, всеми теми мыслями, которые занимают ваши умы: ваш рассудок и ваше внутреннее сознание ясно говорят вам, что ни один обладающий интеллектом человек не может делать ничего

другого, кроме как ощущать, вспоминать, выносить суждения, желать и затем действовать в соответствии с этим; и в то же самое время вы чувствуете, что делаете множество вещей, которые не являются простым проявлением одной из перечисленных способностей. Вы как будто сдавлены между этими двумя видами опыта, равным образом убедительными, которые, однако, кажутся противоречащими один другому; вы испытываете замешательство и еще не знаете, как вы образовали идею *замешательства*; вы ищете ответ, вы размышляете и при этом не знаете в точности ни что значит размышлять, ни как происходит *размышление*. Объясним же это сразу; мы получим ясную идею размышления, к которой будем обращаться и в дальнейшем.

Размышление, рефлексия — это состояние человека, который желает воспринимать одно или множество отношений, выносить одно или несколько суждений; который, вследствие этого желания, силится вспомнить сперва те факты, между которыми он может усмотреть связь, и затем другие факты, чтобы удостовериться, является ли эта связь действительно реальной, устойчивой; который проверяет, до какого пункта ее можно обобщить, и, наконец, нет ли где-то во всем этом ошибки: вот что такое размышлять. *Замешательство* же есть не что иное как то ощущение, то внутреннее чувство, которое испытывает размышляющий человек, когда ему недостает фактов, или когда они ему не подходят, или когда он не видит связи между ними, или когда он воспринимает то, что ему кажется противоречиями, когда, наконец, ему не хватает средств, чтобы обосновать суждение, которое он хочет вынести. Если вы взяли, например, темой ваших размышлений персик, который вы вчера попробовали, вы ясно видите, что он дал вам ощущения красивого цвета, привлекательного запаха, приятного вкуса, что он был мягким на ощупь; вы помните обо

5

10

15

20

25

30

35

40

всем этом, и из этого заключаете, что этот персик
 спелый, что он будет для вас полезен и что вслед-
 ствие этого вы хотите его съесть, и отправляетесь
 искать другой персик, подобный этому. Вы при-
 5 знаете, что, как мы уже говорили, во всем этом
 нет ничего, кроме восприятия ощущений, воспо-
 минаний, отношений, желаний и действия в соот-
 ветствии с этими восприятиями: но вы не можете
 10 разобраться, как же благодаря этим ощущениям,
 воспоминаниям, отношениям вы создали завер-
 шенную идею персика, а затем распространили ее
 на все подобные фрукты, и еще менее — как вы
 образовали идеи гораздо более общие: идеи кра-
 15 соты, привлекательности, приятного, идеи мяг-
 кости или твердости, спелости, пользы, подобия,
 прошлого, настоящего, будущего. Действительно,
 эти весьма сложные идеи не являются результа-
 тами одного-единственного опыта; нужно объеди-
 нить множество отдельных восприятий, и вы не
 20 догадываетесь, как это можно сделать. Это при-
 водит вас в недоумение: хорошо, что вы его как
 следует осознали, но пришло время вас из него
 вывести.

Чтобы добиться в этом успеха, осталось объ-
 25 яснить только три вещи, а именно: как мы узнаем,
 что те ощущения, которые мы испытываем, вызы-
 ваются каким-либо объектом; как они нам слу-
 жат, чтобы сформировать завершенную идею об
 этом объекте, и как мы извлекаем из множества
 30 идей объектов только то, что является общим для
 них всех, чтобы создать идею обобщенную. Не
 нужно ничего более, чтобы увидеть, как все воз-
 возможные идеи рождаются из небольшого числа
 элементов, которые нами уже рассмотрены.

35 Временной и генеалогический порядок этих
 трех действий нашего ума требовал бы, чтобы я
 начал с первого из них. Однако, хотя оно и перво-
 начально, и именно потому, что оно первоначаль-
 но, его труднее всего постичь; и поскольку здесь
 40 потребуется наиболее обстоятельное обсужде-

ние, я этот вопрос оставляю для следующей главы, и буду говорить сначала о двух других, которые, в некотором смысле, суть одно. Запомните, что для того, чтобы быть вполне понятным, нужно всегда исходить из уровня подготовки людей, к которым вы обращаетесь, и из тех идей, которые им близки. А ведь вы не помните ни ваших первоначальных простых ощущений, ни первых суждений, которые вы выносили, сами того не замечая. Итак, я не должен ограничиваться тем, чтобы описать вам исторически путь развития идей какого-то человека, который исходит из впечатления простейшего и мельчайшего, чтобы добраться до идеи самой сложной и самой общей: вы не признали бы в этом человеке себя, не смогли бы узнать в этой картине верное изображение того, что происходит в вашем уме; ибо вы, напротив, уже имеете множество различных идей, по своему происхождению куда более сложных, обобщенных, скомбинированных, чем вы сами можете представить. Именно такое состояние ваших умов и нужно брать за исходный пункт, именно происхождение этих уже сложившихся идей и нужно рассматривать; и когда, упорно продвигаясь, мы достигнем их истока и дойдем до идеи простейшей, все прояснится, порядок и последовательность их образования больше не будут ускользать от вас.

Я излагал эти принципы во введении, так что вы, быть может, усмотрите здесь излишнее повторение уже сказанного. Но я дорожу ими и настаиваю на них, потому что они находят себе применение всякий раз, когда нужно что-то объяснить, все равно, в устной беседе или на письме, и они суть основа правильного метода.

Следуя этим принципам, я начал с того, что выделил в хаосе ваших идей ощущения, воспоминания, суждения и желания. Это уже некий способ их упорядочить и разобраться в них: теперь речь идет всего лишь о том, чтобы выяснить, как эти элементы сочетаются друг с другом.

Предположим, что вы знаете, на каком основании вы рассматриваете ваши ощущения как результат воздействия различных объектов, которые существуют в природе: такое допущение позволительно, ибо несомненно, что вы именно так их и рассматриваете, а когда некий факт вполне достоверен, ничто не мешает отложить его объяснение на будущее, и при этом все же пользоваться им как чем-то бесспорным. Тогда нам остается только рассмотреть, как посредством этих ощущений вы образуете особую идею для каждого из тех объектов, которые их вызывают, а затем составляете идеи более общие, идеи классов, родов, видов и все последующие, которые из них выводятся.

Припомните, что в главе о суждении, когда я хотел доказать, что ни в одном суждении не содержится ничего, кроме двух идей, которые вы сравниваете между собой, я привел в качестве примера предложение «Человек, открывающий истину, приносит пользу всему человечеству» и показал, что его субъект и атрибут, хотя тот и другой составлены из многих весьма различных идей, образуют каждый только одну идею, которая вбирает в себя все другие, составляющие ее идеи. Если бы вы располагали особым именем для каждой из этих двух сложных идей, то они навсегда установились бы в ваших головах, и вам не требовалось бы их составлять всякий раз заново; встретившись с необходимостью использовать идею «человек, открывающий истину» или «быть полезным всему человечеству», вы бы использовали эти готовые имена совершенно так же, как и все другие термины, имеющиеся в языке. Что ж, точно так же все ощущения, которые вызывает в вас некий объект, и все те качества, которые вы в нем открываете, для вас составляют единую группу, одну уникальную сложную идею, которая и есть идея данной вещи, и именно ее вызывает из вашей памяти имя этой вещи. Вернемся к примеру

с персиком: предположим, что вы его видите впервые, и что вы никогда раньше не видели ни одного персика; он вам дает ощущение определенного цвета, вкуса, вы понимаете, что он имеет определенную форму, что он обнаруживает определенную упругость при нажатии, что он растет на дереве определенного вида, которое посажено в саду. Из всех этих идей вы образуете одну особую идею, которая вначале является только идеей данного персика, а отнюдь не всех других персиков, о которых вы еще ничего не знаете. В этом случае идея будет единичной и обособленной: если вы не имеете в своем распоряжении никакого языка, знаком этой идеи останется только сам данный персик. Если вы создаете для себя некий язык, чтобы пользоваться им единолично, вы можете дать вашей идее какое угодно имя, присвоить ей любой произвольный знак; однако это имя не будет представлять ничего, кроме одного-единственного персика, на который вы смотрите. Если же вы окружены людьми, говорящими по-французски, а именно в их окружении и прошло ваше детство, они вам скажут, что это называется «персик»; однако слово «персик», которому они уже придают обобщенное значение и которое для них является именем, общим для всех персиков, какие только можно вообразить, для вас все еще будет всего лишь именем одного персика, того самого, который вы видите; оно столь же индивидуально, как и то, которое вы бы создали произвольно для личного употребления.

Хотя это действие разума, состоящее в соединении нескольких идей и образовании из них одной, которой дают некое объединяющее их имя, является, без сомнения, весьма распространенным, у него самого нет имени во французском языке: его можно назвать *конкретцией*, в противовес *абстракции*, каковое название носит операция, обратная вышеописанной. Так, называют *конкретными терминами* прилагательные, такие

как «чистый», «хороший» и т. д., которые выражают качество, взятое в единстве с его субъектом, тогда как *абстрактными терминами* называют слова «чистота», «благо» и т. д., выражающие те же качества, взятые отдельно от их субъекта. Точно так же говорят, что три метра есть количество конкретное, и что просто три есть количество абстрактное. Мы вскоре увидим, что мы должны думать об этих наименованиях. Продолжим.

Итак, вот операция, посредством коей несколько различных идей образуют одну группу, которая и есть особая и индивидуальная идея объекта, их вызывающего. Рассмотрим теперь операцию, посредством которой идеи частные и относящиеся только к одной вещи становятся общими и относящимися ко множеству вещей.

Вновь обратимся к примеру с персиком. Сформировав идею этого первого персика, вы видите другие объекты, обнаруживающие приблизительно те же свойства, что и он, имеющие с ним много общих черт, но в каких-то отношениях отличные, ибо нет в природе двух вещей, полностью подобных друг другу. Все эти персики не имеют в точности такого же цвета, такой же формы, такого же объема, такой же степени зрелости; они отличаются уже хотя бы тем, что вы видите их в другом месте и в другое время. Вы пренебрегаете этими различиями, вы их отстраняете или, как принято говорить, вы от них абстрагируетесь; вы рассматриваете новые персики не иначе, чем как имеющие нечто общее с тем первым, который вы уже наблюдали; вы говорите, что вот еще персики — и таким образом идея персика стала обобщенной, она теперь составлена только из тех признаков, которые свойственны всем без исключения персикам. Такое действие называется *абстрагированием* (*abstraire*). Это слово происходит от старинного слова *traire**, которое больше не используется

* И оба они происходят от латинских слов *trahere*, *abstrahere*, которые означают «извлекать», «вытягивать», «вытаскивать».

в нашем языке, и которое синонимично слову «из-
 влекать» (*tirer*): абстрагировать значит извлекать
 из., и действительно, вы извлекаете из двух или
 нескольких идей индивидуальных объектов все
 то, что в них совпадает, отбрасывая все то, что в
 них различается, и таким способом образуете
 идею общую. 5

Здесь не будет лишним отметить, что, коль
 скоро мы ее извлекли, вывели, абстрагировали,
 т. е. использовали в нашем обобщении лишь неко-
 торые элементы частной идеи, идея общая не мо-
 жет быть более точной и полной, чем исходная
 идея индивидуального объекта. На этом основан
 важный принцип логики, согласно которому не-
 возможно вывести частное из общего. В самом
 деле, из того, что некий персик испорчен, некий
 человек болен, я не могу заключить, что все пер-
 сики испорчены, все люди больны: ведь это част-
 ные обстоятельства, особенности идеи отдель-
 ного объекта, которые не переходят в идею общую и
 не сохраняются в ней. Напротив, все то, что я мог
 бы утверждать относительно идеи общей, я могу
 утверждать и об индивидах: ведь любые идеи, ко-
 торые оказались в ней сохранены, должны обна-
 руживаться и во всех частных идеях, из которых
 она была получена путем абстрагирования. 20

Абстракция, равно как и конкретия, применя-
 ются нами очень часто: им мы обязаны всеми на-
 шими сложными идеями. Но вам следует хорошо
 запомнить, что имеется существенное различие
 между ними. Действие ума, которое мы назвали
 конкретией, служит нам для образования идеи
 некоторой сущности, которая действительно су-
 ществует; абстракция — для составления групп
 идей, причем никакой модели для этих групп идей
 в природе не существует, но они, тем не менее,
 весьма полезны, потому что позволяют произво-
 дить новые сравнения и воспринимать новые от-
 ношения между теми результатами наблюдений,
 которыми мы уже обладаем. В самом деле, вот 30

этот один персик существует реально, тот и тот существуют тоже; посредством конкретики мы преобразуем ощущения, которые они нам дают, в идею каждого из них. Но персик вообще есть абстракция, собранная нами из их общих признаков и отличная от любого из реально существующих персиков, и такой персик существует исключительно в нашем уме; его идею мы формируем посредством операции абстрагирования. Эта идея очень удобна, если я, например, хочу установить, в чем разница между персиком и абрикосом, ведь тогда мне не требуется обращать внимание на все те нюансы, благодаря которым различаются между собой отдельные персики и отдельные абрикосы; я сравниваю лишь то, что есть общего у всех персиков, с тем, что есть общего у всех абрикосов. Я вижу, что эти две группы идей различаются в таких-то пунктах, и что, следовательно, эти два класса объектов устойчивы и отличны друг от друга в таких-то отношениях. Мы обычно обращаемся с этими классами как со своего рода индивидами, хотя в действительности существуют только отдельные индивиды, т. е. только те сущности, которые являются причиной наших ощущений; и нигде в реальности не существует такой вещи, как некий класс, который мог бы воздействовать на нас прямо и непосредственно.

Операция абстрагирования служит нам не только для того, чтобы сгруппировать реальные единичные объекты и разбить их на классы, чтобы обобщить их частные идеи, чтобы сделать из них идею, общую многим индивидам; она служит и для того, чтобы сделать то же самое с каждым из их качеств, т. е. с каждым впечатлением, которое они в нас пробуждают, и с каждой его особенностью. Таким образом, мы воспринимаем то, что некоторые вещи для нас в том или ином отношении благоприятны, и говорим, что это вещи хорошие. Это уже классификация, генерализация: ведь все эти вещи не в одном и том же отношении

хороши, они для нас благоприятны по-разному. Все эти весьма различные между собой впечатления мы объединяем с одной и той же точки зрения, а именно с точки зрения их сходства в том, что они нам благоприятствуют, и каждое из них для нас является тем, что мы называем «хорошим». Но мы не останавливаемся на этом: из всех тех вещей, которые хороши, мы экстрагируем идею *блага*, или *добра*, и используем эту идею так, как если бы это была некая вещь, существующая независимо от объектов, в которых она обнаруживается; из всего, что полезно, мы извлекаем идею *пользы*, из того, что красиво — идею *красоты*. Именно такие термины и идеи называют обыкновенно абстракциями. В действительности абстракций гораздо больше; строго говоря, все общие имена, все идеи, распространенные с единичного объекта на несколько объектов, уже суть слова и идеи абстрактные, ведь для того, чтобы ими воспользоваться, нужно одни особенности объектов отвергнуть, а другие выделить, извлечь, т. е. абстрагировать.

Заметьте также, что две эти противоположные операции, конкретия и абстракция, обнаруживаются всегда вместе, и обе они необходимы для образования любой сложной идеи, какой бы она ни была. Ведь всякий раз, когда я формирую новую идею из разных элементов, взятых здесь и там, я выделяю каждый из этих элементов из ряда других, которые мною отбрасываются, потому что они не необходимы для моего предмета размышлений, т. е. я эти элементы абстрагирую; и в то же самое время я их объединяю, я произвожу их конкретию, чтобы образовать новую идею. Таким образом, я одновременно выполняю действия абстракции и конкретии, или, точнее, с одной стороны — абстрагирую, с другой — конкретирую; вот почему я не очень люблю эти термины. Но словами «абстрактный» и «абстракция» так часто злоупотребляют, что я захотел вам разъяс-

нить, что же именно следует понимать под «абстракцией» и противоположной ей «конкретцией».

Мы не будем в дальнейшем пользоваться ни тем, ни другим термином, и не станем более разделять две умственные операции, которые на практике никогда не встречаются одна без другой; не затемняя суть дела пустыми наименованиями, просто отдадим себе отчет в том, что же мы делаем, когда формируем сложные идеи.

Предположим, я испытываю впервые ощущение того, что в дальнейшем я назову «красным». Если я не знаю ни откуда оно взялось, ни посредством чего, если я не делаю ничего другого, как только ощущаю его, не примешивая к этому никакого суждения, то я испытываю чистое ощущение; это простая идея, которая у меня есть, и очевидно, что она единичная и частная.

Если к этому ощущению, к этому чистому впечатлению, к этой простой идее я добавляю представление о связи между объектом, чье существование выражается в причинении мне этого ощущения, и мной, чье существование выражается в восприятии этого ощущения, то идея «красного» не будет уже идеей простой; она составлена из некоего ощущения и некоего суждения. Но она все еще индивидуальна, относится к единичному факту, я не распространил ее на все приблизительно похожие ощущения, которые я получаю от различных иных объектов, мне еще неизвестных.

То же самое со вкусом и запахом, ощущения которых может вызвать у меня это же тело. Если я всего лишь воспринимаю их, то это идеи простые; если, сверх того, я сужу, откуда они приходят, то это идеи составные, хотя и частные, еще не обобщенные.

Но вот я объединил эти три идеи, т. е. идеи определенного цвета, определенного вкуса, определенного запаха, и образовал идею объекта, который их во мне вызывает, идею уже более сложную, но еще единичную и особенную, ведь о

других объектах, способных дать мне те же впечатления, я еще ничего не знаю, а следовательно, не распространяю эту идею и на них. Я обозначаю эту идею, или объект, который мне ее дает, что для меня одно и то же, посредством слова «земляника»; это имя только вот этой ягоды земляники, а не земляники вообще, поскольку я его еще не обобщил.

Если я не знаю об этой землянике ничего, кроме перечисленных трех ее эффектов, все ее существование для меня образовано этими тремя идеями; она для меня просто нечто, способное возбудить во мне эти три ощущения, и ничего более; ведь, заметьте это хорошенько, идея некоторого сущего для нас всегда только комплекс его известных нам свойств: отсюда происходит то, что одно и то же слово почти никогда не имеет в точности одинакового значения для всех, кто им пользуется; оно выражает для каждого говорящего больше или меньше идей, в зависимости от его компетентности в данном предмете. Если бы я затем заметил, что эта земляника имеет коническую форму, что она появляется на месте маленького белого цветка, что она произрастает на небольших зеленых кустиках, что она служит этому растению для размножения и т. д., я мог бы объединить все эти ее свойства с первоначальными, и слово «земляника» для меня включало бы их все, а моя идея этой земляники стала бы весьма сложной. И все же она еще не перестанет быть идеей единичной и частной, а только станет завершенной и полной.

Коль скоро эта земляника будет первым существующим объектом, который действует на мои чувства, коль скоро, следовательно, ее идея будет первой идеей подобного объекта, которую я составил, она, оставаясь идеей единичной и частной, уже предоставляет мне хороший повод создать несколько идей из числа тех, что выражаются посредством слов, называемых именами прила-

5

10

15

20

25

30

35

40

гательными, и посредством абстрактных имен существительных.

Например, если я назову «красным» одно из тех ощущений, которое она во мне вызывает, я скажу, что эта земляника красная, т. е., что она дает мне впечатление «красного». Это прилагательное есть сокращенное выражение одного из суждений, которые я вынес относительно данной земляники, одного из отношений, которые я заметил между нею и мной; оно мне служит для обозначения того, что земляника находится со мной в таком отношении. Если впоследствии я обращу внимание на то, что это отношение имеет причину в землянике, я назову эту причину «краснотой» земляники; это одно из тех качеств, одна из тех идей, которые составляют идею данного объекта.

Если у нас есть особые имена не только для цветов, но также для вкусов и запахов, я сделаю то же самое и в случае отношения, в которое эта земляника вступает со мной, доставляя мне ощущения определенного вкуса и запаха; ведь любое отношение по необходимости связано с тремя идеями: идеей самого отношения, его воздействия и его причины. Если зачастую мы и не образуем этих идей, или не обозначаем их явно особыми именами, то потому, что они для нас бесполезны, или, скорее, потому что те особые имена, которые мы им дали с самого начала, мы распространили на другие, приблизительно подобные идеи; таким образом, имена эти становятся общими, и мы замещаем ими те безымянные идеи отношений, воздействий и их причин, которые остались частными и особенными. Но среди бесчисленных отношений, в которые каждый существующий объект вступает с нами, нет ни одного, которое не могло бы стать источником трех особенных идей и трех особенных слов для их выражения.

Так, например, эта земляника и я состоим в отношениях, которые производят на меня три

воздействия: первое я называю доставляющим удовольствие, второе я называю приносящим удовлетворение, третье я называю идущим мне на пользу. Я выражаю эти три отношения, говоря, что земляника красива, хороша и полезна; причи- 5
ны же этих трех отношений обозначаю словами «красота», «благо», «польза», которые представ- 10
ляют три качества этой земляники, три идеи, составляющие идею этого объекта. Но когда я обобщу все эти идеи, когда я их распространю на 15
другие воздействия, производимые другими объ- ектами, и на подобные, но не в точности такие же отношения, у меня не останется больше средств выразить то особенное удовольствие, которое 20
мне доставляет эта земляника, то особенное удов- летворение, которое она мне приносит, ту осо- бенную пользу, которую я из нее извлекаю; тогда не будет уже никакого способа сказать о том, как красива, хороша и полезна именно она, или опи- сать точно ту красоту, то благо, ту пользу, кото- 25
рые являются ее качествами. Вот чем мы действи- тельно ограничены: тем, что если наши идеи ус- пешно работают, то лишь потому, что слова, которые их выражают, суть обобщения. У нас нет слов для выражения уникальных особенностей 30
каждой вещи; есть только имена собственные, ко- торые обозначают саму вещь в ее единичности, сам факт ее отличия от всех других. Однако вы должны чувствовать, что поскольку эта земляни- ка, которую я привел в качестве примера, как 35
предполагается, единственная, которую я знаю, то не только ее имя является именем собственным в точном значении слова, но и все идеи, которые она дала мне повод создать, имеют такой же ха- рактер: они единственные в своем роде, а слова, 40
которые их выражают, неприменимы ни к чему, кроме нее; и в то же время вы видите, что в связи с этой единичной сущностью я создал идеи весьма общие. Мы легко обнаружим тот способ, каким эти частные идеи обобщаются.

Я надолго задержался на рассмотрении этого первого шага нашего разума, потому что, пока вы не поймете его как следует, вы никогда не разберетесь ни в механике образования наших идей, ни в языке, который ее выражает, ни в том, как мы рассуждаем. Самая большая трудность, с которой я сталкиваюсь в этом объяснении, в том и состоит, что именно начальные действия разума никак специально не выражены в языке, которым мы пользуемся — в языке, все слова которого давно обобщены. Неизвестно, как надо использовать слова, чтобы вынудить слушателя понимать их в том узком и индивидуальном смысле, которого они уже лишились; и я не буду удивлен, если, вопреки всем моим стараниям, я не достиг этого в полной мере. Если у вас остались какие-либо сомнения, я бы очень хотел, чтобы вы прямо сейчас перечитали все это еще раз, стараясь вникнуть в то, что я намеревался здесь сказать, и постоянно ставя себя на место человека, который образует эти первоначальные сочетания идей; ведь для того, чтобы выразить идеи этого человека, у меня нет иных слов, чем те, которые мы используем совсем иначе, чем он, и которые, следовательно, имеют для нас другое значение, чем для него. Еще раз повторю: наука об идеях теснейшим образом связана с наукой о словах, ибо наши сложные идеи не имеют другой опоры, другой связи, которая соединяет все их элементы, чем те слова, которые эти идеи выражают и закрепляют в нашей памяти. Мы будем еще рассматривать причины и следствия этого факта; но до того я могу говорить об идее и о слове, которое ее представляет, как об одной и той же вещи, ведь все, что происходит с первой, происходит и со вторым.

Итак, вследствие изучения какого-то единичного объекта я сформировал и отделил одну от другой идею самого этого объекта, идею отношений и идею их воздействий; и все эти идеи все еще остаются особенными и частными. Я создал, что-

бы их выразить, слова, которые мы называем соответственно именем собственным, именами прилагательными и абстрактными именами существительными; но, строго говоря, пока все эти слова еще являются именами собственными для этого объекта, для такого-то отношения, для такого-то воздействия, или, что то же самое, такого-то качества. Посмотрим, как эти идеи и имена станут обобщенными.

Рассмотрев эту землянику, я вижу другие; я их изучаю: они подобны первой по многим устойчивым качествам, общим для них всех; они отличаются от нее чертами изменчивыми и непостоянными. Я отсекаю эти черты и соединяю идею той первой земляники с идеями всех экземпляров земляники, которые увидел впоследствии; и вот идея и имя земляники становятся общими всем им и охватывают теперь вообще все экземпляры земляники, какие только могут существовать.

Равным образом, слова: «красивый», «хороший», «полезный», «красный»; «доставляющий удовольствие», «приносящий удовлетворение», «идущий на пользу», «краснеющий»; «красота», «благо», «польза», «красный цвет» — не выражают более ни отношений между мною и той первой земляникой, ни их воздействий на меня, ни причин этих воздействий, но лишь отношения, воздействия и качества земляники вообще. Они уже обобщены, но еще не до предела, ведь впоследствии я распространяю их и на другие объекты, одни больше, другие меньше, в зависимости от моих наблюдений.

В самом деле, от земляники я перехожу к вишне; я создаю идею этой вишни так же, как делал это в отношении самой первой земляники, и общую идею вишни так же, как общую идею земляники. Вишни тоже некоторым образом красивы, хороши, полезны, красны, но несколько иначе, чем земляника. Если, вместо того, чтобы давать отношениям, которые я воспринимаю между виш-

5

10

15

20

25

30

35

40

5 нями и мной, особенные имена, которые были бы для них именами собственными, я применяю для них те имена, которые я уже давал отношениям ко мне земляники, ясно, что я устраняю любые характеристики, которыми они различаются, и сохраняю только те, которые являются для них общими. Следовательно, каждый раз, когда я еще больше обобщаю имя, когда я его распространяю на большее число сущностей, я отсекаю многие
 10 идеи, которые оно содержало в своем более ограниченном смысле; теперь оно выражает значительно меньше. В той мере, в какой некая идея становится более общей, она охватывает большее число объектов, но меньше улавливает характер
 15 каждого из них.

Это ясно видно в образовании идей видов, родов, классов, которые построены так же, как рассмотренные выше: единственное отличие в том, что новое имя выражает каждую ступень генерализации и маркирует ее, мешая им смешиваться. Я вижу индивидуума, я распознаю все те качества, которые ему принадлежат, все те свойства, которые его характеризуют, и у меня появляется слово для всех впечатлений, которые с ним связаны; я
 20 называю его Жаком. Ясно, что это имя собственное есть выражение завершенной идеи этого индивидуума, отличного от других по множеству признаков, но также имеющего с ними много общего; из них всех я формирую класс индивидов,
 25 которым присваиваю имя «парижане»; присоединяю этих индивидов к другим, которые имеют с ними несколько меньше сходного, и формирую второй, более широкий класс, который обозначаю словом «французы»; таким же образом я
 30 последовательно образую слова и идеи «европеец», «человек», «живое существо» и, наконец, «сущее», т. е. самый общий из всех мыслимых терминов, поскольку он распространяется на все, что существует. Вполне ясно, что эти весьма сложные
 35 по своему составу идеи всегда охватывают боль-

шее число индивидов, но меньшее число признаков каждого из них, т. е. имеют больший объем, но меньшее содержание; ведь когда я говорю о Жаке, что он является неким сущим, я говорю только одну-единственную вещь, а именно что он способен воздействовать на мои чувства, и совершенно не обозначаю того, как именно он на них воздействует, я говорю лишь, что он существует, и ничего более; когда я говорю, что он живое существо, я говорю сверх того, что ему присущи жизнь и движение, что он питается, размножается, одним словом, что он существует всеми способами, которые характерны для живого существа; когда я говорю о нем как о человеке, я говорю, кроме того, что его отличает от животных то же, что отличает от них и меня; когда я говорю, что он европеец, француз, парижанин, я всякий раз что-то прибавляю к этой идее; и, наконец, когда я говорю, что это Жак, я подразумеваю все, что я о нем знаю, и даже все то, что мне о нем еще неизвестно; ведь я вполне могу не знать, что он физически очень силен, или любезен, или болен, но, когда я это узнаю, это станет лишь одной из новых идей, которые я должен добавить ко множеству идей, образующих для меня идею Жака. Это возвращает нас к тому, что я говорил выше: имя всегда означает больше или меньше для тех, кто его произносит, в зависимости от того, больше или меньше они знают о предмете, который оно обозначает; но это несколько не отменяет той истины, что особенная идея индивида охватывает все идеи, которые с ним связаны, и что идея имени класса охватывает только те идеи, которые являются общими для всех индивидов, входящих в данный класс, следовательно, число этих идей тем меньше, чем индивиды многочисленнее, а класс шире.

Таким же точно образом идеи вишни, земляники, абрикоса и т. д. становятся идеей плода, которая не содержит уже особенные идеи каждого из этих объектов, но подразумевает лишь общее

5

10

15

20

25

30

35

40

5 всем им свойство быть продуктом определенного
жизненного процесса растений; и если я еще
обобщу эту идею плода, как это происходит в слу-
чае метафоры, когда говорят, например, что на-
ука есть плод труда, или что открытия — плод
10 размышления, то слово «плод» будет заключать
только идею быть продуктом чего-то, неважно,
чего именно.

10 Точно так же из идей зеленого, желтого, крас-
ного, абстрагируясь от различий между ними, я
создаю идею цвета, которая выражает не более
чем качество, общее всем этим ощущениям —
быть воспринимаемыми глазом, подобно тому как
15 звуки воспринимаются ухом. Из идеи цвета и идеи
звука я создаю более общую идею ощущения, или
свойства быть воспринимаемым, неважно, каким
путем.

20 Совершенно так же, возвращаясь к упоминав-
шемуся выше прилагательному, слову «красный»,
которое сначала выражало только один способ
быть красным, способ именно этой земляники, а
впоследствии распространилось на землянику во-
обще, можно от земляники и вишен постепенно
25 перейти к выражению этим словом того общего,
что имеют между собой все красные тела; то же
происходит и со словом «хороший». На каждой
ступени генерализации какие-то различия отбра-
сываются, и слово «хороший» тем самым изменя-
ет свое значение; это очевидно из того, что хоро-
30 ший человек, хороший фрукт, хорошая лошадь,
хорошее как таковое отнюдь не одно и то же: в
этих четырех случаях слово «хороший» примене-
но к трем различным идеям индивидов и одной
общей идее. Раз эти идеи изменяются, то строго
35 говоря, слова должны были бы изменяться тоже,
как различаются между собой слова «зеленый»,
«желтый», «красный» и «цвет»; но в действитель-
ности ни один язык не является настолько бога-
тым, потому что неудобства такого изобилия слов
40 перевешивали бы преимущества. Однако нужно

иметь это в виду, чтобы вас не обманывали слова, которые скрывают происхождение идей, пока мы не придадим им верную окраску.

Как бы то ни было, вы теперь узнали, как образуются все те наши идеи, которые мы выражаем посредством существительных и прилагательных. Я мог бы объяснить в той же манере и образование идей, которые представлены другими частями речи, такими как глаголы, предлоги и т. д., но эти детали будут более уместны, когда мы приступим к изучению грамматики, т. е. науки о выражении наших идей; в данный момент вам достаточно знать, что они образуются подобно тем, которые мы рассмотрели, и что это делается теми же способами, т. е. ничем иным как восприятием впечатлений, наблюдением отношений, их сложением, вычитанием, комбинированием, разделением и формированием новых групп; и вы не должны более смущаться тем, что множество столь различных сочетаний происходит из немногих способностей, которые мы выделили в способности мыслить: это и было единственной целью, которую я преследовал в этой главе. Мы можем теперь перейти к нашему следующему предмету.

Заметим только в заключение, что путь человеческого разума, который мы только что проследили в образовании наших сложных идей, — это путь, которым с необходимостью следовал бы изолированный человек, лишенный всякой помощи других людей, который формировал бы идеи и знаки единственно для собственного употребления. Этот путь методичный, но трудный и медленный, поэтому такой человек, несомненно, составил бы немного идей, и его словарь был бы очень коротким. Всякий же хоть немного более богатый язык есть не что иное как результат усилий множества людей и поколений, создававших его последовательно. И отнюдь не этим путем идеи приходят в головы нам, с самого детства находящимся среди людей, говорящих на куда более совершен-

5

10

15

20

25

30

35

40

ном языке. Мы не создаем эти идеи, мы их получили; сначала их знаки достигали наших ушей случайно и мы воспринимали их бездумно, затем в связи с тем, что они представляют; нам нужно
5 только разобраться в их значениях, классифицировать их, пользуясь лучше или хуже этим множественством выражений: мы приобретаем идеи благодаря словам и посредством слов. Операция эта часто остается незавершенной: отсюда множество
10 ошибок, ложных связей идей, неумение правильно соединить отдельные результаты. Оно и неудивительно, если принять в расчет, что за немногие годы нашего раннего детства мы успеваем вместить в свои головы большинство тех идей, ко-
15 торые были созданы с начала существования человеческого рода. Когда в дорогу собираются столь поспешно, трудно ожидать, что все вещи будут тщательно проверены и аккуратно уложены. Но в этой главе сказано уже достаточно: пер-
20 читывайте ее иногда, чтобы освоиться в ее теме, а сейчас займемся поисками ответа на вопрос, как мы узнаем, что испытываемые нами ощущения вызываются существующими вне нас объектами.

Глава VII

О существовании

Мыслить — значит чувствовать; чувствовать — значит воспринимать свое существование тем или иным способом: у нас нет иного способа узнать, что мы существуем. Итак, если бы мы ничего не чувствовали, для нас это было бы эквивалентно небытию. Ощущение есть, таким образом, не что иное как наш способ существовать, наш способ быть; и все наши многообразные ощущения суть чистые и простые модификации нашего бытия. Все, что может с нами произойти, есть ощущение. Все чем мы располагаем — воспоминания об этих ощущениях, отношения, которые мы воспринимаем между ними, желания, которые они порождают; и все это тоже суть ощущения. 5 10

Однако имеет ли чистое ощущение, ощущение само по себе, особое свойство — уведомлять нас, что оно исходит от некоторой вещи, которая отлична от нас самих? Этим вопросом мы уже задавались в главе о памяти, и ответили на него категорически отрицательно, установив, что ощущать — значит просто воспринимать ощущение, а воспринимать, откуда оно пришло — значит воспринимать отношение, т. е. рассуждать. Таким образом, всякое ощущение, которое мы относим к какому-либо объекту, уже не чистое ощущение, оно сопровождается суждением. 15 20 25

Затем мы задавались вопросом, действительно ли это суждение неотделимо от ощущения; и в главе о суждении пришли к выводу, что вполне отделимо, и что даже невозможно, чтобы способность суждения начинала действовать одновременно со способностью воспринимать ощущения. 30

Итак, нам остается разобраться, как мы были подведены к суждению, что наши ощущения причисляются объектами, которые не суть мы сами, и есть ли у нас основания выносить такое суждение. Мы называем «телами» такие объекты, которым приписываем свойство быть причиной наших ощущений; чтобы вышеуказанное суждение было справедливо, нужно, во-первых, чтобы эти тела существовали, во-вторых, чтобы они действительно были причинами впечатлений, которые мы испытываем. Значит, первое, что мы должны рассмотреть — существуют ли тела? Второе — как мы это узнаем? Этим мы и займемся.

Вы, несомненно, удивлены первым вопросом: вам никогда не приходило в голову, что можно сомневаться, существуют ли тела и есть ли тело у вас; такое сомнение вам кажется неуместным, однако я вполне уверен, что вы неспособны его развеять, и что, как бы непоколебимы вы ни были в своем мнении на этот счет, вы не в состоянии доказать его истинность. Одно это должно вам доказать, что предмет заслуживает более глубокого рассмотрения; к тому же, вы чувствуете, что перед вами фундамент, основа всего здания человеческих познаний. Ведь если мы ошибаемся в этом главнейшем пункте, если существование тел есть иллюзия, мы живем среди фантомов, и все наши знания суть не что иное как химеры. Коль скоро вопрос столь важен, непозволительно довольствоваться смутным ощущением и бездоказательными утверждениями.

Важным доводом в пользу реальности существования тел кажется общая вера в это всех людей, вера, которую они не ставят под сомнение, и даже не представляют, как можно в этом сомневаться. Но, прежде всего, эта вера на самом деле не является такой уж всеобщей: многие люди, и люди бесспорно великие, думали и доказывали, что в действительности не существует ничего подобного тому, что мы называем телами, а если бы тела и

существовали, у нас не было бы решительно никаких средств в этом убедиться; с другой стороны, даже если какое-то мнение действительно разделялось бы всеми без исключения, это не было бы еще доказательством его безусловной справедливости, ведь весь род человеческий вполне может заблуждаться, и, быть может, действительно неоднократно ошибался. Нужно, таким образом, вернуться к рассмотрению того, реально ли существование тел, и как мы оказываемся в состоянии об этом узнать. 5 10

Уделив этому вопросу хоть немного внимания, вы сможете понять, что его решение не только не является самоочевидным, но, если поразмыслить, оказывается достаточно трудной задачей. Действительно, вы только что видели, что все наши сложные идеи суть не что иное как комбинации ощущений, воспоминаний, суждений и желаний. Вполне очевидно, что эти комбинации складываются в нас безо всякого вмешательства извне; столь же понятно, что воспоминания, суждения и желания суть вещи, происходящие внутри нас. Что же мешает ощущениям в собственном смысле слова быть такими же внутренними событиями? Если так, в то время как мы полагаем, что видим, слышим, чувствуем вкус, осязаем, касаемся реальных и отличных от нас самих объектов, эти впечатления всего лишь внутренние изменения нашей чувственности, нашего способа бытия, неизвестно отчего происходящие и не имеющие внешней причины, подобно тем, которые мы испытываем во сне, или подобно тем иллюзиям, которым мы при определенных обстоятельствах поддаемся даже бодрствуя, как уже упоминалось в главах о чувственности и о памяти. 15 20 25 30 35

Это предположение никак не абсурдное. Однако, будь оно истинным, это перо, которое я, как я полагаю, держу в руке, и эта бумага, на которой, как я полагаю, я сейчас пишу эти слова, и само мое тело, которое, как я полагаю, чувствует и посредс- 40

5 твом которого чувствую я сам, были бы всего лишь
пустой видимостью, возникающей из различных
колебаний и перемен внутри моего сознания, чем
бы оно ни было и где бы оно ни пребывало; и тог-
10 да, при условии, что эти перемены и их комбина-
ции следовали бы тем же законам, для меня, испы-
тывающего их, ничего бы не изменилось; будь они
внешними или внутренними, имеющими причину
вовне или во мне самом, для меня результат ока-
15 жется одним и тем же. Будь вы, к кому я обраща-
юсь, сущностями реальными или идеальными —
если, в обоих этих случаях, за словами, которые я
произношу, следует та же самая реакция, если я
должен следовать тем же правилам, чтобы произ-
20 вести на вас те же воздействия, для меня равным
счетом ничего не меняется, и у меня нет, следова-
тельно, никаких средств разобраться в этом; я не
могу с уверенностью говорить ни о чем, кроме тех
воздействий, которые я испытываю.

20 На деле же, если мы достигли (в свое время мы
увидим, каким способом) взаимного понимания;
если вы мне говорите, что чувствуете подобно
мне; если я вижу, что вы действуете самостоя-
25 тельно, подобно мне; если вы сами подтверждаете,
что при этом руководствуетесь впечатлениями,
подобными тем, которые я вам описываю как
существующие во мне; если опыт тысячекратно и
30 всегда убедительно мне доказывает истинность
этих утверждений — то мне трудно отрицать, что
передо мной чувствующие и мыслящие существа,
которые, следовательно, существуют, подобно
мне самому. Но если бы я был единственным оду-
35 шевленным существом на всей Земле, и некий вы-
сший разум или дух, предположительно наделен-
ный талантом обращаться ко мне так, чтобы я его
услышал, мне сказал, что все, что я якобы вижу и
слышу, и все, что я якобы делаю, суть не что иное
40 как последовательность иллюзий, что я только
некая чувствующая субстанция, неспособная ни к
чему иному кроме как испытывать одно за другим

тысячи различных изменений своей чувственности, что когда я двигаюсь, мне лишь кажется, что я двигаюсь, а когда чего-то касаюсь, мне лишь кажется, что касаюсь — вполне вероятно, что я бы ему поверил, тем более, что, даже дерзнув усомниться в его разоблачении, я не знал бы, как ему доказать обратное. 5

И пусть такой дух никогда никому не являлся, все же, вопреки всему человеческому знанию, целые секты древних философов, людей одаренных и проницательных, по зрелом размышлении утверждали, что мы абсолютно неспособны твердо знать что бы то ни было; и в этом отношении хваленое доказательство Диогена, который, когда Зенон Элейский отрицал движение, вместо ответа стал прогуливаться перед ним, вовсе не кажется мне достойным своей высокой репутации; ведь тот не отрицал, что имеется некая видимость того, что мы называем «движением», а отрицал, что мы можем быть уверены в том, что эта видимость реальна где-нибудь еще, кроме как в нашем сознании. Такой способ разрешить вопрос чрезвычайно похож на тот, который применил Александр, разрубивший гордиев узел, хотя его предлагалось развязать. Он хорош для завоевателя, потому что достигает цели, но я полагаю, что философ-киник неубедителен, он мог бы вникнуть в суть вопроса лучше. 10 15 20 25

Среди новых философов упомяну Мальбранша, одного из наших прекраснейших гениев, который говорил, что тела реально существуют: нам нельзя в этом сомневаться, поскольку Моисей нам поведал об обстоятельствах их творения; но что мы не имеем другого способа узнать об этом, и совершенно невозможно посредством какой-либо из наших умственных способностей убедиться в этом непосредственно. Он даже добавил, что эти тела существуют лишь в сознании Бога, и это то же самое, что просто сказать: они существуют только в сознании. И Беркли, другой блестя- 30 35 40

щий ум, тоже соглашался, что при внимательном изучении рассказ Моисея отнюдь не доказывает существование тел, и что они в действительности не существуют.

5 Не преувеличивая число сторонников этого необычного мнения, я мог бы еще поместить среди тех, кто отрицал существование тел или сомневался в нем, всех приверженцев теории врожденных идей, даже если они не выводят явным образом это следствие из своей системы: ведь когда думают (и таково было общее мнение до Локка), что все наши идеи существуют в нас уже в момент нашего рождения, и что когда мы получаем или составляем их, мы всего лишь их вспоминаем, то 10 не кажется ни необходимым, ни даже естественным предполагать, что эти впечатления вызываются в нас реально существующими вещами. 15

Как бы то ни было, несомненно, что многие философы, и именно все те, кто признавал ощущения источником всех наших идей, решительно считали, подобно обычным людям, что эти ощущения возбуждаются в нас воздействием тел на наши органы восприятия, и что тела и органы являются реальными сущностями; но они не всегда 20 преуспевали в объяснении того, как мы узнаем об их существовании, и почему мы в нем уверены; можно даже сказать, что этот вопрос до сих пор полностью не прояснен. 25

Чаще всего удовлетворялись общими словами 30 о том, что ощущения сами по себе имеют свойство нам сообщать, откуда они приходят, и что уже в простейшем ощущении содержится это знание; это значит имплицитно сказать, что акт ощущения, который определенно заставляет нас убедиться в собственном существовании, обнаруживает для нас также и существование другого сущего, и его отношение к нам, и что это суждение, или восприятие этого отношения неотделимо от простого ощущения. Но это утверждение, а не до- 35 казательство. 40

Когда же хотели войти в детали, оказывалось весьма затруднительным определить, к каким именно ощущениям могла бы применяться эта максима, и какому виду ощущений следует приписать свойство уведомлять нас о существовании тел. 5

Прежде всего, это свойство явно не принадлежит ни одному из тех ощущений, которые мы именуем «внутренними»: они кажутся лишь простыми аффектами удовольствия или боли, и сами по себе могут нам сообщить лишь о существовании нас самих. 10

Далее, относительно ощущений внешних все согласятся, что обонятельные, слуховые и вкусовые ощущения не могли бы сами по себе убедить нас в существовании внешних тел: ведь очевидно, что мы зачастую испытываем такого рода впечатления и без воздействия каких-либо тел, а если внешние тела и служат их причинами, мы слишком часто не можем определить, откуда именно эти ощущения пришли. 15 20

Случай зрения представляет несколько большую трудность; в самом деле, многие идеологисты полагали, что, когда лучи света воздействуют на наш глаз, мы не можем ошибаться в том, что объект, который испускает или отражает эти лучи, есть причина данного впечатления; а поскольку пучки света действуют на различные точки глаза по очереди, и занимают, таким образом, некоторую область в нашем органе, мы вынуждены относить их один за другим к определенной части пространства и, следовательно, убеждаемся, что видимый объект имеет протяженность, что он есть тело. 25 30

Я не могу здесь основательно обсуждать это мнение, потому что для этого нужно, чтобы вы хорошо знали, что это за свойство тел, именуемое «протяженностью», свойство, о котором эти философы не дают никакого четкого представления, а вы сможете в этом как следует разобраться 35 40

5 только после объяснений, которые я собираюсь
вскоре дать, действуя уже знакомым вам спосо-
бом. Но я могу уже сейчас сообщить о двух общих
возражениях, часто выдвигаемых против утверж-
дения, что зрительные впечатления с необходи-
мостью доказывают нам существование протя-
женных тел. Они уже, по-моему, достаточны для
его опровержения.

10 Во-первых, тела воздействуют на глаз так же,
как и на слух, т. е. не непосредственно. Световые
лучи доходят до нас сквозь воздух, подобно зву-
ковым волнам и пахучим частицам; отличие же в
том, что одни распространяются только по пря-
мой линии, в то время как другие достигают нас
15 всевозможными путями. И пахучие частицы, и
звуковые волны исходят, подобно лучам света, из
различных точек тел; они воздействуют на раз-
личные точки уха или носа, так же как свет — на
различные точки глаза; и вы знаете, что эти эма-
нации запахов и звуков не способны убедить нас в
20 том, что есть тела, и что тела имеют протяжен-
ность. Поэтому не кажется правдоподобным, что
такое свойство дано световым лучам, вся особен-
ность коих лишь в том, что они достигают нас,
25 двигаясь по прямой линии.

Во-вторых, и это не подлежит никакому сом-
нению, миновав первое возражение, вы отнюдь не
продвинетесь вперед, ведь вполне понятно, что
одно и то же тело воспринимается нашим глазом
30 тысячами различных способов, в зависимости от
того, освещено оно так или иначе, увидено вблизи
или издали, сверху или снизу, с одной или другой
стороны; какой же из всех этих способов быть
увиденным есть истинный способ существования
35 этого тела? Ясно, что одно зрительное ощущение
не дает нам возможности решить это: оно, таким
образом, нисколько не убеждает нас в реальности
существования тел, даже если согласиться с тем,
что оно сообщает о себе, откуда оно к нам прихо-
40 дит.

В зрительном чувстве есть еще одна странная вещь, а именно что у нас имеется неопровержимый опыт, что это визуальное ощущение нас довольно часто обманывает; оно нам показывает тела там, где их нет; эффекты рассеивания в различных средах и эффекты отражения в зеркале заставляют видеть реальные объекты не там, где они на самом деле: эта палка, наполовину погруженная в воду, находится не там, где я ее вижу, и этот красивый пейзаж не находится в окне, в котором он отражается. В кабинетах физики посредством особых вогнутых зеркал мне показывают объект в центре комнаты; я протягиваю руку туда, где он, по видимости, находится, вместе со всеми его очертаниями и цветами, и убеждаюсь, что там ничего нет. Сейчас не время объяснять эти эффекты; но их достаточно для подтверждения того, что чувство, которое об одном и том же объекте нам постоянно дает разные сведения, и которое часто создает объекты чисто воображаемые, не может нас убеждать в реальности того, что оно нам показывает.

Остаются, таким образом, ощущения тактильные. Все согласны, что они-то нам дают настоящие знания о реальности существования тел, и что именно они нас приучают затем относить к этим же телам впечатления, которые мы получаем от всех других чувств, и создавать идеи об этих отношениях. Я не отрицаю, что это так; но каким образом это делается? Вот что заслуживает объяснения.

Действительно, непохоже, чтобы тактильные ощущения сами по себе имели какие-то существенные преимущества, которые отличали бы их от всех остальных. Аффектирует ли некое тело нервы, скрытые под кожей моей руки, или провоцирует определенные движения в тех нервах, что пронизывают оболочки моего неба, носа, глаз или ушей, в обоих случаях это чистое впечатление, которое я получаю, простой аффект, который я ис-

пытываю; и нет никакого основания считать, что одно более поучительно, чем другое, что одному более, чем другому, свойственно побуждать меня выносить суждение, что оно вызвано неким телом, отличным от меня самого. Почему простое ощущение укола, ожога, щекотки, давления давало бы мне больше знания о своей причине, чем такое же простое ощущение цвета, или звука, или внутренней боли? Ничто не побуждает так думать. Если мы неподвижны, бездействуем и только пассивно воспринимаем случайные осязательные впечатления, они нас просвещают не более, чем все остальные. Таким образом, и осязание, если оно пассивно, приходится признать столь же неспособным пробудить в нас подозрение о существовании тел, как и все другие чувства.

Кажется, что не должно быть так же, если мы, напротив, действуем, движемся и, так сказать, сами идем искать впечатлений; но в основаниях этого различия никто толком не разобрался. В самом деле, одного только этого условия еще недостаточно, чтобы для нас все объяснилось.

Для начала, предположим на момент, что у нас есть способность двигаться, подобная той, которой мы действительно обладаем, но без того, чтобы движения наших членов производили в нас какие-либо ощущения, без возможности эти движения воспринимать и, следовательно, без возможности что-либо о них знать. В таком состоянии я шевелю рукой или, скорее, моя рука шевелится, но я об этом ничего не знаю. Рука встречает некое тело, прочное и устойчивое, но я и об этом ничего не знаю. Я испытываю, и испытываю основательно, если угодно, со стороны этого тела действие, которое мы называем «сопротивлением», но это сопротивление никак не является для меня противоположностью тому, что мы называем «движением», потому что я не знаю ни что такое движение, ни как его осуществляю. В этом предположительном состоянии, при прекраще-

нии внутреннего чувства, которое вызывается перемещением частей нашего тела, по отношению ко мне нет сопротивления внешних тел, я не могу его воспринять как сопротивление, потому что, согласно нашей гипотезе, мы производим движения, не сознавая их и не имея о своих движениях никакого представления. Имей я такую организацию, впечатление, которое я получал бы от устойчивого тела, могло состоять только в ощущении тепла, или холода, или влажности, или в любом другом ощущении, относящемся исключительно к чистому и пассивному осязанию. Это было бы впечатление столь же простое и столь же мало поучительное, как и все другие. Из него я все еще не мог бы ничего заключать.

Но если вы добавляете к способности двигаться то обстоятельство, что каждое движение сопровождается внутренним ощущением, вы порождаете новый порядок вещей: ведь из того, что я чувствую, когда мои члены двигаются, из того, что я воспринимаю некий способ своего бытия, соответствующий их движению, я с необходимостью узнаю, когда это движение начинается и когда прекращается, встретив препятствие. Оставим же нашу гипотезу, вернемся к действительному положению вещей и тщательно рассмотрим, какие следствия отсюда проистекают.

Итак, мы не только способны двигаться, но и неким образом ощущаем свое движение. Когда один из наших членов действует, нервы передают колебания, и мы воспринимаем то, что называют «ощущением движения». Когда движение прекращается, ощущение прекращается тоже. Это уже кое-что, но это еще не все, что имеет отношение к занимающему нас предмету. Действительно, моя рука движется, а я еще не знаю ни что такое моя рука, ни даже того, что у меня она есть; но я испытываю нечто, что является ощущением этого движения. Моя рука встречает некое тело, которое ее останавливает, ощущение движения пре-

5 кращается, я больше не испытываю его, не вос-
 принимаю этот способ своего существования; об
 этом я уведомлен, но только об этом: не зная, что
 существуют тела, я еще ничего не знаю о причине
 10 этого эффекта. Итак, со способностью двигаться
 и с ощущением, которое вызывает во мне это дви-
 жение, я так же пребываю в неведении, как и с
 пассивными тактильными ощущениями, и со все-
 15 ми остальными, которые мы уже признали недо-
 статочными для того, чтобы я убедился в сущест-
 вании тел. По меньшей мере, не доказано, что
 всеми этими изменениями своего способа бытия я
 с необходимостью подвожусь к познанию того,
 что причины этих изменений суть объекты вне
 20 меня. Некогда я думал, что их достаточно, но те-
 перь считаю, что я поторопился.

Таким образом, чтобы сделать это неизбеж-
 ное открытие, все еще взывающее к нашей помо-
 20 щии, нужна какая-то другая из наших способно-
 стей; и это — способность желать. С ней мы более
 не пропустим ничего. Ведь когда я двигаюсь, я
 воспринимаю ощущение моего движения, и в то
 же время испытываю еще и желание восприни-
 25 мать это ощущение: если мое движение остано-
 влено, если мое ощущение прекратилось, то мое
 желание сохраняется, и я уже не могу не заме-
 тить, что тут действует не одно лишь мое чувству-
 ющее «я»; это содержало бы противоречие, пото-
 30 му что мое чувствующее «я» хочет как раз про-
 должения того ощущения, которое прекратилось.

Конечно, если я сразу же замечаю, что пре-
 35 кращение этого ощущения — не результат дей-
 ствия моей чувственности, моей воли, моего «я»,
 поскольку я хочу, чтобы это ощущение продол-
 жалось, то отсюда не следует, что я так же быстро
 понимаю, что это результат действия какого-то
 40 другого сущего; я не открываю немедленно су-
 ществование этого другого сущего. Но если такое
 повторяется часто, невозможно, чтобы раньше
 или позже я не начал подозревать, что этот эф-

фekt прекращения ощущения вопреки моей воле должен иметь причину, и причиной является некое сущее, которое не есть я. Я могу и, несомненно, буду поначалу часто ошибаться относительно действительного положения вещей, буду выносить суждения недостаточно обоснованные. Например, не зная ни своего тела, ни внешних тел, ни их взаимного положения, не имея решительно никакого представления об их форме и объеме, я не в состоянии сразу научиться различать, когда мое движение остановлено в силу предельного растяжения моих мышц и полностью распрямленных суставов, а когда — из-за столкновения с другим телом, полностью независимым от моего собственного. Но в обоих этих случаях я справедливо рассужу, что прекращение ощущения движения есть результат наличия чего-то, отличного от моей воли.

Впоследствии, во всех тех случаях, когда возникает подобный эффект, благодаря ли телу, отличному от моего, или благодаря тому, что продолжению движения препятствует строение моего собственного тела, я больше не могу не замечать, что он всегда сопровождается различными ощущениями: тактильными, зрительными, слуховыми, иногда обонятельными, и эти ощущения для меня становятся свойствами того объекта, из-за которого вопреки моей воле прекращается ощущение движения, которое я хотел бы продолжать. Наконец, я не могу далее не обращать внимания на то, что это прекращение движения не всегда абсолютно, что часто лишь изменяется его направление, что противостоящая ему сила сопротивления имеет пределы и локализована, что имеются края у того, что я теперь называю поверхностью, а поверхности образуют то, что я теперь называю формой, и если я не могу преодолеть эти края и зайти за тело, я могу повернуть и обойти его и очертить его границы, и, следовательно, определить способ существования или то,

что мы называем протяженностью этого тела, которое, или совершенно чуждо и неподвластно моему чувствующему и желающему «я» (таковы все внешние тела), или иногда ему повинуетя (тогда это наше собственное тело), но всегда отлично от этого «я» и действует на него различными способами.

Мы увидим впоследствии, как посредством ряда последовательных опытов мы учимся отличать тело, с помощью которого мы ощущаем и которое повинуетя нашей воле, от всех тех, которые являются для нас целиком внешними и чужими; как мы разбираемся в свойствах того и другого, в каком порядке открываем эти свойства и какие отношения между ними существуют. Но сейчас достаточно хорошо понять, что главное из этих свойств, то, которое первым познается и доказывается, есть свойство препятствовать продолжению ощущения, сопровождающего любое наше движение, вопреки нашему желанию то или иное движение продолжать. Это свойство поистине фундаментальное: ведь оно нас учит, что имеется сущее, отличное от нас самих; оно конституирует действительное существование этого сущего. Существование сущего становится для нас непосредственным и необходимым следствием нашей воли и ее неудовлетворенности, двух вещей, в которых мы вполне уверены.

Чтобы это заключение было истинным, нет необходимости уметь объяснять, с одной стороны, что есть воля и как получается, что мы способны ощущать желания, а с другой — почему все те объекты, которые обнаруживают наши чувства, в той или иной мере способны препятствовать нашим движениям, и чем создается эта их способность. Оба эти факта непостижимы для нас, об их причинах мы ничего не ведаем, но эти факты весьма упрямы, и не менее обязательны для нас их следствия: и то, что как *сущее волящее*, так и *сущее резистентное* — это сущее *реальное*, это су-

щее; и то, что волящее сущее, хотя и не зная еще, что существуют движение и тела, когда убеждается, что иногда можно по желанию испытать ощущение движения своих членов, а иногда нельзя, как бы этого ни хотелось, должно отсюда заключить, что имеются оказывающие сопротивление объекты; и то, что этот вывод должен вести его к более детальному познанию этих объектов, и постепенно все доказывает ему, что его первое заключение было правомерно.

Уяснив этот эффект объединения способности желать со способностью двигаться и ощущать движение, мы можем сперва решить, что и все другие ощущения сущего, наделенного волей, могут вести его к познанию объектов, которые вызывают эти ощущения, в точности как ощущение движения, о котором мы говорили. Однако я так не думаю, потому что есть одно существенное различие: несомненно, я могу желать, чтобы некое зрительное, или тактильное, или слуховое, или обонятельное впечатление продолжалось или обновлялось; но если я, как предполагается, не знаю ничего, ни движения, ни тел, ни самого себя, то я не могу ничего заключить из этого своего желания; ведь я не могу его удовлетворить немедленно. Я не знал бы, дано ли мне непосредственно ощущение такого-то запаха, такого-то цвета, такого-то звука или другого впечатления. Все, что я могу — сделать движение рукой, глазом, любым другим органом, чтобы добиться продолжения этого ощущения. Но для этого нужно, чтобы я знал, что этим движениям свойственно приносить подобный эффект. Откуда же мне знать об этом?

Напротив, в случае непосредственного ощущения движения наших членов, имеет место такое отраженное действие. Всякая боль, страдание, неудовольствие рождают в нас желание двигаться, потребность шевельнуться, что-то сделать. Ощущение движения приносит облегчение. Мы наслаждаемся, пока оно длится; мы обычно можем

5

10

15

20

25

30

35

40

продлить его по желанию. Когда оно прерывается вопреки нашей воле, это делаем не мы. Это делается посредством чего-то, что не есть мы сами, и что иногда действует на нас, а иногда нет; и вскоре движение само по себе нас обучает обращаться с объектами, благодаря множеству опытов, которые все на нем основываются. Тут нет никакого затруднения.

Хаотичные движения новорожденных детей хорошо демонстрируют, что происходит в их головах. Часто можно наблюдать, как они шевелятся просто ради удовольствия ощущать свое движение. Это приносит им удовлетворение, и они очень сердятся, когда их пеленают, лишая подвижности. Они совершают движения и тогда, когда испытывают боль или другие неприятные ощущения, и громко жалуются, если что-то им в этом препятствует. Наконец, они совершают их еще и тогда, когда хотят чего-то, потому что любое неудовлетворенное желание тоже есть страдание. Но их движения поначалу не имеют определенной направленности, хотя в последнем случае она уже замечается, в отличие от двух других. Они начинают обнаруживать отчетливое тяготение к объекту их желания лишь тогда, когда младенцы научатся различать и отличать друг от друга различные тела, опознают их в качестве причин своих впечатлений, и почувствуют, что предметом их желания являются не столько неопределенные и зыбкие впечатления, но сам объект, причина этих впечатлений, которым они хотят обладать и наслаждаться. Я полагаю, что они достигают этой ступени сознания лишь посредством того пути, который мы уже уяснили.

Конечно, можно сказать, что, независимо от внутреннего ощущения, которым сопровождается всякое движение, эти случайные движения могут рано или поздно соотноситься с внешним ощущением, которое доставляет удовольствие, например, зрительным; что эти движения могут

даже оказаться направленными так, чтобы продлить ускользящее ощущение, следуя, например, за лучом света перед глазами, и что подобный опыт, повторяясь, может привести к намеренному повторению тех движений, которые вначале производились случайно. С еще большим основанием можно было бы сказать это об осязательных впечатлениях. Ребенок протягивает руку просто так, без всякой цели. Рука встречает тепло, благодаря чему он получает удовольствие; он убирает руку, затем протягивает ее вновь, встречая то же самое тепло, или оставляет ее вытянутой, испытывая это приятное ощущение постоянно.

Из этого движения, многократно повторяемого, мы заключаем, что он учится протягивать руку с намерением испытать это ощущение, или оставлять ее в том положении, когда она чувствует тепло, чтобы это ощущение продлить. Я не рискнул бы утверждать, что такое абсолютно невозможно; но я полагаю, что это было бы исключительно трудно, потому что я не вижу связи, которую этот ничего не ведающий ребенок мог бы установить между своим ощущением и движением, необходимым для его получения, коль скоро мы предполагаем, что он не воспринимает самого этого движения; и вот мы вновь приходим к необходимости внутреннего ощущения движения. Внешнее ощущение — не более чем случайная причина волевого акта; внутреннее ощущение своего движения — вот единственная причина осознать способ, каким достигается это желаемое внешнее ощущение.

С другой стороны, мне вполне понятно, как наш новорожденный приходит к желанию вновь получить внешнее ощущение и знанию того, в каком случае он его получит, если дано другое, внутренне ощущение, которое он опознает как ведущее к первому. Но я совершенно не понимаю, как он дошел бы до понимания того, что ощущение, которое является его целью, и то, которое лишь средство, вызваны сущностями, отличными

5

10

15

20

25

30

35

40

от его «я», и открыл бы, что есть тела, и одно из них — его собственное. Мне кажется, что он может в этом преуспеть в отношении собственного тела только посредством наблюдения подвижности или ограниченности в движении своих органов, и в отношении внешних тел только посредством непосредственного применения к ним своих частей тела; таким образом, мы опять же возвращаемся не только к необходимости ощущать свое движение и иметь волю, но также к необходимости ощущать сопротивление тел; и надо еще добавить, что нельзя понять, как движение части тела могло бы быть воспринято, если не благодаря определенной силе, оказывающей сопротивление этому движению.

Итак, мне представляется доказанным:

1) что мы вполне убеждены в существовании тел, т. е. сущностей, отличных от моего чувствующего и желающего «я», ему противостоящих и в той или иной мере ему сопротивляющихся;

2) что именно способности желать, соединенной со способностью двигаться и ощущать свое движение, мы обязаны знанием об этих телах и уверенностью в реальности их существования;

3) что для того, чтобы эти способности производили такое действие, нужно, чтобы тела обладали определенной силой сопротивления. *Действие желаемое и ощущаемое*, с одной стороны, и *резистентность*, с другой — вот связь между сущностью ощущающей и сущностью ощущаемой; это точка контакта, который один лишь убеждает первую сущность в существовании второй, и я не знаю, откуда еще могло бы взяться это убеждение.

Из этой истины, если она, как я полагаю, действительно истина, проистекают два следствия: первое, что никакая бестелесная и лишенная органов сущность, если бы таковая и существовала, не могла бы быть нами узнана, и сама никак не могла бы узнать о существовании материи и тел;

второе, что нам, кому так часто говорят без всяких доказательств, что, будь мы полностью материальны, мы бы не могли мыслить, эта истина показывает совсем другое, а именно, что, будь мы полностью нематериальны и бестелесны, мы не могли бы мыслить так, как мы это делаем, и не знали бы ничего из того, что мы знаем. Возможно, мы знали бы тогда что-нибудь совершенно иное. Но кто нам это скажет? Кто возьмется объяснять, чем бы мы были, если бы существовали неким способом, который никто из нас не может ни испытать, ни наблюдать, самую возможность которого никто не может представить; и, с другой стороны, для чего это могло бы нам пригодиться?

Таковы, я полагаю, несомненные результаты исследования, которое мы только что провели. Теперь следует проверить, не упустили ли мы чего-нибудь.

Передо мной стояла двойная цель. Я должен был показать, с одной стороны, что напрасно приписывают всем ощущениям в узком смысле слова, или некоторым из них, свойство указывать на тела, которые их вызывают; с другой — что, тем не менее, у нас есть способ достоверно узнать о существовании этих тел, что они никоим образом не иллюзия. Предстояло доказать излишне наивным людям, что, пока лишь воспринимают ощущения, нельзя быть уверенным ни в чем, кроме собственного существования, а людям излишне скептическим — что, когда к восприятию присоединяется желание, вследствие которого действуют, и испытывают *сопротивление* этому *ощущаемому и желаемому действию*, тогда достоверным становится не только свое существование, но еще и существование чего-то, что не есть «я».

Первый пункт, несомненно, не лишен интереса, ведь если мы формируем ложное представление о природе наших ощущений, оно создает множество препятствий верному пониманию и свойств тел, и происхождения наших знаний. Од-

нако, ошибись я в этом отношении, и будь у нас в действительности гораздо больше способов убедиться в существовании отличных от нас тел, чем я полагаю, их существование стало бы лишь еще более достоверным, и фундамент всех наших знаний такой ошибкой не был бы подорван.

Напротив, второй пункт имеет исключительную важность; ведь если неверно, что, поскольку я чувствую и желаю, поскольку действую в соответствии со своим желанием и, в свою очередь, ощущаю это действие, и поскольку испытываю сопротивление этому действию, я убеждаюсь в существовании чего-то иного, чем моя способность чувствовать, — тогда я бы против своего намерения доказал, что мы никогда не можем быть уверены в этом другом существовании, ибо доказано, что все прочие способы узнать о нем неудовлетворительны. Но, должен признаться, я не беспокоюсь об этом, т. к. полагаю, что и второй пункт разъяснен полностью и безошибочно, ведь нельзя сомневаться ни в том, что моя воля принадлежит к моему «я», ни в том, что сопротивление моей воле оказывает нечто, отличное от моего «я».

Тем не менее, понятно, что для того, чтобы это сопротивление было мною познано как относящееся к действительной вещи, его оказывающей, недостаточно, чтобы я чувствовал и желал; нужно, чтобы это желание сопровождало действие, и чтобы я ощущал это действие, причем и тогда, когда оно осуществляется свободно, и тогда, когда испытывает противодействие. Вот почему, чтобы узнать о том, что отлично от моего «я», требовалось, чтобы я имел способность двигаться, и первое, что являет мне вещь, отличная от меня — имеющееся у нее свойство сопротивляться движениям, к коим я понуждаю ту часть материи, которая повинуется моей воле и посредством которой я ощущаю.

Таким образом, это фундаментальное свойство тел, которое мы называем *инерцией*, с необхо-

димостью является главнейшим их признаком, по которому мы их распознаем. Оно — первое в ряду тех их свойств, которые мы узнаем впоследствии и присоединяем к нему, чтобы образовать завершённую идею каждого из объектов. Без него мы ничего не знали бы ни о внешних телах, ни даже о нашем собственном. Мы не воспринимали бы и свои движения, ведь именно сопротивление, которое оказывают им наши органы, порождает наше ощущение движения. Не оказывай материя сопротивления, не будь она резистентной, мы наверняка никогда не узнали бы ничего, кроме себя, а себя знали бы лишь как чувствующую сущность. **Вовсе не легко разобратся, как мы смогли воспринять нечто сущее как сущее.**

Прежде я придерживался иной точки зрения⁴⁴; я полагал, что, если бы мы знали о существовании лишь нашего чувствующего «я», и не знали других сущностей, мы бы вечно воспринимали впечатления, но нам никогда не удалось бы воспринять отношения и желания; иначе говоря, мы не имели бы ни способности суждения, ни воли. Я вполне убедился в своей ошибке. Однако это заслуживает рассмотрения, не потому, конечно, что я думаю, будто мои мнения имеют такое значение, что всякая сделанная мною ошибка заслуживает торжественного обсуждения, но потому что те, кто принял мое прежнее мнение, мне скажут: «Вы раньше доказывали, что *невозможно желать* без знания о существовании тел; сегодня вы показываете, что знать о существовании тел может лишь существо движущееся, ощущающее и *желающее*. Отсюда следует, что мы никогда не сможем о нем узнать, и что все, что вы сказали выше, ложно». Это рассуждение было бы неопровержимым. Поэтому, когда я говорил, что воля не могла появиться, пока мы не узнали о существовании тел, я в то же время отмечал, что достаточно и произвольных движений, чтобы мы заметили их существование. Теперь же, когда я убедился, что этот

- 5 последний пункт неверен, и думаю, что *желаемые* движения необходимы, чтобы узнать о существовании отличных от нас объектов, я должен показать, что мы можем желать еще до того, как узнаем об этих объектах. Это и будет предметом следующей главы; а затем мы вернемся к рассмотрению различных свойств тел.

Глава VIII

Как приводятся в действие наши умственные способности?

После того как мы создали общую идею способности мыслить или чувствовать и тех способностей, которые ее составляют, после того как узнали, посредством каких операций эти способности формируют наши сложные идеи и как мы убеждаемся, что существуют вещи, отличные от нашего «я», настало время уяснить, каким образом эти способности начинают действовать. Я хочу сперва объяснить, как я рассуждал, когда думал, что мы можем начать воспринимать свои желания только после того, как вынесем суждение, что наши ощущения вызываются телами.

Я говорил: несомненно, что невозможно иметь воспоминания и выносить суждения до того как будут восприняты впечатления; таким образом, чувственность в собственном смысле слова с необходимостью начинает действовать прежде всех умственных способностей.

С другой стороны, ничуть не менее справедливо, что чистое и простое ощущение никогда не научит нас ничему, кроме нашего собственного существования. Когда только воспринимают, без какой-либо примеси познания, какое-либо впечатление, тем самым воспринимают и определенный способ существовать самому: мое чувствующее «я», мое личное существование при этом оказываются модифицированы на определенный манер, но ничего более не происходит. Наконец, верно еще и то, что для вынесения суждения нуж-

но иметь возможность сравнить две различные идеи, идею одного и идею другого; таким образом, единичное ощущение не позволяет вынести никакого суждения.

5 Если же к этому первоначальному ощущению присоединяется другое, отличное от первого, то это предполагает, что мы знаем их характерные черты, их свойства, знаем тела, которые их вызывают, и органы, которые их передают; если не
10 знать всего этого, весьма вероятно, что невозможно будет даже разделить два ощущения, испытываемые в одно и то же время: за неимением средств их различить они должны будут казаться одним ощущением. Нечто подобное с нами происходит ежедневно, даже несмотря на наши знания,
15 которые мы упускаем из виду при вынесении суждения: так, например, если я чувствую вкус соли, я не различаю в нем вкусов кислоты и щелочи, которые его образуют; если черное и белое смешаны, я получаю ощущение серого, и не различаю
20 его составляющих; если я чувствую запах хорошо составленного букета, я не распознаю в нем запахи отдельных цветов; если я слышу звук, зачастую я не могу распознать гармоничные звуки, из кото-
25 рых он складывается; если я испытываю внезапный толчок, я не знаю, произвела его одна сила или результирующая нескольких сил; если, наконец, я чувствую внутреннюю боль, я не могу сказать, локализована она в одной точке или не-
30 скольких, а когда ее характер изменяется, я не берусь утверждать, исчезла часть ее составляющих, или к ним добавились новые.

Основываясь на всем этом, можно и должно считать, что, если некоторое второе ощущение
35 присоединяется к первому, это все равно не дает никакого материала для способности суждения, и что все последующие ощущения, присоединяемые к первому, тоже смешивались бы в некую недифференцированную массу, так что эта способность
40 никогда не пришла бы в действие, пока одновре-

менные ощущения остаются простыми впечатлениями, а мы не имеем никакого знания об их причинах.

Правда, эти ощущения вполне могут служить нам материалом для воспоминаний, но это доказывает лишь, что такие воспоминания суть тоже простые впечатления, и что, если множество их воспринимается сразу в совокупности, это производило бы такой же эффект, как и в случае ощущений, образом коих они являются, т. е. они бы смешивались друг с другом до неразличимости: и здесь тоже еще нет места суждению.

А сейчас предположим, что к некому простому и актуально присутствующему ощущению добавляется воспоминание о прошлом ощущении; смешаются они друг с другом или нет? Если принять, что в природе самой памяти нет ничего, что нам подсказывало бы, что воспоминание — это именно воспоминание, а это мы хорошо знаем, то получится, что имеются воспоминания без понимания того, что это воспоминания, и не приходится сомневаться в выводе, что воспоминание даст тот же эффект, что и актуальное ощущение, которое смешивается с первоначальным ощущением, и нам все еще не следует ожидать от такой комбинации, что она породит акт суждения.

Мы должны, таким образом, заключить, что, пока не знают ни обстоятельств и причин возникновения ощущений, ни средств их восприятия, не знают о существовании тел и своих собственных органов, способность суждения действовать не начнет.

Желают вследствие суждения; значит, можно образовать желание, только когда вынесено по меньшей мере одно суждение; если же не имеют ощущения движения, не могут ни судить, ни желать: чувствуют свое существование, и не более того.

Но если произвольно, случайно, в чем бы эта случайность ни заключалась, я произвожу

5 движение, я его чувствую; если какая-нибудь боль или неудобство меня побуждают пошевелить рукой, я получаю ощущение, что я ею шевелю, я испытываю ощущение движения; моя рука встречает некое тело, ощущение прекращается. Я еще не знаю ни что такое тело, ни что такое моя рука, но мой способ существования изменился: вместо ощущения движения я испытываю ощущение сопротивления, я не могу их испытывать вместе, и они слишком противоположны, чтобы, испытывая одно и при этом вспоминая другое, я мог бы смешать это актуальное ощущение и это воспоминание. Итак, я их различаю; я чувствую, что между ними существует отношение «быть различными», я выношу суждение; как следствие этого суждения, я произвожу и другие суждения, я образую желания и т. д. Вот момент начала развития всех наших способностей, и начинается оно только благодаря тому, что я ощущаю свое движение.

20 Невозможно отрицать, что рассуждение это довольно последовательно; но оно исходит из принципа, который невозможно установить никакими прямыми доказательствами, и который представляет собой неправомерное использование двух весьма общих идей. Вот этот принцип: «чистое и простое ощущение не учит нас ничему, кроме факта нашего собственного существования»*. Несомненно, это верно и в отношении акта ощущения в целом, и для существования в целом; верно, что, когда только ощущают, ощущают лишь

* Желай я позаботиться о своем самолюбии, я мог бы сказать, что этот произвольно введенный принцип провозглашен не мной, он сформулирован в «Трактате об ощущениях» Кондильяка, а я лишь развил его во всех его следствиях. Но какое значение имеет для науки, стал источником ошибки я или исследователь куда более искушенный? Полезно лишь разобраться, что же могло ввести в заблуждение даже такого человека. С другой стороны, если бы я хотел возложить на него вину за то, что его авторитет увлек меня в ложном направлении, то должен был бы начать с выражения признательности за все, чем ему обязан, т. е. почти за все, что знаю, включая и то, что почерпнул не у него, потому что это он наставил меня на путь поиска.

свое собственное существование, это так. Но любое реальное ощущение — не то же самое, что акт ощущения вообще; оно особенное; оно заставляет нас почувствовать не наше существование вообще и как таковое, но некий частный способ быть, некую особую форму нашего бытия; оно вызвано определенным движением наших органов восприятия, наших нервов. Кто мог бы с уверенностью утверждать, что в этом движении наших нервов, которое производит на нас действие, называемое таким-то ощущением, не может быть таких особенностей, которые не позволят смешать это движение с другим, подобным движением, и заставят ощутить наличие некоторого различия между ними, т. е. наличие отношения, что мы и называем суждением? Полагаю, никто не осмелится заявить, что такое невозможно.

Наоборот, каждый знает, что многие ощущения сами по себе имеют свойство быть для нас приятными или неприятными. А что значит находить некое ощущение приятным или неприятным, если не выносить некое суждение, т. е. ощущать некое отношение между этим ощущением и нашей способностью ощущать? А ощущать это отношение между ощущением и нами, не значит ли ощущать в то же время желание испытать это ощущение или его избежать? Таким образом, все эти операции могут обнаруживаться, и действительно обнаруживаются, соединенными в одном-единственном действии, в восприятии какого-то одного ощущения, а таких ощущений у меня сколько угодно; итак, я должен, признавая принцип, отвергнуть основанное на нем доказательство того, что способность суждения и воля могут начать действовать лишь вследствие того, что мы испытали ощущения движения и сопротивления ему.

С другой стороны, если со мной согласятся, окажется, что я доказал абсурдное положение, согласно которому мы никогда не смогли бы начать ни рассуждать, ни желать. Ведь ни один факт

5

10

15

20

25

30

35

40

не доказывает прямо и непосредственно, что эти два ощущения, ощущение движения и ощущение сопротивления ему, должны составлять исключение из общего закона. Более того, пока у нас нет воли, нет и ощущения сопротивления в собственном смысле слова. В этом состоянии нам доступны только ощущение движения и ощущение его прекращения; а они, будучи, конечно, противоположны друг другу, все же не более противоположны, чем ощущения черного и белого, теплого и холодного, которые мы можем воспринимать одновременно; поэтому у нас еще нет оснований утверждать, что одно отрицает другое и несовместимо с ним.

Напротив, факты подтверждают, что чувство, которое мы называем волей, или ощущение некоего желания, может предшествовать в нас ощущению движения; ведь каждый из нас знает, что устойчивый результат нашей физической организации, и, возможно, нашей организации как чувствующего существа, состоит в том, что всякое страдание или неудобство, особенно сильное, пробуждают в нас потребность шевелиться, двигаться, совершенно независимо от всякого понимания того, какой именно эффект это даст, и даже вопреки точному знанию, что это вредно. А что есть эта потребность, если не желание? Конечно, оно неотрефлектировано, но, тем не менее, это не что иное как желание, и желание весьма настоятельное. Итак, нет оснований опасаться, что мы не могли бы желать двигаться, пока не узнали, что такое движение; и вполне возможно, что уже самое первое движение, сделанное каждым из нас, сопровождалось желанием и было сделано по собственной воле.

Тысячи фактов подтверждают это. Подобный способ рассмотрения открывает перед нами новый путь, путь исследования того, как определенные особенности нашей организации, происходящие из различия темпераментов, возраста, болез-

ней, получают такое влияние на наши суждения и склонности, и понимания природы этих инстинктивных детерминаций*, которые в противном случае казались бы непостижимыми, а их несомненное наличие опрокидывало бы все составленные нами идеи о том, как действует наша способность мыслить. Но об этом мы будем говорить в другой раз.

Сейчас же сделаем вывод, что моя новая теория основывается на позитивных и несомненных фактах, в то время как первая моя теория была построена только на одном замеченном мною отношении между двумя общими идеями, которое я и использовал без всяких сомнений, как если бы идеи эти были двумя реально существующими объектами. Моя ошибка должна вам показать, молодые люди, насколько легко и как опасно злоупотреблять подобными идеями, хотя они, разумеется, полезны, и пользоваться ими необходимо. Мы, несомненно, поступили правильно, разделив, в целях изучения нашей способности чувствовать, те различные функции, которые мы смогли в ней распознать, и рассмотрев по отдельности ощущение, воспоминание, суждение и желание как таковые; но никогда нельзя забывать, что все, что мы разделили в мысли, на самом деле проявляется и обнаруживается смешанным и соединенным, и что исходить нужно всегда из действительных фактов. Все только что сказанное несколько не опровергает установленное нами ранее по поводу чувственного восприятия, памяти, суждения и воли, но лишь проливает свет на то, как они фактически проявляются и действуют.

Итак, остается непреложным, что невозможно, чтобы ощущения сами по себе, без действия, доказывали нам достоверность какого-либо иного существования, нежели наше собственное; что движения без воли тоже еще недостаточно, чтобы

* Они являются ощущениями, содержащими суждение и желание.

5

10

15

20

25

30

35

обеспечить нам это знание; что воля может предшествовать движению; что только произвольное движение дает нам настоящее ощущение сопротивления; что это ощущение чего-то, что сопротивляется движению, которое мы хотим произвести, неопровержимо доказывает нам реальность существования чего-то еще, помимо нашей чувствующей сущности; что мы таким образом узнаем со всей очевидностью, что имеются тела, и первое свойство, которое мы в них обнаруживаем, есть *инерция*.

Посмотрим теперь, как мы приходим к открытию всего остального, и составляем определенные идеи, в которых невозможно толком дать себе отчет, если не знать способа, каким мы их образуем: это будет лучшим доказательством, что мы нашли основу всякого действительного существования и источник всякого определенного знания.

Но прежде я должен сознаться, что мог бы прийти быстрее к результатам, которые мы только что получили. Однако дело касалось вопросов и мнений весьма спорных; я должен был опровергнуть самого себя в двух пунктах; я полагал себя обязанным дать несколько более подробное их изложение, и, с другой стороны, я убежден, что это обсуждение не будет бесполезным также и в других отношениях; наконец, можно ведь это и пропустить, если угодно, но тогда не нужно читать и предыдущую, седьмую главу, как и эту не следует читать отдельно от предыдущей. Тогда вам придется довольствоваться их главным результатом, а именно тем, что, если существо, организованное так, чтобы желать и действовать, ощущает в себе волю и действие, и в то же время испытывает сопротивление этому желаемому и ощущаемому действию, оно удостоверяется и в своем существовании, и в существовании чего-то, что не есть оно само.

Вот связь между нашим «я» и другими сущими: *воля и ощущаемое действие, соединенные*

друг с другом. Ни того, ни другого в отдельности для этого недостаточно. Чувствующее и даже обладающее волей, но бездействующее существо не могло бы узнать ничего, кроме самого себя, кроме своего чувствующего и желающего «я»; а существо действующее, но неспособное желать или чувствовать, еще не воспринимало бы, что что-то ему сопротивляется и, следовательно, существует.

Глава IX

О СВОЙСТВАХ ТЕЛ И ИХ СООТНОШЕНИИ

Итак, мы согласились, что в той мере, в какой мы только ощущаем, вспоминаем, выносим суждения и желаем, без каких-либо проистекающих отсюда действий, мы сознаем лишь наше существование, причем и самих себя знаем только в качестве чувствующего существа, как простое чувствующее «я», без всех тех качеств, которые конституируют тела.

Мы согласились еще, что, как только наша воля пришла в действие, побудив нас двигаться, сила инерции материи наших органов нам об этом сообщила, и мы получили ощущение движения, что, может быть, само по себе еще и не дает нам никакого нового знания; но когда это движение, которое мы ощущаем и которое мы хотели бы продолжить, прекращено, мы обнаруживаем, что, помимо нашего чувствующего «я», существует и нечто другое. Это другое есть наше тело, окружающие тела, мир и все, что его составляет.

Несомненно, мы не знаем сначала, что это такое: мы не различаем еще ни внешние нам тела, ни наше собственное; но мы, наконец, убеждены, что мы существуем, и что существует что-то еще, кроме нас. Эта достоверность включена в само ощущение сопротивления.

Свойство сопротивляться нашей воле есть, таким образом, основа всего, что мы учимся узнавать; и мы обнаруживаем его только посредством тех действий, которые вызывает воля, посредством наших движений. Это свойство есть прису-

щая телам сила инерции, которая имеет место и обнаруживается только благодаря их подвижности.

Будь материя совершенно неподвижна, мы не имели бы чувств; а если бы и чувствовали, то, не имея возможности действовать, знали только наши чувства. Будь материя абсолютно подвижной, не оказывающей никакого сопротивления^{*45}, мы бы опять-таки ничего не чувствовали, потому что все наши ощущения возникают вследствие сопротивления наших органов воздействию тел и сопротивления самих тел, когда одни из них воздействуют на другие; а если бы и могли чувствовать и действовать, то, не встречая сопротивления, никогда бы не открыли существования тел, равно как и наших органов.

Но коль скоро мы можем действовать и ощущать свое действие, желать и испытывать сопротивление, мир готов возникнуть для нас. Подобно той одушевленной точке, которая имеется в яйце в первые дни инкубации и, поначалу неразличимая, развивается, растет и становится полноценным живым существом, наша способность мыслить расширяется, разливается по нашим органам, давая нам представление об их форме, возможностях, функциях, открывает все, что нас окружает, судит обо всем, познает все, преобразует все к своей пользе и подчиняет все своей воле.

Таким образом, *подвижность* и *инертность* являются по отношению к нам двумя первыми качествами тел, без которых наше тело не знало бы, как ему жить, без которых мы не могли бы ощущать, не могли бы ничего узнать, без которых мы

* Можно приближенно считать таковой почти совершенно нерезистентную материю света, испускаемого солнцем, кометами или звездами, не оказывающую никакого заметного влияния на движение пересекающих ее небесных тел. См. «Изложение системы мира» г-на Лапласа, стр. 286 в издании ин-квартио. Но все же необходимо, чтобы и эта материя была способна к какому-то сопротивлению, поскольку она производит визуальные ощущения.

не могли бы даже воспринимать факт существования мира.

Заметьте, однако, что эти два свойства тел с необходимостью требуют третьего, столь же существенного свойства, благодаря которому тела, находясь в движении, имеют возможность действовать на другие тела, перемещая их; это, пользуясь выражением д'Аламбера, «та сила, которой обладают все движущиеся тела и которая позволяет им также приводить в движение другие тела, которые они встречают»*. Д'Аламбер правильно признает эту силу свойством тел; но он не дает ей названия. Я бы назвал ее *силой импульса* и, вопреки мнению д'Аламбера, признал бы ее свойством основополагающим, общим и неизменным, имеющим место всегда, хотя оно и не всегда проявляется, потому что, подобно инертности, оно одинаково проявляется во всех телах при тех же обстоятельствах. Я бы сказал, что *импульс* (понимаемый, таким образом, как возможность, а не как эффект) есть такое свойство тел, благодаря которому они, находясь в движении, сообщают свое движение другим телам, с которыми встречаются, точно так же, как инерция есть такое свойство, благодаря которому ни одно тело никогда не получает от других тел количества движения, равного тому, которым обладают сами эти тела: это два взаимосвязанных свойства, из которых одно не может существовать без другого, причем ни то, ни другое не имели бы места без движения.

Подвижность, инерция и импульс суть качества нераздельные. Вскоре мы рассмотрим, как мы обучаемся рассчитывать их эффекты; сперва же мы только их чувствуем.

Идея движения для нас пока еще не та сложная идея, которую мы имеем в виду, говоря, что движение есть состояние тела, перемещающегося из одного места в другое: место есть часть про-

* Статья «Тело» в старой «Энциклопедии».

странства, и идея места производна от идеи протяженности, которой у нас еще нет. Движение для нас, таким образом, есть сначала только простое ощущение, способ быть. Я двигаюсь, я ощущаю свое движение, и это все. Разберемся же, что отсюда следует. 5

Я двигаюсь в разных направлениях, и не испытываю противодействия; все, что я встречаю на своем пути, будь то эфирный флюид⁴⁶, свет или даже воздух, не существует для меня, потому что не дает мне ощущения сопротивления моей воле; это абсолютное ничто, я не знаю даже, что это пустое пространство, как я правильно или ошибочно назову его впоследствии, когда встречу нечто другое; я не знаю, что пересекаю это пустое пространство, потому что остаюсь в неведении о том, что оно имеет протяженность и что вообще имеется нечто протяженное. 10 15

Но вот движение, которое я хотел бы продолжать, т. е. устраивающий меня способ бытия, который я хотел бы удержать, вопреки моему желанию прервано; то, что его остановило, не есть я сам, но некая вещь, некое сущее, и это сущее есть тело. Разумеется, я еще не знаю, что это тело протяженное, что у него есть части, что оно имеет форму и границы; оно для меня только сущность, оказывающая сопротивление, подобно тому как я сам для себя только сущность чувствующая; об этой новой сущности я знаю лишь то, что она существует. 20 25 30

Впрочем, я не утверждаю, что и этот скромный вывод будет сделан после первого же подобного опыта, но не столь важно, потребуется один такой опыт или тысяча: достаточно того, что я нашел путь. 35

Среди этих многочисленных экспериментов наверняка будет и тот, при котором, нажимая на тело и скользя по его поверхности, я почувствую, что двигаюсь дальше, вдоль него, не прекращая его ощущать. С этого момента тело перестает 40

5 быть только точкой; я распознаю, одна за другой, его части, я выношу суждение, что оно *протяженное*: ведь свойство быть протяженным, взятое само по себе, есть, по существу, свойство иметь
 10 различные части, расположенные вовне друг друга; но именно посредством движения мы это узнаем, ведь то же свойство есть, по отношению к нам, свойство оставаться в соприкосновении с нами, пока мы производим определенное количество
 15 движения. Итак, мы познали *протяженность*; это новое свойство тел, зависящее от их способности оказывать сопротивление движению или от их способа существования по отношению к нам. Оно — столь непосредственное следствие этого
 20 способа, что, узнав его однажды, мы не можем более представить ничего, что было бы этого свойства полностью лишено. Мы вполне можем предположить, что некое тело слишком мало, допустить, что его протяженность сокращена на-
 25 сколько возможно, даже до такой степени, чтобы быть невоспринимаемой нашими органами чувств; но мы не можем вообразить это свойство совершенно отсутствующим, не упраздняя тем самым и представление о теле как таковом. Никогда ни
 30 одно человеческое существо не поймет по-настоящему, как существовало бы нечто такое, что не существовало бы нигде в пространстве и не имело бы никаких частей, и это самообман, когда убеждают себя, что можно постичь подобную вещь;

35 Таким образом, когда я говорил, что, поскольку мы только чувствуем, не совершая никаких действий, постольку мы воспринимаем самих себя только как точку, как некую чувствующую сущность, и что, когда мы ощущаем сопротивление нашей воле, то сущее, которое ей противостоит, кажется сначала только точкой, только чистой
 40 сопротивляющейся сущностью, я использовал два

абстрактных понятия, с которыми мы привыкли
 обращаться, как с чем-то действительным, чтобы
 придать моей мысли более наглядный характер.
 Я хотел объяснить, что мы ощущаем единственно
 лишь то, что мы имеем волю, и что нечто ей сопро- 5
 тивляется, и не знаем более ничего; но я не соби-
 рался утверждать ни что мы считаем себя матема-
 тической точкой, ни что мы образуем идею некоей
 сущности, существующей самостоятельно и отде- 10
 льно от чего-либо сущего: это невозможно. Вот
 почему в тот же самый момент, когда мы обнару-
 живаем протяженность того, что оказывает со-
 противление нашей воле, мы обнаруживаем и
 протяженность самих себя, своего чувствующего
 «я»; оно, так сказать, простирается и распростра- 15
 няется на все те части тела, посредством которых
 оно ощущает и которые ему подчиняются. Мы
 осознаем протяженность нашего тела, как и про-
 тяженность других тел, и очерчиваем его границы
 теми же способами. Весьма вероятно, что оно 20
 даже первое, которое мы узнаем; ведь тело, кото-
 рым мы располагаем, для нас отличается от дру-
 гих тел только тем, что это посредством него мы
 ощущаем, в остальном же оно подобно всем дру- 25
 гим, и так же оказывает сопротивление нашим
 движениям; и когда один из наших членов сталки-
 вается с другим, двойное ощущение, которое мы
 получаем и от той части тела, которая движется, и
 от той, которая ее движению мешает, скорее даст 30
 нам возможность разобраться в происходящем,
 чем столкновение с телом посторонним, которое
 ничего нам не сообщает. Это предположение под-
 твердится в ходе психологического исследования
 того способа, каким образуются ощущения, бла- 35
 годаря изучению соотношения, которое существ-
 вует между различными органами чувственности;
 но не это сейчас нас интересует, и мы вернемся к
 этому вопросу, когда придет его время. В настоя-
 щий момент достаточно было объяснить, что та-
 кое протяженность нашего и других тел, и пока- 40

зять, что мы узнаем о ней не иначе как посредством комбинированного действия подвижности и инерции тел.

Протяженность, в этом смысле слова, есть свойство тел. Но мы часто придаем слову «протяженность» иное значение. Когда мы делаем его синонимом слова «пространство», оно выражает совсем другую идею. В то время как по видимости эти два термина, «протяженность» и «пространство», представляют некую реальную вещь, в действительности это абстрактная идея, которой мы обмануты. Рассмотрим, как мы ее образуем, это единственный способ ее по-настоящему узнать и навсегда избавиться от заблуждения, в которое она нас вводит; ведь любая иллюзия исчезает, если разгадан порождающий ее механизм.

Я совершаю определенное количество движения, чтобы перейти от одной точки некоего тела к другим точкам того же тела, и я говорю, что это тело имеет протяженность. Если убрать это тело, мне нужно будет такое же количество движения, чтобы из того места, где была одна из этих материальных точек, достичь тех, где были другие, и я скажу, что имеется такая же протяженность, такое же пространство между ними; однако, поскольку теперь я могу двигаться в этом пространстве как угодно и в любом направлении, чего не мог делать раньше, еще прибавлю, что пространство это, бывшее заполненным, теперь пустое, совершенно так же, как сказал бы о чемодане, что он полон или пуст, в зависимости от того, имеется что-нибудь внутри него или нет. Но чемодан — это стенки, которые его и составляют, независимо от того, что именно чемодан содержит, и содержит ли вообще что-нибудь, а пространство не имеет никаких стенок; и что такое пустой чемодан, не имеющий стенок, если не абсолютное ничто? Когда мы движемся без сопротивления, это не значит, что мы встречаем на своем пути только пространство: это значит, что мы не встречаем аб-

солютно ничего. Пространство есть, таким образом, свойство протяженного тела, взятое отдельно от всех тел, которым оно могло бы принадлежать; это абстрактная идея, это ничто, персонифицированное благодаря способности, которой мы обладаем — двигаться куда угодно, когда нет никаких помех, когда *ничто* нам в этом не препятствует, когда вокруг нас *ничто*, которое нам это позволяет: вот еще одно подтверждение того, что только с помощью движения мы узнаем, окружают нас тела или ничто.

О протяженности сказано довольно; перейдем к следствиям. Некоторые важные и общие всем без исключения телам свойства прямо и непосредственно зависят от их свойства быть протяженными: будет достаточно их указать. Таковы делимость, наличие определенной формы и непроницаемость.

Протяженное с необходимостью является делимым; ведь поскольку быть протяженным значит иметь части, и притом такие, что во время перемещения от одной части к другой всегда можно остановиться на полпути, оказавшись тем самым между этими частями и, следовательно, их разделить, отделить одну от другой. Делимость, возможность быть разделенным, неизбежно происходит, таким образом, из свойства быть протяженным.

Отсюда же следует и необходимость иметь определенную форму, или быть определенным образом ограниченным. Ни одно тело не может иметь бесконечную протяженность, ведь тогда не существовало бы ничего, кроме него. С другой стороны, мы никаким способом не можем создать идею чего-то реально существующего и при этом бесконечного: это еще одна абстрактная идея, которая не может обладать никаким позитивным существованием, подобно идее палки, которая имела бы только один конец или даже вообще не имела бы концов. Любое тело, таким образом,

имеет границы. Мы называем поверхностью тела совокупность всех точек, которые его ограничивают, т. е., миновав которые, мы можем дальше двигаться без помех. Положение поверхности создает то, что мы называем формой или фигурой тела. Эти два слова используют одинаково, и напрасно; следовало бы называть формой тела исключительно тот способ быть протяженным, который мы в нем распознаем посредством осязания при движении вокруг него, а слово «фигура» оставить для зрительного впечатления, производимого этой формой. Одна и та же форма дает несколько фигур, в зависимости от того, смотрим мы на нее с одной стороны или с другой; но она всегда производит одинаковое действие на осязание, и это еще раз доказывает, что таков ее подлинный способ бытия, и что именно сопротивление, которое тела оказывают нашему движению, позволяет убедиться в реальности существования тел.

Поскольку тело может либо быть протяженным, либо не существовать вовсе, совершенно необходимо, чтобы оно было непроницаемым, т. е. чтобы другое тело не могло занимать то же место в пространстве, которое оно заполняет, иначе как вытеснив его оттуда; ведь если бы они оба в одно и то же время занимали одно и то же место, они стали бы одним телом; одно из них было бы уничтожено, они не могли бы сосуществовать.

Поэтому, когда мы видим два тела, соединенных таким образом, что они занимают меньше места, чем занимали по отдельности, мы из этого заключаем, что или одно из них, или они оба являются пористыми, т. е. между их твердыми, или реальными, частями имеются пустоты, в которых и размещаются твердые, или реальные, части другого тела: что это так, нам доказывает и увеличение веса при прежнем объеме, которое всегда влечет за собой подобное соединение. Тысячи опытов подтверждают, что все известные нам тела в

той или иной мере пористые, что можно считать еще одним общим свойством тел; оно тоже следствие их протяженности, но не необходимое следствие, ведь вполне можно представить тело, части которого прилегали бы друг к другу, не оставляя никакого зазора. В действительности такого никогда не бывает, и на то должна быть какая-то причина, но она неизвестна.

Итак, все тела пористые, ноздреватые; но они могли бы не быть таковыми, по крайней мере, это не следует из нашего способа их сознать; их протяженность, напротив, абсолютно необходима и предполагается самим нашим отношением к ним, потому что мы узнаем о них только посредством движения. Из протяженности с такой же необходимостью следует их непроницаемость; именно благодаря ей одно тело сопротивляется движению другого, что и образует инерцию, а это другое тело сообщает свое движение первому, что и образует импульс. Вот соотношение главных свойств, которые мы обнаруживаем в телах сразу же, с первого момента, когда с необходимостью приходим к суждению, что они существуют. В следующей главе я объясню, как мы оцениваем и измеряем одни воздействия этих свойств на чувственность с помощью других; это объяснение предоставит новые подтверждения того, что мы на верном пути и уже понимаем, чем являются для нас тела и их свойства.

Обратите внимание, что сказанное мною об инертности материи вовсе не означает, что она по природе своей пассивна, что для приведения ее в движение нужен некий посторонний, внешний принцип, или хотя бы что она имеет скорее тенденцию к покою, чем к движению. Я нахожу, напротив, что факты побуждают сделать противоположный вывод; ведь, если даже не брать в расчет одушевленные существа, как достаточное доказательство того, что активность присуща материи и соответствует ее природе, и что в органи-

5

10

15

20

25

30

35

40

ческой жизни только проявляется этот общий принцип активности, то все равно невозможно отрицать, что притяжение, т. е. тенденция к движению, существует постоянно во всех частицах материи. Под термином «притяжение» я здесь понимаю не только силу гравитации, благодаря которой все небесные тела тяготеют друг к другу, а все земные тела тяготеют к центру земного шара, но также все те притяжения мельчайших частиц, которые создают химические соединения, явления адгезии и когезии и т. д. Все эти силы всегда деятельны, и те феномены, которые они порождают, показывают, что в природе нет ни абсолютного покоя, ни даже покоя относительного, т. е. такого состояния, когда противодействующие силы уравновешивали бы друг друга. Отсюда я заключаю, что не покой, но движение есть естественное состояние материи; и если бы я не опасался слишком резко отвергать устоявшиеся представления, то именно активность поставил бы во главе всех свойств тел, и рассматривал их подвижность как следствие этой присущей им самим активности. Но, в конце концов, нам важно не классифицировать эти свойства; что действительно существенно, так это научиться видеть их проявления, а в данном случае — не образовать ошибочного представления об инерции, которая состоит лишь в том, что, когда тело получает движение, то другое тело, которое ему это движение придает, теряет точно такое же количество движения, какое оно ему сообщает. Перейдем к следующему наблюдению.

Продолжительность есть еще одно свойство, общее всему, что существует, т. е. всему, что чувствует или воспринимается чувствами. В отличие от всех других свойств тел, оно было бы присуще даже телам, не имеющим протяженности, если бы таковые существовали или если бы мы могли их вообразить. По этой причине нам не требуется знать ничего, кроме самих себя, чтобы наша соб-

ственная чувственность дала нам идею продолжительности, или длительности: достаточно одного нашего существования. Я получаю некое впечатление; из того, что я могу вынести суждение, что я его уже воспринял, непосредственно следует, что я существую в настоящий момент, существовал в момент восприятия этого впечатления и продолжал существовать в интервале между этими двумя моментами. Все это заключается в самом акте осознания полученного впечатления. Теперь у меня есть идея продолжительности, представляющая собой не что иное как идею последовательности впечатлений. Когда я узнаю о существовании вещей, отличных от меня, воспринимаю некий объект и убеждаюсь, что это в точности то же самое, что я уже видел, то тем самым применяю к нему эту идею: здесь нет никаких затруднений. Но если я приобрел таким образом идею продолжительности, это не значит, что вместе с ней получил и возможность продолжительность измерять; ведь последовательность моих впечатлений не является ни достаточно однородной, ни достаточно неизменной, чтобы служить мне мерой. С другой стороны, у меня нет никакого способа установить пределы продолжительности каждого впечатления. У меня нет, таким образом, идеи *времени*, которое есть не что иное как измеримая продолжительность*. Мы сейчас увидим, как мы к ней приходим, и рассмотрим, как измеряются ощущаемые нами воздействия свойств тел. Начнем с протяженности.

* Это определение времени, которое меня полностью удовлетворяет, принадлежит Локку. См. «Опыт о человеческом разуме», кн. II, гл. 14.

Глава X

Продолжение. Об измерении свойств тел

Как мы уже сказали, свойство быть протяженным состоит в том, что мы можем непрерывно прикасаться к телу движущейся рукой; тело является протяженным лишь постольку, поскольку имеет такие части, что нужно определенное количество движения, чтобы перейти от одной к другой. Но как мы оцениваем его протяженность, как измеряем ее количество? Способом простым и непосредственным: мы сравниваем ее количество с некоторым фиксированным и определенным количеством, которое мы принимаем за второй термин сравнения, т. е. за единицу; таковы фут, метр и им подобные единицы измерения, как и все единицы измерения поверхности, а также объема, или емкости, которые являются производными от них. Ведь то, что мы называем измерением длины, поверхности или объема тела, есть не что иное как выяснение количества метров или частей метра, линейных, квадратных или кубических, которые содержит данное тело; и первый элемент всех этих измерений — фиксированное количество протяженности в длину, такое как фут или метр. Ибо что такое для нас фут или метр? Это постоянная репрезентация количества движения, которое наша рука должна была совершить, чтобы переместиться от одного края эталона метра, от той точки, где она начала испытывать его сопротивление, до другого края, где она перестала испытывать это сопротивление. Итак, сделаем вывод, что мы измеряем протяженность посредством самой

же протяженности; но не забудем, что единица всех этих измерений задана нам движением, и есть не что иное как постоянная и устойчивая репрезентация некоторого определенного количества движения. Перейдем к продолжительности.

Продолжительность, как мы уже сказали, есть общее свойство всего, что чувствует или может быть воспринято чувствами, свойство всего сущего, независимое даже от протяженности. Теперь следует разобраться, как мы ее измеряем. Несомненно, что мы измеряем продолжительность продолжительностью; ведь измерять что бы то ни было означает сравнивать с некоторым определенным количеством того же самого, принятым за второй термин сравнения, за единицу измерения. Так что измерять, оценивать длину, вес, стоимость — значит выяснять, сколько они содержат метров, граммов, франков, одним словом, единиц того же рода, что и измеряемое; и невозможно оценивать ни расстояние в граммах, ни вес во франках, ни говорить, что нечто стоит больше или меньше такого-то веса или расстояния, и наоборот; измерять продолжительность, таким образом, означает оценивать ее в каких-то единицах продолжительности. Но мы уже отмечали, что свойство вещей, называемое продолжительностью, в отличие от свойства, называемого протяженностью, само по себе не дает никакого средства поделить его на части сколько-нибудь точным и устойчивым образом. Эти части преходящи, они исчезают, не сосуществуя, но сменяя друг друга, и их границы ничем не обозначены; нет, следовательно, ничего, что было бы определено с достаточной точностью, чтобы служить единицей измерения. Что же нам тогда делать, чтобы перейти от продолжительности ко времени, т. е. к определенным количествам продолжительности, правильно размеченной и измеренной? Следует обратиться к движению; оно, и только оно позволяет воспринимать внутренние членения длительно-

5

10

15

20

25

30

35

40

сти: ибо, учтите это и запомните, время всегда
размечено посредством выполняемых движений;
его делимость была бы спорной, составные части
неопределенны, а измерение невозможно, не будь
5 оно увязано с движением некоторых небесных
тел и некоторых механических устройств. Итак,
мы измеряем продолжительность, как и все ос-
тальное, посредством нее самой; но измеримой ее
делает движение.

10 Теперь остается понять, как движение, кото-
рое само по себе столь же мимолетно, столь же
преходяще, столь же мало поддается строгому,
обоснованному и устойчивому делению на со-
ставные части, как и сама длительность, может,
15 тем не менее, стать основанием и средством для ее
точного измерения; ведь движение, несомненно,
как и все другие вещи, измеримо не иначе как пос-
редством самого себя, и если в нем самом трудно
выделить определенные и неизменные элементы,
20 то как оно может служить масштабом и термином
сравнения для оценки количества некоторой дру-
гой вещи? Движение совершается в пространстве,
но в движении мы пространство пересекаем, пре-
одолеваем; движение, или изменение простран-
25 ственного положения, и есть репрезентация дли-
тельности. Действительно, как мы узнаем, что
прошли день, час, минута, секунда? Мы узнаем об
этом, потому что солнце, или стрелка часов, или
гиря маятника, прошли некоторое расстояние;
30 потому что вода в клепсидре или песок в песочных
часах перешли из одного объема, одной ограни-
ченной части пространства в другую. Итак, при
посредстве движения определенные порции дли-
тельности обнаруживаются для нас как соответ-
35 ствующие им порции пространства; таким обра-
зом, мы получаем поистине бесценную возмож-
ность разделять и измерять длительность столь
же строго и точно, как и саму протяженность.

Но, возразите вы, даже если именно произве-
40 денное движение дает нам возможность воспри-

нять количество истекшей длительности, и именно преодоленная в этом движении протяженность есть мера произведенного движения, этого еще недостаточно, чтобы протяженность стала фиксированной мерой длительности. Для этого требовалось бы, чтобы одинаковому количеству преодоленной протяженности всегда соответствовало одинаковое количество прошедшей длительности; а чтобы это было так, мы должны были бы при измерении времени принимать в расчет лишь движение с известной и постоянной скоростью.

Я отвечаю, что это именно то, что вы делаете, сами того не замечая. Присмотритесь, и вы поймете, что в действительности при измерении времени единицей является день: все более длинные периоды составлены из некоторого количества этих единиц, все более короткие суть ее доли; и все они, за исключением дня, более или менее абстрактны, условны и изменяемы по нашему желанию. В году бывает больше или меньше дней, в зависимости от того, предпочитаем мы ориентироваться на солнце или луну, и только день невозможно ни увеличить, ни сократить, поскольку его продолжительность определена самой природой вещей и не зависит от наших конвенций; ибо, строго говоря, что такое день? Это время от восхода до заката, но не в тех краях, где это время изменяется, где восход и закат бывают раньше или позже, а в странах, где этот интервал всегда одинаков; это время, за которое Земля поворачивается вокруг своей оси; это, следовательно, время, за которое произвольная точка экватора преодолевает одно и то же расстояние, равное половине окружности земного шара. Итак, вот длительность, движение и протяженность, которые всегда одинаковы, и которые всегда точно соотносятся между собой; вот истинная единица, которая может служить и действительно служит термином сравнения при измерении этих трех видов количеств. Остается

только рассмотреть, как мы используем ее, чтобы оценивать количества каждого вида⁴⁷.

Для протяженности это не составляет никакого труда, как мы уже видели. Это свойство тел уникально среди других, оно имеет то ценное преимущество, что пригодно для деления наиболее удобного, неизменного, точного, отчетливого, бесспорного, одним словом, безошибочного: нет ничего легче, чем его измерять; для этого просто берут некоторую фиксированную протяженность и непосредственно соотносят с ней любые другие количества протяженности. Разумно взять за единицу некую определенную часть окружности земного шара, что позволит всегда восстановить эталон, если он вдруг будет утрачен, но и чисто конвенциональные единицы протяженности вполне могут служить для ее измерения.

Что касается длительности, то, как мы уже говорили, для ее измерения нужен посредник, движение, которое соотносит части длительности с частями протяженности, причем, хотя используются для этого всевозможные виды движения, движение Земли вокруг оси берется за основу: час, век, минута суть не что иное как расстояния, пройденные точкой экватора при суточном обращении Земли. Разнообразные движения более или менее сложных механических устройств для измерения времени не должны порождать у вас иллюзий; протяженность, которая в них преодолевается, зависит от их конструкции, но неважно, больше она или меньше, потому что она не служит непосредственно мерой, а только соотносит движение этих устройств с тем движением, которое установлено в качестве общей меры всякой длительности, движением Земли вокруг своей оси. Именно поэтому час одинаково хорошо представляется и измеряется посредством и такой стрелки, которая за это время делает полный оборот вокруг циферблата, и такой, которая за то же время проходит его двенадцатую часть, и такой, кото-

рая пробегает его шестьдесят раз: ведь что такое час? Это одна двадцать четвертая часть времени обращения Земли, одна двадцать четвертая часть ее окружности, пройденной точками ее поверхности; и любое движение, которое выполняется двадцать четыре раза в течение суток, отмечает в точности один час, какое бы расстояние ни было при этом преодолено. Не имеет значения, какого размера циферблат моих часов; важно лишь, чтобы каждый раз, когда стрелка совершает полный круг, Земля делала одну двадцать четвертую оборота вокруг оси, точка на экваторе преодолевала столько-то миллионов метров. Итак, мы видим, что длительность измеряется движением, которое делает ее воспринимаемой и определенной, поскольку соотносит с неизменным количеством пространства столь же неизменное время, которое и служит термином сравнения для всякой иной длительности. Отсюда уже становится понятным, как мы измеряем само движение, несмотря на его бесчисленные вариации. Это нам и остается рассмотреть.

Подвижность есть свойство объектов, которое существенно отличается от длительности в том отношении, что из всех возможных объектов этим свойством могут обладать лишь те, которые мы называем телами, т. е. имеющие протяженность; сущности, не имеющие протяженности, насколько возможно таковые представить, не занимали бы места в пространстве и, следовательно, не могли бы изменить свое местоположение.

Движение есть проявление этого свойства, называемого подвижностью, это эффект, подобный цвету или вкусу; заметьте, что я не говорю: «подобный притяжению*, инерции, импульсу», ведь из этих трех свойств два первых образуют тенден-

* Под этим общим термином я подразумеваю не только гравитацию небесных тел и наличие веса у тел земных, но также все случаи притяжения частиц и химического сродства, одним словом, любое стремление какого-либо тела к другому телу.

цию к устойчивости или движению, а третье не что иное как их взаимодействие; таким образом, они зависят от движения, и их интенсивность оценивается только при посредстве движения, которое они производят или испытывают; таким образом, они будут предметом последующего рассмотрения. Но сейчас нас занимает само по себе движение. Как оно измеряется — вот вопрос, который нам следует разрешить.

Сразу заметно, что действие тел, именуемое движением, представимо посредством протяженности; ведь поскольку свойство быть протяженным есть для нас лишь свойство быть преодолеваемым посредством движения, части протяженности точно соответствуют частям движения, произведенного для ее преодоления. Стало быть, количество преодоленной протяженности строго устанавливает количество проделанного движения.

Я утверждаю, что протяженность вполне определяет и хорошо представляет любые совершенные движения, но не утверждаю, что она измеряет движение; ведь никогда не следует забывать, что измерять значит соотносить одно количество чего-либо с другим, известным и определенным количеством того же самого, каковое заранее известное количество и служит термином сравнения, или мерой. Движение не является исключением; его так же невозможно измерить непосредственно протяженностью или длительностью, как и стоимостью или весом. Измерение движения, оценка его интенсивности, не является и не может быть ничем иным, чем соотношением его с другим движением, энергия которого известна; и это то действие, которое называется определением скорости движения.

Математики говорят, однако, что скорость движения есть отношение между преодоленным расстоянием и потраченным на это временем: но их следовало бы попросить объяснить, какое от-

ношение они могут обнаружить между двумя вещами столь различной природы и, следовательно, столь несопоставимыми между собой, как протяженность и длительность, и каким образом получается, что это отношение оказывается точным выражением меры некоторой третьей вещи, полностью отличной от двух первых. Они утверждают, что обнаруживают выражение этой скорости, деля пространство на время; но я спросил бы их, как они собираются делить одно на другое два конкретных количества разных видов и считать их частное количеством третьего вида; ведь они прекрасно знают, что конкретное количество чего-либо можно разделить только двумя способами: либо на количество того же вида, что даст в частном абстрактное число, выражающее, сколько раз делитель содержится в делимом, либо на абстрактное число, в каковом случае частное будет конкретным количеством того же вида, что и делимое, содержащимся в делимом столько же раз, сколько делитель содержит единиц; они знают также, что протяженность не может содержать длительности, и что число, выражающее отношение столь необычное, не может быть количеством движения. Я не слышал, чтобы кто-то из них разрешил это затруднение, которое, однако, не могло быть ими не замеченным. Но мы легко сможем добавить кое-что к их молчанию, используя те выводы, которые мы уже сделали относительно протяженности и длительности.

Действительно, мы видели, с одной стороны, что то время, которое служит общей мерой всякой длительности и по отношению к коему все возможные периоды времени суть лишь множества или подмножества, есть время суточного обращения Земли вокруг своей оси, и что границы и внутренние подразделения этого времени, именуемого днем, становятся ощутимы не иначе как посредством движения, которое совершает произвольная точка экватора в течение этого

времени; с другой стороны, что всякое движение представлено преодоленным расстоянием. Соотносить посредством движения пройденное расстояние с длительностью, потраченной на его преодоление, значит сравнивать это движение с известным движением точки экватора в ходе суточного обращения Земли: это и есть истинная мера движения, ведь измерять количество чего бы то ни было всегда значит сравнивать его с известным количеством того же самого, которое служит общей мерой. Вот почему не ошибаются, когда узнают скорость движения, деля расстояние на время (этот ложный оборот речи также выражают символами: V), несмотря на то, что это очень плохой способ выражения и обозначения, который, по видимости сокращая путь мысли, на деле запутывает и скрывает основное в ней.

Хотите ли вы получить доказательство, что эта формула действительно имеет тот смысл, который я ей придаю, хотя он и не заметен в ней сразу же? Применим ее к частному случаю: предположим, при движении преодолевается десять тысяч метров за шесть часов; попытавшись выразить скорость этого движения как отношение расстояния ко времени, вы получите дробь $\frac{10\,000 \text{ метров}}{6 \text{ часов}}$, которая не означает абсолютно ничего; или, выполнив это деление, вы имеете число 1666,66, которое не является ни количеством метров, ни количеством часов, ни количеством движения, которое выражало бы только, сколько раз эти часы содержатся в этих метрах, если бы часы вообще могли содержаться в метрах. Поскольку же это невозможно, оно ровным счетом ничего не значит; вы ничего не можете заключить из него, кроме того, что это движение вдвое более быстрое, чем такое, при котором те же десять тысяч метров преодолевались бы за двенадцать часов и которое выражается дробью $\frac{10\,000 \text{ метров}}{12 \text{ часов}}$, или числом 833,33. Итак, при таком способе действий вы получите лишь соотношение этих двух движений; но вы никогда не буде-

те иметь выражения для оценки ни одного, ни другого из них, сколько бы вам ни говорили, что, деля расстояние на время, находят скорость движения.

Напротив, вместо оценки времени в часах, выразите его расстоянием, которое преодолела за такое же время точка земного экватора, тогда вы получите два отношения: $\frac{10\,000\text{ метров}}{10\,000\,000\text{ метров}}$ в первом случае и $\frac{10\,000\text{ метров}}{10\,000\,000\text{ метров}}$ во втором^{*48}; выполнив эти деления, вы найдете два абстрактных числа, 0,001 и 0,0005, которые вам дают не только представление о соотношении между скоростями этих двух движений, но также и действительное значение каждой из скоростей: первая равна одной тысячной, вторая — пяти десятитысячным скорости движения точки экватора, каковая скорость является общей мерой, или единицей измерения^{**}.

* Мне известно, что знаменатели этих двух дробей не точно соответствуют длине экватора, а предполагают ее равной длине меридиана, что не совсем верно; я не учитывал этого различия, потому что оно не имеет никакого значения для моего рассуждения, и я предпочитал брать круглые числа.

** Едва ли возможно опровергнуть это объяснение того, что в действительности имеется в виду, когда говорят, что делением пространства на время находят скорость; но, быть может, попробуют возразить, что здесь действуют так же, как и в том случае, когда находят плотность тела делением его веса на его объем. Я отвечу, что этот второй пример лишь подтверждает мое мнение. Действительно, в этом случае предполагается, что вес одинаково распределен во всех частях данного тела и пропорционален числу составляющих его материальных частиц. Рассматривая объем как абстрактное число, делят на него вес тела, и находят, сколько весит то количество его вещества, которое содержится в объеме, принятом за единицу; соответственно, тело будет вдвое или втрое плотнее другого тела, которое весит вдвое или второе меньше при том же объеме. Таким образом, у нас имеется соотношение плотности двух тел, но нет настоящей меры плотности для каждого из них. Для этого нужно было бы иметь абсолютно плотное тело, знать его вес при данном объеме и, взяв этот вес за единицу, соотнести с весом двух других тел такого же объема, точно так же, как мы соотносим различные движения с движением точки экватора, думая, что соотносим их с некоторым количеством длительности. То же самое мы обнаружим во всех аналогичных примерах, поскольку общей и непреложной истиной является, что нельзя измерять какое-либо количество иначе как с помощью другого количества той же природы, взятого за единицу.

Я не буду утверждать, что для практических целей этот способ был бы столь же удобен, как и общеупотребительный; но я специально показал в деталях, каков подлинный смысл используемого
 5 обычно способа, чтобы окончательно доказать мой тезис, что по-настоящему оценить движение можно лишь сравнивая его с некоторым другим движением, скорость которого известна, и что именно это и делают, когда соотносят пройденное
 10 расстояние и затраченное на это время; ведь в действительности это значит сравнивать данное движение с движением обращения Земли, и именно данное движение есть общая мера всех других движений, или единица движения, подобно тому
 15 как время обращения, день, есть единица длительности.

Из всего вышесказанного заключим, что только посредством ощущения мы узнаем о движении; что движение, в свою очередь, заставляет нас узнать также протяженность; что протяженность
 20 измеряется ею самой, непосредственно, с исключительным удобством, в силу очевидности и неизменности ее строения; что протяженность представляет проделанное движение, т. к. это свойство тел и состоит лишь в том, что они могут быть
 25 обойдены посредством движения; что, вследствие этого обстоятельства, движение делает измеримой длительность и соотносит ее членения с членениями пространства; что по той же самой причине и само движение делается измеримым; но
 30 что когда предполагают соотносить пройденное расстояние с затраченным временем, в действительности соотносят его с расстоянием, пройденным при движении, взятом за единицу измерения;
 35 что единица протяженности может быть выбрана произвольно, хотя было бы очень удобно и полезно, чтобы она являлась известной частью окружности земного шара; но что единица времени с необходимостью есть время суточного обращения
 40 Земли, и единица движения с необходимостью

есть движение точки экватора за время этого обращения.

Заклучим, наконец, что, если мы разобрались в искусстве измерять данные ощущению эффекты этих трех свойств тел, протяженности, длительности и подвижности, то для этого нужно было, чтобы мы правильно понимали, чем они для нас являются и как мы их обнаруживаем.

Молодые люди, вы, для кого я пишу! Вы находите, быть может, что получили довольно скучный для столь долгого обсуждения результат, и что не было необходимости в столь громоздком аппарате, чтобы установить несколько столь простых истин, основанных на фактах столь очевидных и общеизвестных: однако, если бы вы знали, сколько заблуждений накоплено по поводу понятий пространства, времени, движения, существования, по поводу их качеств, и сколько лучших умов и величайших философов представляли самые нелепые рассуждения и предлагали абсурдные гипотезы относительно подобных предметов, вы бы прониклись другим отношением к возможностям, которые перед нами открываются, и живо ощутили, какой свет проливает на эти первоосновы всех наук правильно выполненный анализ наших умственных способностей, если даже простой его эскиз, едва намеченный контур, который я попытался изобразить в этой книге, разрешает столько трудностей и освещает столько темных мест.

Кроме того, из небольшого количества истин, которые мы сумели установить, можно вывести множество ценных следствий.

Первое из них, и чрезвычайно важное для практики, то, что было бы весьма полезно и удобно за меры протяженности принять единичные, в системе десятичных дробей, доли длины экватора, а для измерения времени его исходную единицу, день, точно так же разделить в десятичной системе исчисления. Тогда эти три вида коли-

5

10

15

20

25

30

35

40

5 честв, количества протяженности, длительности
 и движения, столь различные, но и столь тес-
 но связанные между собой, всегда выражались
 бы числами, кратными десяти и, следовательно,
 10 кратными друг другу, и все их сравнения, которые
 постоянно приходится выполнять, свелись бы,
 главным образом, к добавлению и сокращению
 нулей; к тому же подобные простые вычисления
 постоянно напоминали бы нам истинную приро-
 ду этих количеств и взаимных отношений между
 ними, которую мы только что выяснили.

Но другой предмет этих размышлений еще бо-
 лее важен: это та восхитительная особенность
 протяженности, что она делима на части столь
 15 точные, отчетливые, устойчивые, определенные,
 что лучшего нельзя и желать. Поэтому столь точ-
 ны и те науки, которые говорят о протяженности
 и ее свойствах, ведь с самого начала они могут ее
 измерять с полной уверенностью и предельной
 20 достоверностью, и это совершенство меры приво-
 дит к тому, что протяженность можно представ-
 лять себе без всяких сомнений и неясностей,
 вплоть до мельчайших деталей. Подобный же эф-
 фект мы наблюдаем в искусстве картографии и
 25 всех видах рисунка. Протяженность есть един-
 ственное свойство тел, относительно выражения
 которого возможны соглашения еще более точ-
 ные и подробные, чем даже сама реальность.

Из совершенства измерений протяженности
 30 возникает также возможность строго и беспор-
 но описать и все ее частные случаи: соотношения
 и свойства углов, фигур и линий, которые их об-
 разуют и ограничивают, что составляет предмет
 чистой геометрии. Она, единственная из наук, об-
 35 ладает абсолютной достоверностью; все другие
 науки достоверны в той мере, в какой они могут
 свести изучаемые ими предметы к их простран-
 ственным аспектам.

Поэтому и движение, будучи, как мы видели,
 40 представимо через протяженность во всем, что

касается его силы, его направления, законов его сообщения телам, сложения движений и т. д., тоже хорошо поддается доказательному изучению, и наука, которая им занимается, делает это с геометрической достоверностью.

По той же причине мы знаем и безошибочно измеряем длительность; и все то, что в телах и их свойствах может оцениваться через длительность, движение и протяженность, то и является в них измеримым и доказуемым, в то время как все несводимое к этим качествам всегда так или иначе смутно и сомнительно из-за отсутствия точной меры.

Относительно любой вещи мы можем определить с уверенностью ее возраст, т. е. количество ее длительности; ее форму и местоположение, характеризующие ее протяженность, и ее объем, т. е. количество этой протяженности; ее вес, т. е. тенденцию к движению; ее относительную плотность, т. е. отношение веса к объему, и т. п. Для всего этого у нас есть точные меры, которые все, как выясняется в последующем анализе, восходят к протяженности, и любые выводы, которые мы сделаем относительно увеличения, уменьшения или комбинаций этих свойств, будут весьма определенными, потому что они опираются на прочные основания; это не так для других свойств тел, таких как цвет, запах, красота, полезность и множества подобных; как определить их количественно и с точностью? Это невозможно; итак, всегда имеется некоторая неопределенность относительно них самих и их взаимных отношений, и все наши рассуждения на сей счет всегда будут требовать большой осмотрительности, их достоверность всегда будет иметь определенные границы, а различие мнений в этом случае неискоренимо.

Возьмем в качестве примера свет. Его скорость, его направление, его преломления, его отражения, рассеивание и интерференция его лучей, все это может быть строго измерено; можно с

5

10

15

20

25

30

35

40

уверенностью предсказать те точки, в которых
лучи должны встретиться, эффекты, которые это
должно произвести, размер и положение их про-
екций на плоскости и т. д.; но нельзя так же стро-
го описать цветовые отношения между ними.
5 Вполне можно говорить, что один ярче другого,
что объединение синего и желтого дает зеленый,
но как оценить их нюансы? Как установить точно
количество синего и количество желтого, необхо-
димое, чтобы получить зеленый? Мера для цвета
10 отсутствует, и налицо неопределенность.

То же самое со звуком; скорость его распро-
странения, его направление, отражение, диспер-
сия, резонанс и, наконец, сила звука, служащая
15 результатом этих процессов, определяются легко
и с полной определенностью, потому что зависят
от свойств пространства; но отношения гармо-
нии, отношения звуков между собой мы могли бы
оценить не более точно, чем отношения цветов,
20 если бы не открыли, что они пропорциональны
длинам струн, вибрации которых их создают, и
длительности этих вибраций. Благодаря этому мы
возвращаемся к мерам протяженности и, таким
образом, к возможности строгого исчисления.

То же самое замечается и во всех разделах
25 физики. Всякий раз, когда мы можем взвесить или
измерить, оценить в мерах веса или объема некую
вещь или некое действие, мы имеем точное выра-
жение их количеств, потому что они относятся к
30 протяженности; когда мы не можем сделать это
непосредственно, мы приходим к этому результа-
ту, если, посредством какого-нибудь приема, до-
бываемся их проявления через некие движения в
пространстве. Так, мы оцениваем электрический
35 заряд тела с помощью делений электрометра, его
температуру с помощью делений термометра или
пирометра, его влажность с помощью делений
гигрометра. Действительно, отдельные порции
движений этих механизмов сравнимы между со-
бой, и при этих измерениях нет места неуверен-

ности; единственная неопределенность, которая у нас остается, связана с тем, как убедиться, что эти порции движений вполне пропорциональны количествам измеряемых материй: электричества, калорий, воды. Возьмем другой пример, который 5
сделает это еще более ясным.

Действие лекарства проявляется не иначе как посредством движений, выполняемых живым существом, принявшим его, но нет никакой меры, чтобы точно оценить его лечебное действие или его отношение к действию другого лекарства. Мы, 10
однако, располагаем приблизительным соотношением, масштабом для расчета объема или веса каждого из них, необходимого, чтобы произвести одно и то же действие; и эта мера была бы вполне 15
удовлетворительна, если бы действия очищающие, благотворные или вредные были постоянно пропорциональны этим связанным с протяженностью количествам, с которыми их сравнивают; тогда было бы как с ценами различных товаров, 20
которые сами по себе не могут быть измерены точно, но, будучи сведены к весу одного и того же металла, определяются с максимальной строгостью.

Так же обстоит дело с предметами, о которых 25
трактуют моральные и политические науки. Мы не имеем никаких точных мер для непосредственной оценки степени интенсивности чувств и склонностей людей, их добродетели или их испорченности, степени полезности или опасности их поступков, 30
связности или непоследовательности их мнений: поэтому исследования в этих науках столь затруднены, а их результаты далеки от точности и строгости. Однако мнения, поступки, чувства людей сопровождаются множеством эффектов, по- 35
добных только что упомянутым ценам на товары, которые поддаются вполне точной оценке, и наличие точной меры для этих вторичных эффектов позволяет оценить также и их причины. С другой стороны, во всех тех случаях, когда не могут при- 40

ти к такой оценке, точность которой не оставляла бы желать лучшего, и когда, вследствие этого, остается более или менее обширная область неопределенного, все же имеются некие границы, в пределах которых можно быть в чем-то уверенным, и вне которых неизбежны заблуждения. Так, например, бывает невозможно определить, сколько индивидуальных или общественных усилий потребуется для достижения того-то или того-то, но невозможно ошибиться в том, что одно приведет к результатам абсолютно неприемлемым, а другое к результатам вполне удовлетворительным; и этого достаточно, чтобы нельзя было говорить, что моральные и политические науки совершенно лишены определенности: утверждающий это демонстрирует лишь собственное невежество. Наконец, не поднимая вопроса о степени точности различных наук, одного из множества тех, для решения которых мы не имеем точных мер, мы видим в общем, что все эти науки более или менее точны пропорционально тому, насколько объекты, которыми они занимаются, сводимы к количествам, оцениваемым в точных мерах, и что среди всех видов количеств протяженность отвечает этому требованию в наивысшей степени*⁴⁹.

* Прошу вас заметить еще, что возможность производить вычисления в отдельных науках зависит от свойств объектов, изучаемых этими науками: она пропорциональна тому, насколько их объекты могут быть количественно оценены в точных мерах. Ведь для того, чтобы рассчитать какой-нибудь эффект, нужно его выразить в числах, а чтобы иметь возможность его выразить в числах, нужно, чтобы он был сравним с какой-либо фиксированной единицей измерения, и чтобы различные степени этого эффекта были вполне определенными. В противном случае все числа, которые к нему применяются, не будут означать решительно ничего, и для количественной оценки придется пользоваться словами «более», «менее», «мало», «много» и другими количественными наречиями, значение которых достаточно неопределенно. Нарушение этого правила часто раздражает при разговоре с людьми, которые не привыкли выражать свои мысли точно: они вам говорят, что такой-то человек в сто раз талантливее другого, и это значит лишь, что он намного талантливее; а секундой позже вы

Я прочел недавно в трактате о метафизике, ценном во многих отношениях, следующую необычную фразу: «Осязание, это геометрически

услышите от них, что один путь намного длиннее другого, когда следовало бы сказать, что он вдвое, втрое или вчетверо длиннее.

Мне скажут, что и в самих абстрактных числах единица не определена; это верно, и потому абстрактные числа не обладают никаким определенным значением, имеется только отношение каждого из них к числу «один», установленное самым точным и неизменным способом. Этого достаточно, чтобы производить расчеты, т. е. сравнивать числа между собой: ибо любые действия, которые производят над абстрактными числами, суть не что иное как их сравнение по неким правилам. Числа принимают определенное значение лишь тогда, когда его придают числу «один»; но чтобы их таким образом приспособить к какому-либо применению, нужно, чтобы части, ими обозначаемые, столь же отчетливо различались между собой, как и сами числа.

Итак, мы должны повторить, что пределы применимости расчетов в каждой науке заданы тем, насколько ее объекты поддаются точному измерению; вот почему геометрия более всех пользуется этим преимуществом, а другие науки — лишь в той мере, в какой предметы, которыми они занимаются, сводимы к измерениям протяженности.

Это замечание показывает, сколь велика ошибка некоторых авторов, надеющихся придать больший вес своим рассуждениям и большую точность и определенность какой-либо науке, вводя множество цифр и расчетов в рассмотрение таких предметов, которые строгому измерению не поддаются. Если бы они сперва открыли секрет приведения своего предмета к точным мерам, к протяженности, то, без сомнения, сделали бы громадный шаг вперед; но без этого всякое обращение к математическому аппарату бесполезно и представляет собой чистейшее шарлатанство.

Пример совсем иного рода, но также подтверждающий мои слова, мы находим в тех усилиях, которые прилагают великие химики нашего времени, чтобы выразить в числах силу сродства определенных кислот с определенными основаниями, что позволило бы прояснить ход их реакций. Они со всей тщательностью подбирали числа, которыми можно было бы охарактеризовать эту силу для различных кислот, чтобы числа, представляющие более сильные сродства, всегда превосходили числа, представляющие сродства более слабые. С помощью пробных проверок они доказали, что эти числа, приписанные различным кислотам, неплохо представляют, по меньшей мере во многих случаях, силу сродства кислот. Сделав же это, но не преуспев в отыскании точных мер для степеней этой силы, они все равно не могли пользоваться найденными числами для дальнейших вычислений; будучи людьми просвещенными, они и не стали этого делать, понимая, что само по себе использование цифр вовсе не придает большую

достоверное чувство...». Очевидно, автор хотел сказать, что осязание есть то чувство, которое дает нам наиболее точные меры для свойств вещей и самые определенные соотношения между ними; но следовало бы добавить, что это верно только когда осязание используется для познания протяженности, ведь ощущениями укола, ожога, холода, тепла, трения, щекотки и многими другими мы также обязаны осязанию, а точно оценить их интенсивность и установить между ними определенные соотношения ничуть не легче, чем в случае восприятия цветов, запахов, вкусов, которыми снабжают нас другие чувства. Этому философу следовало бы данное обстоятельство отметить, хотя, в сущности, понятно само собой, что не осязание есть геометрически достоверное чувство, но достоверна протяженность, качество в высшей степени метрическое, т. е. измеримое: это сделало бы смысл данной фразы более ясным и более со-
 5
 10
 15
 20
 25

держательным. Я бы заметил по этому случаю, что если бы слова создавались как следует, наука о протяженности называлась бы не *геометрией*, что предполагает измерение земли, межевание, но *космометрией*, т. к. она служит для измерения всего в мире, или, еще лучше, просто *метрией*, т. к. среди всех наук она пользуется бесценным преимуществом владеть совершенными мерами и снабжать ими остальные науки.

30 Я так настаивал на этом свойстве протяженности, потому что оно недостаточно отмечалось до сих пор; еще не показано с достаточной ясностью, в чем оно состоит; никто не указал причину различий в степени достоверности наук — обыкновенно склонны связывать эти различия с проис-

достоверность их великолепным наблюдениям и большую убедительность их блестящим рассуждениям.

Любое количество, таким образом, исчислимо постольку, поскольку оно непосредственно или опосредованно сводимо к мерам протяженности, которая из всех свойств тел измерима наилучшим образом.

хождением отдельных наук, которое считается весьма различным, хотя мы увидим, когда будем заниматься логикой, что путь человеческого разума всегда одинаков во всех областях знания, а достоверность его суждений всегда имеет одну и ту же природу и зависит от одних и тех же причин. 5

Завершая это долгое отступление об измерении свойств тел, я вернусь к тому, что говорил о соединении этих свойств. Я думаю, что для того, чтобы их расположить в действительно методическом порядке, нужно поместить на первое место *подвижность*, не только потому что она источник всех воздействий, производимых телами друг на друга, и что в телах одушевленных она причина способности чувствовать и двигаться, но еще и потому, что все остальные свойства тел либо с необходимостью зависят от нее и без нее не имели бы места, либо состоят с ней в существенном отношении, поскольку они для нас познаваемы не иначе как посредством движения. 10 15 20

За ней мы поместим *инерцию* и *импульс*, которые не существовали бы без подвижности, и суть не что иное как ее характеристики.

За ними нужно назвать *притяжение*, которое также не имело бы места без подвижности, но не является ее необходимым следствием. Под общим именем притяжения я подразумеваю гравитацию небесных тел, земное притяжение и вес, а также силы, проявляющиеся в химических реакциях, эффекты адгезии, когезии и т. д.; эти внутренние силы, присутствующие в каждой частице тел, доказывают, что материя по природе своей активна, и, будь иначе, я не знаю, как была бы возможна подвижность, ибо не представляю, откуда еще могло бы брать начало всякое движение. 25 30 35

Далее следует *протяженность*, которая не является ни характеристикой, ни проявлением подвижности, но которая познается нами лишь благодаря подвижности, и не существует для нас иначе как в ее отношении к движению. 40

Из протяженности с необходимостью выводятся *делимость, форма, или фигура, и непроницаемость*, равно как и *пористость*, которая является ее общим, но не необходимым следствием.

5 Наконец, приходим к *длительности*, качеству, которое не зависит от подвижности и о котором нам дает представление только последовательность наших ощущений, но которое мы можем измерить посредством движения, причем
10 количество последнего само представлено протяженностью и выясняется благодаря ей; таким образом, протяженность, длительность и движение взаимно измеряют друг друга или, скорее, мера всех трех выражается с помощью протяженности.

15 Вот единство, которое я усматриваю между этими качествами, распознаваемыми нами в телах. Я уверен, что если бы физики, вместо того, чтобы полагать их почти независимыми друг от друга, как они всегда делают, занялись бы их
20 классификацией в систематическом порядке, они бы получили более отчетливые идеи о том, чем для нас являются тела; но для этого нужно было бы проследить, как мы сейчас делаем, происхождение наших знаний. Обучение любой науке
25 должно было бы в действительности начинаться с объяснения того, как мы познаем объекты, изучаемые ею, и исследование действий нашего ума есть естественное введение во все виды научных занятий. Мне скажут, быть может, что нет необ-
30 ходимости заходить столь далеко, чтобы дать точные понятия об отдельных явлениях; что ж, возможно. Однако, если бы я захотел указать на множество ошибок в физике, происходящих из ложных метафизических идей, мне не пришлось
35 бы долго искать примеры; даже в отношении геометрии я мог бы сказать, что если геометры неудовлетворены, и по большей части справедливо, определением прямой линии и доказательствами свойств параллельных прямых, что отчасти связа-
40 но с некоторыми из первейших аксиом геометрии,

то причина тому — отсутствие отчетливого понимания как природы протяженности, так и того, каким образом мы ее познаем. Придя к такому пониманию, они бы увидели, что все начинается с простейшей идеи физической линии, прочерченной на одном теле другим, движущимся от одной точки этого тела до другой, сохраняя направление либо изменяя его; и все элементарные утверждения относительно прямых, ломаных, кривых, параллельных и пересекающихся линий, углов и их измерения, сечений круговых и конических и т. д. связаны с этим самым тесным образом. Конечно, я не могу здесь вдаваться в эту тему в подробностях, чтобы ее развивать, нужен был бы отдельный небольшой трактат об основаниях геометрии, и это увело бы меня далеко от предмета этой книги; но я уверен, что люди, просвещенные и размышлявшие на эти темы, не будут возмущены тем, что уже сказано. С другой стороны, нет необходимости в детальных доказательствах того, что когда исходный пункт какого-либо исследования, каким бы он ни был, остается покрыт мраком, невозможно, чтобы результат не был неудовлетворителен в том или ином отношении; этим утверждением я и ограничусь, и его достаточно, чтобы обосновать необходимость изучения наших умственных способностей. Вернемся же к этой нашей главной теме, по отношению к которой все остальное лишь частные приложения, и начнем с того, что проверим, не ошиблись ли мы уже где-нибудь в проведенном анализе этих способностей. Для этого сравним его с тем, как проводили его наши предшественники, достижения которых наиболее убедительны и общепризнанны.

5

10

15

20

25

30

35

Глава XI

О различиях между вышесказанным и тем, как анализировал мышление Кондильяк

Мои юные друзья, чтобы уверенно продвигаться в каком-либо исследовании, нет ничего полезнее, чем время от времени бросить взгляд назад, оглядев уже пройденный путь; это как нельзя
5 более кстати сейчас, когда мы уже продвинулись даже больше, чем, быть может, вы сами замечаете.

Итак, после того как вам была дана общая идея способности мыслить, или чувствовать, и объяснена цель, с какой я предлагаю вам ее исследовать, я отметил, что способность эта состоит в восприятии ощущений, воспоминаний, отношений и желаний.
10

Вы видели, что этих первичных впечатлений достаточно, чтобы образовать все наши более сложные и более абстрактные идеи и убедиться в реальности нашего существования и существования всего, что нас окружает.
15

Я также объяснил, как эти элементарные способности рождаются одна из другой, или, скорее, что они суть не что иное как модификации одной уникальной способности, способности ощущать. Именно таким образом, я полагаю, нужно понимать принцип Кондильяка, согласно которому *все действия*, или, как он часто говорит, *все способности души суть только превращенное ощущение*; принцип глубокий и плодотворный, но до сих
20
25

пор вызывающий множество дискуссий, поскольку этот способ выражения, быть может, оставляет желать лучшего.

Я показал вам далее, в чем состоит все то, что мы знаем о свойствах тел, и полагаю, что способом, которым я их рассматриваю, очень легко объясняется происхождение и природа некоторых идей, которые всегда изрядно запутывали метафизиков, а если другие в них особенно и не запутывались, то лишь потому, что вовсе не беспокоились о понимании того, что они делают, когда думают и рассуждают; такое понимание, однако, необходимо, чтобы хорошо думать и хорошо рассуждать о каком бы то ни было предмете.

Как бы то ни было, из этого небольшого числа наблюдений следует, если мы не заблуждаемся, что у нас уже есть ясная идея универсального инструмента всех наших открытий, их следствий, их эффектов, их результатов, идея единого принципа всякого познания; это, быть может, достигнуто впервые, и это не может быть бесполезным для дальнейшего прогресса человеческого разума.

Само собой понятно, что мы далеки от намерения дать полное описание человеческого разума; потребовалось бы множество томов, чтобы исчерпать столь обширный предмет. Но, по крайней мере, мы выполнили точный анализ, и те немногие истины, которые мы получили, если я не ошибаюсь, свободны от всякой неясности, неопределенности и любых произвольных предположений, так что мы можем быть в них вполне уверены; а коль скоро достигнута определенность относительно происхождения наших идей, то и все, что мы скажем впоследствии о способе выражать эти идеи, их комбинировать, им обучать, управлять нашими чувствами и действиями и руководить чувствами и действиями других, будет ничем иным как следствиями этих первоначальных истин, построенных на устойчивых и неизменных основаниях, почерпнутых в самой природе наше-

5

10

15

20

25

30

35

40

го бытия. Ведь эти первоначала образуют то, что называется идеологией в собственном смысле слова; и все следствия, которые из них выводятся, суть предметы грамматики, логики, педагогики, морали частной и публичной (то есть искусства жить в обществе), воспитания, законодательства, которое есть не что иное как воспитание взрослых. Мы не сможем, таким образом, во всех этих науках впасть в заблуждение, если только не потеряем из виду те фундаментальные наблюдения, на которых они основываются.

Из этого резюме могло бы показаться, что нам нечего больше сказать об идеологии в собственном смысле слова: и действительно, если бы речь шла только о моем собственном понимании этих вещей, мне мало что оставалось бы добавить к уже сказанному. Я бы довольствовался тогда тем, что напомнил вам, что мой способ разлагать мысль удовлетворителен для объяснения всех тех явлений, которые подлежат объяснению в идеологии, и вы не можете более не признавать, что во всех наших идеях нет ничего, кроме ощущений, воспоминаний, суждений и желаний; и, после нескольких общих замечаний о соотношении между идеологией и психологией, я бы предложил вам перейти к изучению способов выражения идей.

Но вы могли заметить, что при изложении моей идеологической теории я занимался только теми фактами, на которых она основана, совершенно не вдаваясь в разбор систем других авторов, писавших об этом предмете, не позаботившись предварительно рассмотреть и обсудить их мнения. Итак, прежде чем идти дальше, хорошо бы, чтобы вы составили представление о тех из них, которые наиболее заслуживают доверия: впрочем, для этого будет достаточно изучить мнение Кондильяка, ибо оно служит основанием и всем другим, кои суть не более чем его варианты.

Вам известно, что этот философ, заслуженно знаменитый, может считаться основателем науки,

которую мы сейчас изучаем, и до настоящего времени удерживает ее скипетр*, хотя он и следовал за Локком, разделяя человеческое понимание на способность чувствовать, рассудок и волю; затем он признал неотъемлемыми частями рассудка 5 внимание, сравнение, суждение, рефлексию, воображение, рассуждение, к которым впоследствии присоединил память, а в последней различал 10 реминисценцию, собственно память и воображение (в этом случае слово «воображение» имеет иной смысл, чем в предыдущем); наконец, он выделял в воле потребность, неудовлетворенность, беспокойство, желание, страсть, надежду и собственно волю. Эту классификацию можно найти в его «Логике», часть первая, глава седьмая; во 15 вводных уроках «Курса наук», занятие второе; в «Опыте о происхождении человеческих знаний», часть первая, раздел второй; в «Трактате об ощущениях», часть первая, главы вторая и третья, и во многих других местах его сочинений; она, впрочем, не везде одинакова. 20

Вот сколько различных частей в том целом, которое мы называем мыслью. Ученики Кондильяка и он сам иногда добавляют к ним другие, иногда сокращают их список: эти вариации уже 25 выявляют то, что имеется спорного в его подразделениях, и то, что они не выведены очевидным образом из фактов; а чтобы окончательно удостовериться в этом, нам достаточно разобраться в точном значении всех приведенных терминов. 30

* До Кондильяка о действиях человеческого ума не было известно ничего, если не считать отдельных наблюдений, более или менее ошибочных; он первым их объединил и создал цельное учение, и это начиная с него идеология стала наукой. Он бы достиг еще большего, если бы, вместо того, чтобы рассеивать эти принципы по множеству произведений на разные темы, собрал их в одном трактате, который содержал бы всю его систему целиком; но, хотя преждевременная смерть помешала ему оказать эту важную услугу делу просвещения, он остается проводником, за которым следуют лучшие умы нашего времени, испытавшие на себе его могучее влияние.

Я вижу у Кондильяка, прежде всего, как бы параллелизм и почти противопоставление рассудка и воли. Мне вполне понятно, что выражается словом «воля»: это способность, благодаря которой мы имеем возможность ощущать желания, испытываем стремление к определенным способам быть и отвращение к другим: именно так и мы употребляем этот термин, и такое его употребление я считаю обоснованным; но я не понимаю, на каком основании объединили под одним словом «рассудок» вещи столь различные как ощущать, вспоминать и выносить суждения.

Действительно, можно сказать, что все наши знания состоят в суждениях, которые мы выносим относительно получаемых нами впечатлений; поэтому, строго говоря, одна лишь способность суждения и относится к рассудку, и только ее одну следовало бы разуметь под этим словом, тогда как чувственность и даже память тесно связаны с желанием, которое непосредственно и с необходимостью следует за полученным впечатлением.

С другой стороны, если принять во внимание, что ощущать и желать суть спонтанные, произвольные и, можно сказать, вынужденные модификации мышления, в то время как вспоминать и судить — действия ума, имеющие более рефлексивный характер, то можно сгруппировать волю с чувственностью, назвав их опытом, и объединить под каким-нибудь другим именем память и суждение, а также все, что с ними связано; это даст еще одну классификацию. Можно было бы с еще большим основанием заметить, что чувственность и память суть способности, предоставляющие суждению и желанию их предметы, что они ближайшим образом связаны друг с другом, и с этой точки зрения следует их совместное действие считать первоначалом всего, а суждение и волю объединить в рассмотрении постольку, поскольку они выступают как их следствие.

Наконец, если обратить внимание на то, что желание всегда так или иначе является результатом своего рода рассуждения о качествах желаемого объекта, окажется, что сама воля причастна рассудку в куда большей степени, чем чувственное восприятие и память; и это обстоятельство могло бы или породить новую классификацию или вовсе уничтожить всякое разделение способностей. Итак, повторю, имеется много спорного в том их разграничении, которое проводит Кондильяк.

Не стоит насильственно объединять под разными фантастическими рубриками вещи столь различные между собой как чувственное восприятие, память, способность суждения и воля; в нашей номенклатуре способностей мы должны оставить их столь же различными и отдельными, каковы они в самой действительности*.

Когда же от общего подразделения способностей Кондильяк переходит к более детальному, мы, прежде всего, видим *внимание*, возглавляющее список способностей, которые составляют *рассудок*; но является ли внимание само по себе отдельной способностью? Является ли оно отдельным и отличным от всех других действием ума? Я так не думаю. Быть внимательным к чему-либо означает не что иное как уделять тому или иному занятию заботу, необходимую для достижения успеха. Внимание есть состояние человека, который хочет преодолеть некое затруднение; это способ бытия, порождаемый энергией воли, это эффект, но не причина, и я не усматриваю в нем никакого отдельного действия: с тем же успехом я мог бы говорить о способностях грустить или

* Можно сохранить разделение *рассудка* и *воли*, но тогда нужно под первым из этих слов подразумевать все то, что имеет отношение к *знанию* и *познанию*, а под вторым — относящееся к *желанию* и *действию*. Три первых тома моего труда суть трактат о первом; четвертый том положит начало второй части этого труда, еще далеко не завершенной, которая также должна включать три тома, как объяснено в конце моей «Логики».

уствовать. Но, возразят мне, когда я уделяю внимание какому-то ощущению, оно завладевает моим сознанием, и все другое для меня исчезает. Прекрасно! Все остальные ощущения суть ничто, мы имеем одно ощущение, вот и все. Точно так же вы будете воспринимать одно-единственное воспоминание, отношение или желание. Итак, скажете вы, внимание последовательно становится всем этим. В таком случае, само по себе оно не существует, и бесполезно о нем говорить; что и требовалось доказать.

Далее следует сравнение: это, говорят нам, двойное внимание, внимание, разделенное между двумя объектами сразу. Я уже говорил, что думаю о внимании, но допустим. И как же понять такое сравнение, взятое отдельно от суждения? Разве судить — не значит ощущать отношение между двумя объектами? И разве ощущать отношение между ними не значит их сравнивать? Поэтому добавим, что мы не можем сравнивать два объекта, не судя о них. Зачем же тогда разделять две неразделимые вещи? Я вижу здесь только два действия, ощущать и выносить суждение. Сравнение есть суждение, или же оно только ощущение; само по себе, таким образом, оно не является ничем.

Переходим к рефлексии, или размышлению. В главе VI мы уже разбирали, что такое размышлять; не будем здесь возвращаться к этому, достаточно заметить, что рефлексия, будучи лишь определенным способом употребления умственных способностей, никоим образом не является отдельной способностью. То же самое я скажу и о воображении, которое соединяет в одном фантастическом объекте качества нескольких реальных объектов. Это не требует доказательств.

Относительно же другого воображения, о котором тоже упоминает Кондильяк и которое состоит в обладании воспоминаниями столь яркими, что вспоминаемые объекты кажутся действительно присутствующими, мы уже говорили в

главе III, что оно есть лишь память, или эффект памяти, которая достигает такой остроты, что пробуждает ощущение. Оно, таким образом, не заслуживает особого имени, равно как и реминисценция, т. е. воспоминание, сопровождаемое ощущением того, что это именно воспоминание. Это та же память, соединенная с суждением.

Остается, следовательно, только рассуждение, которое является, как говорят, последовательностью суждений, имплицитно содержащихся одно в другом. С этим определением я согласен; и я из него заключаю, что рассуждение есть не более чем повторение действия суждения, а никак не отдельная способность.

Вот к чему сводятся в итоге все эти столь многочисленные подразделения того, что называется у Кондильяка рассудком. Анализируя их, я не обнаруживаю ничего, кроме ощущений, воспоминаний и суждений, и еще больше убеждаюсь, что введение каких-либо иных способностей может нас только сбить с толку, ибо оно порождает воображаемые сущности и вносит путаницу в отношения сущностей реальных. Посмотрим теперь, как обстоит дело с волей.

Кондильяк и его последователи помещают во главе операций ума, относящихся к воле, аффектацию, которую называют *потребностью*, что подразумевает некоторое страдание. Когда оно выражено слабо, оно называется *неудовлетворенностью*, а когда лишает нас покоя, его называют *беспокойством*. Нам представляют их как три различные операции; затем примешивают к ним рефлексию и воображение, чтобы превратить их в четвертую, а именно *желание*. Должен признать, что я ничего не понимаю в этом объяснении. Я вижу здесь только два действия: испытывать страдание и желать; эти две вещи мне действительно известны из опыта. Испытывать страдание есть некий способ быть, порождаемый чувственностью, это эффект какого-то полученного мною

5

10

15

20

25

30

35

40

5 впечатления: впечатление это таково, что заставляет меня выносить явно или неявно суждение, что я должен его избегать, откуда следует, что я сознаю это желание. Единственно в возможности осознать свои желания и состоит то, что я называю *волей*.

10 Наш автор, напротив, сверх того включает в число операций, относимых к воле, страсти, надежду, собственно волю и т. д., вплоть до страха, уверенности, колебаний и т. д.

15 Он правильно объясняет, что страсти — это желания, вошедшие в привычку, что надежда есть желание, соединенное с суждением, а воля, в узком смысле слова, также является желанием, соединенным с суждением, но другого типа. Таким образом, все они отнюдь не элементарные впечатления, но сложные аффектации, в составе которых только желание действительно относится к особой способности, именуемой *волей*.

20 Что касается страха, уверенности, колебания и т. д., то на них мы не будем останавливаться: слишком очевидно, что они суть способы существования определенных состояний человека, производимых совместным действием всех его способностей, и что эти весьма сложные состояния никак не могут рассматриваться в качестве элементарных.

30 Таким образом, я настаиваю на мысли, что способ, каким Кондильяк разлагает на элементы наш разум, ошибочен; и что чем больше мы предаемся рефлексии, тем больше убеждаемся, что в человеческом мышлении нет ничего, кроме ощущений, воспоминаний, суждений и желаний*.

35 Проведенный нами разбор наводит на важные размышления. Первое, что следует сказать, это

* Для более полного понимания этой дискуссии, которую я постарался сократить, рекомендую перечитать вышеуказанные места в «Анализе мышления» Кондильяка, и особенно главу 7 первой части его «Логики», в которой все то же излагается более подробно и которую я в первую очередь имел в виду.

то, что великий идеологист, с некоторыми идеями которого я осмеливаюсь спорить, имеет неосценимую заслугу быть первым человеком, отчетливо осознавшим, что значит мыслить.

Он говорит в двадцати местах то, что я уже цитировал: «Способности души последовательно порождаются ощущениями. Эти способности и сами являются только ощущениями, которые, трансформируясь, становятся каждой из них. Все действия души суть только те же ощущения, различным образом трансформированные»; и еще более отчетливо в главе седьмой своей «Логики»: «Все способности, которые мы только что рассматривали, содержатся в способности чувствовать». Конечно, это хорошо сказано; в отличие от Локка, который все наши идеи выводит из ощущений, здесь показано еще, что они и сами являются только ощущениями различных видов. Однако это рассуждение все-таки не завершено, а последующие объяснения лишь еще более затемняют эти лучи света. Я бы предпочел, чтобы он сказал следующее: чувствовать есть свойство нашей организации, какова бы ни была его причина; и мыслить означает не что иное как ощущать. То, что мы называем способностью мыслить, мышлением, есть способность чувствовать, чувственность, взятая в самом широком смысле. Все наши идеи, все наши восприятия и представления суть то, что мы ощущаем — т. е. ощущения, которым мы даем различные имена согласно их различным действиям и качествам.

Тогда, вместо того, чтобы мучительно пытаться объяснить, как же ощущения становятся памятью, суждениями, желаниями и множеством других вещей, достаточно было бы просто сказать то, что мы и говорим, а именно, что наша способность чувствовать, или мыслить, состоит в способности воспринимать как ощущения в узком смысле слова, так и воспоминания, отношения, желания и все другие виды ощущений, которые мы можем различить.

5

10

15

20

25

30

35

40

Я полагаю, что это другой способ выразить то же самое. Однако представить эту же идею в ином аспекте я смог потому, что пришел к ней в результате собственных наблюдений и размышлений, а не взял готовой у Кондильяка; и вполне возможно, что многие из его приверженцев не согласятся ни с тем, что я сказал то же, что и он, ни, стало быть, с тем, что я прав.

Скажу больше: я убежден, что если бы он изложил свой принцип в той форме, которую предлагаю я, то этот блестящий ум, который смог устранить столько ложных и расплывчатых идей, с необходимостью был бы подведен к тому, что вовсе не нужно выделять в мышлении все эти лишние операции, которые он признавал самостоятельными и которые только запутали выполненный им анализ, что было истинным несчастьем для идеологии: возможно, он считал, что сказанного достаточно для понимания, и не захотел вдаваться в дальнейшие разъяснения. Как бы то ни было, ему одному принадлежит честь открытия, что мыслить означает не что иное как чувствовать, и что *все наши идеи суть только различные ощущения, так что нужно лишь разобратся в их видах и их многообразных комбинациях друг с другом.* Я освободил эту мысль от ряда неточностей, которые все еще несколько затемняли ее; я вывел из нее некоторые новые следствия; вот и все.

Размышление о Кондильяке, которое мы только что предприняли, естественным образом приводит к другому, уже непосредственно относящемуся к содержанию нашей науки, а именно, что сразу же, как только люди задумались о происхождении своих идей и попытались отдать себе в этом отчет, было совершено открытие, что думать есть то же, что чувствовать; и, что еще более изумительно, тот же самый человек, который оказался способен первым осознать эту истину, смог затем запутаться в количестве и видах отдельных операций, составляющих эту способность чув-

твовать, и в разновидностях ощущений, действительно различных между собой, так что мы обязаны ему одновременно и этой важнейшей истиной, и этой путаницей в понимании мышления.

5 Действительно, на первый взгляд, не должно
 быть ничего легче, чем познание причин мысли,
 как нет ничего привычнее ее наблюдаемых эф-
 фектов; кажется, что здесь нет никакой возмож-
 10 ности ошибиться, ведь что для этого от любого из
 нас требуется? Всего лишь разобраться в том, что
 мы делаем ежедневно и ежесекундно, проследить
 за собственными действиями, изучить их в дета-
 15 лях, составить себе верную их картину. Это не
 вопрос какого-то сложного комбинирования
 идей, здесь не нужно ничего изобретать, и тем ме-
 нее — строить предположения. Вполне достаточ-
 но тех фактов, которых каждый может найти вдо-
 20 воль, понаблюдав за самим собой; наш опыт сам
 подсказывает нам ответ, ведь испытывать — и
 значит чувствовать. Кто мог бы когда-либо поду-
 25 мать, не будучи вынужден к тому опытом многих
 веков и своим собственным, что это окажется
 предприятием, в котором потерпят неудачу луч-
 шие умы? Однако трудность, которая имеется в
 30 этом вопросе, такова, что не только для ее пре-
 одоления, но даже и для отчетливого понимания
 того, в чем она состоит, уже требуется продви-
 нуться в изучении мысли основательнее, чем мы
 35 сделали это до сих пор. Все то, что здесь было ска-
 зано, могло наставить нас на истинный путь, но
 этого недостаточно, чтобы полностью прояснить
 положение дел: итак, нам нужно рассмотреть
 мышление еще и в других аспектах и исследовать
 некоторые основные явления, которые в нем
 представлены. Этим мы и займемся в следующей

главе.

Глава XII

О способности к движению и ее отношениях к способности чувствовать

Мои юные друзья, я показал вам, каковы элементы наших идей; я объяснил, как эти элементы образуют все сложные идеи, и продемонстрировал, в чем состоит реальность существования объектов, которые мы познаем благодаря этим восприятиям; я добавил к этому некоторые пояснения, которые мне кажутся достаточными; поэтому я полагаю, что выполнил задачу, которую перед собой поставил, т. е. научил вас осознавать, что вы делаете, когда думаете. Однако, прежде чем оставить эту тему, я считаю своим долгом рассмотреть вместе с вами еще четыре важных предмета, а именно: 1) до какой степени способность мыслить зависит от нашей воли; 2) как частое повторение мыслительных актов изменяет способ мышления; 3) то, что при нынешнем состоянии нашего разума и общества способность как индивидов, так и всего человеческого рода к мышлению должна постепенно совершенствоваться; 4) влияние использования знаков на ее совершенствование в обоих этих случаях. Таковы четыре новых аспекта умственной способности, которые нам следует узнать получше, если мы хотим получить решение многих вопросов, и в числе прочих — того, которым мы завершили предыдущую главу, т. е. в чем состоит трудность, испытываемая всеми, кто пытается разобраться в действиях собственного ума.

Чтобы преуспеть в этих исследованиях, нужно расширить поле наших наблюдений. Мы более не должны ограничиваться изучением изолированной и абстрагированной от всех прочих обстоятельств нашей жизни способности мыслить; теперь следует, напротив, рассмотреть наше «я» целиком, принимая во внимание все его составляющие. Среди них два феномена должны быть выделены как основные. Первый — способность, благодаря которой мы получаем впечатления, восприятия, одним словом, испытываем изменения, модификации нашего сознания: это и есть то, что мы называем способностью мыслить, или *чувствовать*, беря это слово в самом широком смысле. Второй — это возможность изменять положение частей нашего тела и перемещать их, выполнять бесчисленное множество движений, как внутренних, так и внешних, благодаря лишь собственной, присущей нам самим силе, без непосредственного воздействия на нас окружающих тел: это то, что мы называем способностью *двигаться*.

Оба эти феномена равным образом являются результатом нашей физической организации; мы вполне можем разделить их в мысли и исследовать порознь эффекты того и другого, но в реальности они неразделимы, по меньшей мере первый не может существовать без второго: ведь сколь бы верно ни было, что многие движения выполняются нами бессознательно и неощутимо для нас, очевидно, что ничто из происходящего в нас, даже происходящего исключительно в нашем уме, мы не в состоянии воспринимать без движений внутри наших органов. Поэтому, беря вещи такими, каковы они в действительности, мы должны видеть в мысли, или ощущении, всего лишь особый эффект движения, и в способности мыслить — всего лишь следствие способности двигаться. При таком значении последней она не может не привлекать наше внимание.

Я уже говорил, что мы имеем возможность совершать движения благодаря силам, существующим внутри нас, не будучи вынужденными к тому непосредственным действием на нас каких-либо
 5 посторонних тел. Я вовсе не утверждаю при этом, что имеется какой-то особый присущий нам принцип активности, не ввожу некую абсолютно новую силу, отличную и полностью независимую от
 10 всех других, так что при любом нашем действии общее количество движения в мире увеличивалось бы благодаря нашей собственной энергии. Напротив, и это существенно и заслуживает специального упоминания, точные опыты доказывают, что человек, поднятый на веревке над землей
 15 посредством блока, действует на него только своим весом, и не может ничего сверх того; что когда он давит на стену или толкает груз, он воздействует на землю, на которую опирается, с силой, равной той, которую к ним прикладывает; что то же самое имеет место, когда он поднимает тяжести; что, наконец, он действует всегда только как
 20 груз, или как рычаг, или как пружина, т. е. наподобие неодушевленных тел, и сам по себе не создает никакой новой силы. Однако не менее очевидно и то, что живому телу не требуется непосредственное воздействие другого тела, чтобы прийти в движение, и хотя оно не может опираться на само себя, производя какое-либо действие, так что любое его действие является только реакцией, оно имеет в самом себе принцип этого действия.
 25

Более того, опыт доказывает, что мускулы живого человека выдерживают вес, превосходящий тот, который разорвал бы мышцы мертвеца.
 35 Эту силу придает им жизнь; и пока тело ею наделено, оно способно ассимилировать вещество других тел, а когда оно умирает, все элементы, которые его составляют, распадаются, обретают самостоятельность и затем образуют новые соединения с элементами внешнего мира, следуя обыч-
 40

ным законам их сочетаний. Мы не знаем, в чем заключается эта жизненная сила; мы можем представлять ее только как результат химических процессов, которые на какое-то время порождают особенный порядок вещей, а затем, по неизвестным причинам, возвращают их к более общим законам, которым подчинена не столь высокоорганизованная материя. Пока эта сила действует, мы живем, т. е. движемся и ощущаем.

Эта жизненная сила создает, таким образом, способность двигаться; но как именно выполняются движения? Этого мы в точности не знаем. Нам хорошо известно, что непосредственно движение производится посредством мускулов, и что когда некая часть нашего тела движется, это происходит за счет сокращения соответствующих мышц. Мы знаем также, что напряжение и сокращение мышцы связано с приливом орошающих ее жидкостей во множестве сосудов и капилляров, которые расширяются и заставляют мышечные волокна сокращаться. Но что приводит в движение и направляет эти флюиды⁵⁰? Нам это неизвестно, как неизвестна и их природа, источник и принцип их циркуляции, благодаря которой в нас поддерживается жизнь. Тем не менее, не подлежит сомнению, что пока мы живы, наш организм, посредством комбинаций, по большей части нам неизвестных, производит множество наружных движений и еще больше движений внутренних, причиной коих не является никакое внешнее нам тело; и что некоторые из них создают феномен, который мы называем *ощущением*, в то время как другие нами вовсе не осознаются.

Если же от этих простейших наблюдений за нашей способностью двигаться мы перейдем к изучению тех отношений, которые существуют между нею и способностью мыслить, или ощущать, то увидим, прежде всего, что мы ощущаем с помощью нервов, и что всякий раз, когда мы что бы то ни было ощущаем, это происходит не иначе

5

10

15

20

25

30

35

40

как благодаря либо какому-то внутреннему движению нервов, либо внешнему воздействию на те точки тела, где они сосредоточены. Но что скажем мы о природе этого движения, в чем именно оно состоит? Этого, увы, никто еще не постиг. Пока мы можем только указать некоторые общие черты этих движений и производимые ими эффекты.

Тем более не можем мы определить, в чем различие между движениями, которые происходят в зрительных нервах, когда мы видим синее или красное; или в слуховых нервах, когда мы слышим высокий или низкий звук; или в обонятельных, когда мы ощущаем тот или иной запах; или в осязательных нервах нашей руки или любой другой части тела, когда мы ощущаем укол или ожог, приятное тепло или ласковое прикосновение. Но мы должны принять, что всякий раз, когда один и тот же нерв снабжает нас различными ощущениями, необходимо, чтобы он испытывал различные колебания, и чтобы в нем и в мозге происходили отличные друг от друга движения; равным образом, необходимо, чтобы каждый нерв обладал своим собственным характером движений и воздействий на мозг, поскольку все или почти все впечатления, производимые отдельными нервами, более или менее различаются между собой, ни одно не похоже в точности на восприятие, которым мы обязаны другому нерву. Доказательством тому служит факт, что даже те из наших ощущений, которые имеют более всего сходства между собой, все-таки никогда не бывают вполне одинаковы.

Несмотря на эти предполагаемые различия между отдельными движениями нервов, которые производят любое из наших ощущений в собственном смысле слова, они все имеют и нечто общее; они все исходят из окончаний нервов, удаленных от их общего центра, и направлены к этому центру; в то же время те движения, которые

вызывают ощущения, называемые воспоминаниями, суждениями, желаниями, остаются чисто внутренними и, возможно, распространяются от центра к периферии.

Рассуждая о них так же, как и о первых, я прихожу к заключению, что движение, благодаря которому я вспоминаю, не может быть таким же, как и то, благодаря которому я выношу суждение или испытываю желание. Кроме того, в каждом из этих классов ощущений каждое ощущение должно порождаться особым движением. Они слишком различны между собой, чтобы быть следствием идентичных причин. Я думаю, таким образом, что все эти аффектации суть следствия такого же количества различных происходящих во мне движений, столь быстрых и неуловимых, что я могу воспринимать только их результат, а именно мои восприятия. Из этих размышлений ясно, какое необычайное количество различных движений в нас происходит, не считая даже тех, быть может, не менее многочисленных, которые не сопровождаются никакими ощущениями.

Я не буду развивать далее эти заметки о способности к движению; их достаточно для поставленной мною цели. Теперь следует рассмотреть, каково влияние воли на все эти движения, равно как и на производимые ими эффекты.

Глава XIII

О влиянии способности желать на способность к движению и каждой из них на способность мыслить и ее составляющие

Вы уже видели в пятой главе, как важна для нас способность образовывать желания, поскольку она есть причина всех удовольствий и всех несчастий, в зависимости от того, исполняются или нет эти желания. Но еще более эта способность примечательна тем, что желания часто имеют большую власть над нашими действиями и нашими мыслями. Поэтому необходимо исследовать природу и пределы этой власти и разобраться, до какой степени ей подчинены различные способности. Размышления, содержащиеся в предыдущей главе, позволяют нам в дальнейшем рассматривать акт мысли как нечто сопровождающее движение, и мы сначала будем говорить о воздействии воли на способность к движению; затем мы немного скажем о том, каково ее влияние на каждую из наших интеллектуальных способностей.

Все наши движения можно разделить на несколько классов, в зависимости от того, в какой мере они подчинены воле. Подобная классификация проявлений нашего способа существования очень полезна, ибо позволяет уточнить наши представления о нем и заставляет заметить обсто-

яательства, на которые чаще всего не обращают внимания.

Многие движения осуществляются полностью бессознательно. Таковы почти все те бесчисленные движения, которые ежесекундно обеспечивают жизнедеятельность организма, т. е. наиболее необходимые для поддержания нашего существования. Мы о них не знаем, и нет сомнений в том, что от нашей воли они никоим образом не зависят.

Существуют также движения, которые временами осознаются, а временами производятся без нашего ведома. В последнем случае они относятся к предыдущему классу; но и когда они нам известны, они лишь иногда вполне или отчасти нами контролируемы, а иногда выполняются непроизвольно, зачастую даже вопреки нашему ясно выраженному желанию им воспрепятствовать.

Есть и такие движения, которые всегда исключительно добровольны, и такие, которые нам неприятны и всегда происходят против нашей воли. Есть, наконец, и такие, которые несовместимы с устройством нашего тела и нам недоступны, как бы сильно мы того ни желали.

Таким образом, воздействие воли на нашу способность двигаться весьма различно в разных случаях и, в общем, достаточно ограничено. Добавим к этому, что и всякое зависимое от нашей воли движение, всякое сознательное использование наших органов есть результат бесчисленного множества других, внутренних движений, непроизвольных и по большей части бессознательных, так что это, собственно говоря, лишь завершающий шаг, вся подготовка к которому произошла без нашего участия, и только относительно него самого мы можем решать, сообразно обстоятельствам, хотим мы его сделать или нет.

Если теперь от способности к движению мы перейдем к умственным способностям, тот же ход рассуждений окажется применимым и к ним, при-

5

10

15

20

25

30

35

40

чем даже в еще большей степени. Без сомнения, все наши восприятия суть следствия происходящих в нас движений, о чем мы уже говорили; но ни одно из этих внутренних движений само по себе нами не воспринимается и не подчиняется нашей воле; в противном случае, желая получить какое-нибудь ощущение, мы могли бы просто заставлять нервы производить соответствующие движения. Но эти движения нам совершенно неизвестны, так что мы здесь не будем более даже упоминать о них. Вместо этого расскажем в немногих словах о том, в какой мере и в каком смысле можно говорить, что мы способны по своей воле испытать то или иное впечатление, привести в действие ту или иную умственную способность. Начнем с чувственности в собственном смысле слова.

Не в нашей власти не воспринимать ощущения, поскольку мы не контролируем ни те движения, которые внешние тела вызывают в наших органах чувств, ни те, которые возникают внутри нашего тела в процессе взаимодействия его органов между собой; не более способны мы и изменить ощущения, которые эти движения нам доставляют, или по желанию находить приятным или неприятным те из них, которые в действительности не таковы. Но от нас до определенной степени зависит, сколько внимания уделять тем или иным впечатлениям, и мы можем сосредоточиться на одних так, что все другие почти не замечаются и для нас как бы исчезают. Подобная сосредоточенность более или менее знакома каждому; наивысшей степени она достигает у людей, которые охвачены жестокими страстями или погружены в глубокое размышление. Вот к чему сводится все влияние воли на нашу чувственность в собственном смысле слова.

Что касается памяти, то из опыта нам хорошо известно, что воспоминание о тех или иных впечатлениях часто бывает не только невольным, но и навязчивым, преследующим нас вопреки наше-

му желанию; однако не менее знакомы нам и воспоминания, которые послушно являются, когда мы сами хотим их вызвать. Таким образом, память то не подчиняется, то подчиняется нашей воле. Мы увидим впоследствии, как можно усилить влияние воли на эту способность, сейчас же ограничимся констатацией данного факта.

То же самое в отношении суждения. Суждение независимо от воли в том смысле, что мы действуем произвольно, воспринимая действительно существующее отношение между двумя восприятиями, и не можем не воспринимать его таким, каково оно есть, т. е. таким, каким оно должно нам казаться в силу нашего устройства, и каким оно покажется всякому, кто, будучи устроен подобно нам, оказался бы на нашем месте. Именно эта необходимость воспринять отношение и создает определенность и реальность всех наших знаний. Ведь если бы лишь от нашей фантазии зависело, будем мы воспринимать ту или иную воздействующую на нас сущность как большую или маленькую, хорошую или дурную, истинную или ложную, то отношение не являлось бы для нас чем-то действительным, реально существующим в мире. Ни одна вещь не была бы ни большой, ни маленькой, ни хорошей, ни плохой, ни ложной, ни истинной; все и было бы только нашей фантазией. Такое положение вещей нельзя даже представить, оно содержит противоречие. Итак, в вышеуказанном смысле наше суждение не зависит от воли. Оно, однако, зависит от нее в том смысле, что, как мы видели, до определенной степени мы вольны предпочитать некое ощущение всем остальным, а также вызывать некое воспоминание чаще, чем все остальные, и можем уделять больше внимания одним их отношениям между собой, чем другим. Таким образом, воля будет управлять нашей способностью суждения пропорционально тому, насколько мы распоряжаемся нашей чувственностью и нашей памятью.

5

10

15

20

25

30

35

40

Наконец, могут спросить, и действительно часто спрашивают, свободна ли и сама наша воля, зависит ли она от нас, а точнее, зависит ли она исключительно от себя самой. Следует начать с разъяснения этого выражения и с того, почему мы помещаем свое «я» на место нашей воли, почему мы отождествляем себя скорее с этой способностью воспринимать ощущения, воспоминания, отношения, а также совершать движения не были «нами самими», не принадлежали нам, не составляли часть нашего «я» в той же мере, как и способность иметь желания. Причина этого проста. Наслаждаться и страдать для нас все, это само наше бытие во всей его полноте; а наслаждаемся и страдаем мы не иначе как в зависимости от наших желаний и того, осуществляются они или нет. Мы существуем, таким образом, лишь посредством желаний и способности их образовывать. Когда что-то происходит против нашего желания, мы убеждаемся со всей очевидностью, что здесь действует нечто отличное от нас. Наши желания и все те действия, которые из них проистекают, для нас не что иное как мы сами и наши собственные действия; а все остальное, все, что к нашим желаниям не относится и из них не выводимо, для нас является посторонним и внешним, не принадлежащим к нашему «я». Поэтому вопрос о том, управляем ли мы своей волей, и сводится к следующему: зависит ли воля только от себя самой, свободна ли она? Это то же самое, что спросить: можем ли мы желать без причины, единственно потому, что желаем чего-нибудь желать? Если вопрос представлен таким образом, на него нетрудно ответить, как и всегда, когда вопросы хорошо сформулированы, когда отчетливо видны составляющие их идеи. Ведь чтобы ответить на вопрос, требуется всего лишь вынести суждение, т. е. сравнить две идеи; и если из самого вопроса вполне ясно, какие это две идеи, и обе они нам известны, сделать это можно

сразу же. Вот и в данном случае достаточно посмотреть, свойственно ли нашей воле вступать в действие без всякого толчка извне, может ли желание рождаться без причины: очевидно, что нет. Действительно, если мы рассматриваем желание абстрактно, как некое восприятие, то можем видеть в нем лишь необходимое следствие суждения, что испытывать некоторое другое, предшествующее впечатление для нас хорошо или плохо, желанно или нет; а такое суждение, в свою очередь, есть неизбежное следствие способа, каким мы были аффектированы, когда испытывали данное впечатление. Если же, напротив, мы берем наши желания такими, каковы они в действительности, т. е. как результаты некоторых неизвестных движений, происходящих в органах одушевленного существа и воспринимаемых им определенным способом, который и называется «желать», то ясно, что всякое желание с необходимостью следует из движения тех органов, которым свойственно его производить; и что это движение органов не есть акт воли, но вызвано другими, предшествовавшими ему движениями. Таким образом, ни с идеологической, ни физиологической точки зрения невозможно понимать желание иначе чем как необходимое следствие предшествующих состояний; и вообще невозможно представить такое действие, которое было бы принципом и причиной самого себя. Поэтому акты нашей воли вынуждены и необходимы, подобно проявлениям всех остальных способностей, подобно любым действиям всех одушевленных или неодушевленных существ, которые существуют в природе.

Отсюда, впрочем, никоим образом не следует, что мы ошибаемся, полагая волю важнейшим из всего, что мы обнаруживаем в себе и в других, и распространяя на нее те суждения, которые мы выносим относительно самих себя, а на себя — выводы, к которым мы приходим относительно нее.

5

10

15

20

25

30

35

40

Мы не заблуждаемся, отождествляя себя с нашей волей и не делая различия между выражениями «сделать по-своему» и «сделать по своей воле» или «это не от меня зависит» и «это не зависит от моего желания»; ведь коль скоро страдать и наслаждаться для нас все, а страдаем и наслаждаемся мы лишь постольку, поскольку наша воля осуществлена или встретила неодолимые препятствия, она вполне идентична нашему «я».

Мы не заблуждаемся, полагая волю самым важным во всех других чувствующих и наделенных ею существах и отождествляя ее с их «я»; они же, в свою очередь, не заблуждаются, полагая ее важнейшим в нас и отождествляя ее с нашим «я», ибо воля управляет большинством наших действий, в особенности тех, посредством которых мы влияем на других. Поэтому для них наша воля и мы сами суть в точности одно и то же, кроме некоторых весьма редких случаев.

Точно так же нисколько не ошибаются, связывая идею заслуги или вины, чувство любви или ненависти именно с доброй или злой волей: ведь если мы и неспособны желать просто потому, что желаем желать, то все же, как я уже говорил, можем до определенной степени произвольно распределять наше внимание между восприятиями, умножать и исправлять наши суждения о них, и в силу этого добиваться желаемого. Побудила нас к этому некая невероятная способность желать без всяких причин или какие-то неизвестные обстоятельства, не имеет никакого значения для тех, кто испытывает на себе результаты наших устремлений и готов уважать только справедливость, которую в них замечает, и любить только благо, которое наши действия им приносят. Ведь нечто ценят или любят не за то, по какой причине оно существует, но лишь за то, как оно на нас воздействует; и если мы говорим обычно, что именно в намерении (то есть воле) заключена вся ценность действия, и именно намерение следует хвалить или порицать,

то исключительно потому, что, как уже было отмечено, не без основания отождествляем других с их волей, равно как и они отождествляют нас с нашей волей; таким образом, это выражение не означает ничего иного, кроме того, что индивид уважаем и любим настолько, насколько его желания разумны и добры. А это остается столь же верным при допущении, что воля есть необходимое следствие скрытых от нас причин, как и при абсурдном предположении, что она есть действие без причины.

Точно так же наш принцип отнюдь не отрицает обоснованность наказаний и наград; напротив, он дает им более прочное основание, ведь если воля определяется предварительно выполненными суждениями, то уместно и разумно снабдить людей мотивами выполнять такие суждения осмотрительно и хорошо, в то время как если бы желания рождались сами собой, без всякой причины, ни наказания, ни награды не имели бы никакого влияния на будущие определения воли, и тогда первые были бы лишь ребяческой мстью, а вторые — бесполезными выражениями признательности.

Факты, о которых я только что говорил, более или менее смутно осознаются всеми, что и позволяет людям выносить о своей воле и воле себе подобных суждения, которые в основном верны. Однако затем незнание причин, которые определяют волю, и нежелание считаться пассивными орудиями обстоятельств побуждают их воображать, будто их воля рождается в них спонтанно, и не искать никакой предшествующей их действиям причины, как если бы ее вовсе не было. Мы же из этих фактов заключаем, что наша воля не в состоянии произвести ни одного беспричинного и истекающего только из нее самой желания; но, какова бы ни была причина, приводящая ее в действие, она способна до некоторой степени направлять внимание более на одни восприятия, не-

жели на другие, заставляя обращаться более к одним воспоминаниям, чем к другим, и изучать, посредством суждений, одни свойства какой-либо вещи более, чем другие; влияя же на эти
5 наши действия, она отчасти предопределяет, не непосредственно, но косвенно, и свое собственное дальнейшее направление.

Я не стану здесь обсуждать на схоластический манер столь часто дебатировавшийся вопрос об
10 обусловленности или свободе воли: я полагаю, вслед за Локком, что быть свободным значит иметь возможность осуществить свою волю, а когда этому выражению пытаются придать какой-либо иной смысл, добиваются лишь того, что
15 оно теряет всякий смысл вообще. Нельзя, таким образом, иметь свободу воли раньше самой воли; а что порождает и обуславливает волю, как раз и является единственным вопросом, требующим дальнейшего исследования: я думаю, этим мы
20 удовлетворимся. Я завершаю эту главу, как и предыдущую, ограничившись изложением фактов и не позволяя себе ни распространяться о причинах, которые мне неизвестны, ни выводить из фактов такие следствия, которые были бы пре-
25 ждевременны.

Конечно, после этих наблюдений мне следовало бы указать средства усовершенствовать нашу способность двигаться, управлять нашей способностью желать и усилить ее влияние на все прочие
30 наши способности; но для этого нужно сперва разобратся в других вопросах, которыми мы и займемся в следующей главе.

Глава XIV

О следствиях частого повторения одних и тех же действий

Мы только что завершили обзор некоторых важных обстоятельств, влияющих на выполнение нами различных физических и умственных операций; но есть еще одно, столь значительное, что оно должно быть выделено особо: это эффект, который оказывает на каждое из этих действий его частое повторение. Он называется привычкой; истинный смысл этого слова — предрасположенность к какому-либо действию, которая порождается частым повторением данного действия. Правда, в повседневном словоупотреблении обычно смешивают причину и следствие: когда говорят «у меня есть такая-то привычка», «я привык к тому-то», под этим в равной мере могут подразумевать либо то, что часто делают ту или иную вещь, либо что в результате этого имеют соответствующую предрасположенность. Подобное пренебрежение точностью в нашем языке происходит, несомненно, из того, что мало кто серьезно размышлял о привычках и их причинах; ведь неточность и приблизительность выражений всегда порождаются смутностью идей, вот почему языки совершенствуются по мере того как проясняются умы и уточняются знания. Согласимся, за неимением лучшего, придерживаться принятого употребления; но займемся образованием точных идей относительно наших привычек и разбором влияния, которое они оказывают на различные

наши способности. Начнем со способности к движению, которая, если понимать ее широко, содержит в себе все остальные способности.

5 Всем известно, что чем чаще мы повторяем
одно и то же движение, каким бы оно ни было,
тем с большей легкостью и быстротой мы его выполняем. Именно исходя из этого общего и неизменного принципа, мы как можно больше упражняемся в тех действиях, в выполнении которых
10 хотим достичь совершенства; а когда хотят, чтобы
какая-либо совместная работа исполнялась быстро, стараются организовать ее так, чтобы каждый рабочий совершал лишь небольшое количество движений, всегда одних и тех же; подобное разделение труда является главным преимуществом
15 мануфактур. Принцип этот знаком всем без исключения.

Но мало кто замечает в то же время, что чем движение легче и быстрее, тем меньше оно нами
20 ощущается, вплоть до того, зачастую оно совершается, не сопровождаясь вообще никаким ощущением, бессознательно: а ведь это именно так.

Еще реже обращают внимание на ту не менее
беспорную истину, что для достижения быстроты произвольного движения недостаточно, чтобы
25 непосредственно действующий орган приобрел гибкость, необходимую для его беспрепятственного выполнения; нужно еще, чтобы мы научились быстро и в должном порядке образовывать
последовательность различных желаний, в силу
30 которых данное движение должно осуществляться. Это особенно заметно в начале обучения любому хоть сколько-нибудь сложному движению. Например, когда я только начинаю брать уроки
35 танцев или игры на клавесине, необходимо, чтобы
учитель познакомил меня в деталях с различными отдельными движениями, которые должны производить мои ноги или пальцы, и объяснил, в каком порядке мне следует желать их выполнить;
40 необходимо, чтобы мы их вместе разобрали, т. с.

чтобы он научил меня каждому отдельному суждению, которое я должен вынести, и каждому отдельному желанию, которое я должен образовать, а также порядку, в каком они должны сменять друг друга; необходимо, чтобы умственное действие стало для меня таким же простым и легким, как и механическое: это подтверждается тем, что если первое выполняется правильно и без затруднений, то и мои ноги делают в нужный момент нужное па, и мои пальцы в нужное время нажимают с нужной силой нужную клавишу клавиатура; а если в первом возникают беспорядок, неясность или колебание, то и соответствующая механическая операция будет произведена сбивчиво и плохо. Почти все наши действия, даже те, которые кажутся чисто автоматическими, в той или иной степени демонстрируют состояние наших умственных способностей.

Добавим, что и к этим суждениям и желаниям, которые мы должны образовать, чтобы выполнить определенные движения, в полной мере относится то, что мы сказали о самих движениях, т. е. что когда они даются нам с трудом и выполняются медленно, мы различаем в них все составляющие и имеем о них весьма детальное знание; напротив, те, которые повторялись достаточно часто, чтобы стать легкими и быстрыми, осуществляются почти или даже полностью бессознательно. Мы сейчас рассмотрим это более подробно, поскольку переходим к изучению эффектов частого повторения умственных действий.

Так как все наши умственные действия, все восприятия суть следствия движений, происходящих в наших органах, необходимо, чтобы на них влияли изменения, которые привносятся в любое движение его частым повторением; но поскольку последствия этого для разных видов восприятий различны, нужно рассмотреть их по отдельности; начнем с ощущений в собственном смысле слова.

5

10

15

20

25

30

35

40

5 Движение, которое имеет место всякий раз, когда мы воспринимаем некое ощущение, выполняется быстрее и легче, если часто повторяется; так и должно происходить, чтобы часто испытываемое ощущение становилось для нас все менее ярким и сильным, что и наблюдается в действительности. Оно больше не поражает, не сопровождается тем удивлением*, которое охватывает нас, когда мы испытываем его впервые; чем чаще оно воспроизводится, тем меньше внимания мы ему уделяем, и если в конце концов оно оказывается слишком частым или слишком продолжительным, то вовсе престаёт замечаться, подобно привычному запаху или вкусу, постоянному уровню освещенности или температуры**. Когда же встречается противоположный эффект, как в случае, когда боль, дьясь или возобновляясь, становится все более мучительной, это свидетельствует либо об угрозе повреждения или гибели аффертированного болью органа, либо о том, что орга-

* Под этим словом имеется в виду лишь удивление, так сказать, механическое, а не осознанное удивление или восхищение чем-либо, которое является продуктом суждения. Об этом мы скажем в дальнейшем.

** Я бы вовсе не удивился, окажись это главной, если не единственной, причиной того, что мы обычно не воспринимаем движений, необходимых для функционирования нашего организма и постоянно выполняющихся в течение всей нашей жизни; и я весьма расположен считать, что в первые моменты, когда мы начинаем ощущать, мы имеем очень яркие и, возможно, довольно отчетливые ощущения тех внутренних движений, которые впоследствии становятся неощутимыми. Многие факты в поведении младенцев, в том числе их крики и плач без всякой видимой причины, подтверждают это предположение, которое ничуть не противно разуму. Я сказал об этих ощущениях «довольно отчетливые», а не «вполне отчетливые», потому что в этом возрасте любые действия суждения еще новы и редки, следовательно, медленны и трудны, и потому должны оставаться смутными и спутанными многие впечатления, в которых мы бы в дальнейшем легко разобрались, если бы они продолжали быть воспринимаемыми.

Возможно также, что особое внутреннее ощущение возникает, когда органическое движение почему-либо почти прекращается, и длится, пока орган остается в этом почти неподвижном состоянии.

ническое движение, которое ее порождает, повторяясь и продлеваясь, распространяется на другие чувствительные органы, возбуждая в них движения, которых сначала не было; так или иначе, этот эффект вызван усугублением болезни и умножением реальных причин, вызывающих боль. Следует также отметить, что если продолжительность страданий и может их усиливать, такого никогда не бывает с удовольствиями; это может зависеть не только от того, что любое удовольствие исчезает, когда чувство усталости берет верх, но еще и от того, что при нарастании частоты или длительности страданий вступает в действие способность суждения, восстанавливающая нас против этого тягостного состояния и побуждающая находить его все более невыносимым.

Таким образом, в целом верно, что наши ощущения, повторяясь достаточно часто, становятся менее заметными, в то время как движение, которое их порождает, выполняется все легче; но поскольку это движение органа дается ему легче, получение ощущения также упрощается, т. е. для его возбуждения уже не требуется такой сильный стимул, как первоначально: так оно и происходит. Острота и тонкость наших чувств возрастают с опытом, отчасти по этой причине, отчасти благодаря развитию способности суждения; а когда имеет место обратное, это объясняется изношенностью и повреждениями органов чувств, которыми слишком много пользовались.

Как внимательное наблюдение за тем, что происходит с нашими движениями при их частом повторении позволило нам предположить, каким должен быть эффект воздействия той же причины на наши ощущения, и затем мы убедились, что явления соответствуют нашим предположениям, так и исследование, которое мы только что провели в отношении ощущений, уже позволяет нам предвидеть результаты такого же исследования памяти.

5 Действительно, когда мы воспринимаем ощущение, некое движение, происходящее в аффектированном органе, порождает другое движение в ближайшем нервном центре, т. е. собственно воспринимающем органе; там мы и локализуем свое восприятие. Когда же мы воспринимаем воспоминание, нет этого первого движения, которое могло бы возобновляться; поэтому воспоминание об ощущении и не является самим этим ощущением. Возобновляется в данном случае лишь движение в нервном центре, а оно подобно всем другим: чем чаще оно имеет место, тем легче оно выполняется и тем менее остро переживается восприятие, причиной которого оно служит. Чем чаще мы что-либо испытываем, тем проще нам это вспомнить, но и тем бледнее такое воспоминание, тем меньше оно нас поражает и лишает покоя. Если оно ярче, когда вспоминаемое ощущение было длительным и глубоким, то только потому, что произведенное тогда на органы восприятия впечатление было более сильным; но и в самом ярком воспоминании теряется то чувство *странности* (иначе его можно назвать чувством *новизны*), которое рождается из трудности, испытываемой органом, принужденным к движению, ни разу еще им не выполнявшемуся.

Однако ни одно из наших внутренних движений не изолировано; они взаимосвязаны и взаимозависимы, подобно всем движениям в природе, между ними имеется множество отношений, они образуют множество комбинаций; и чем больше они повторяются, тем больше смежных движений осуществляется вместе с ними, также становясь все более легкими, хотя и менее заметными для нас. Поэтому чем чаще некое воспоминание возвращается, тем проще ему пробуждать все связанные с ним воспоминания, хотя они и становятся менее волнующими. Так устанавливается связь между идеями: феномен столь важный для идеологии, что понимание его происхождения заслу-

женно превозносится, поскольку оно проливает самый яркий свет на наши интеллектуальные операции; теперь мы знаем, что это всего лишь механическая или химическая связь между органическими движениями, которые порождают наши идеи. 5

То, что мы сказали об ощущениях и воспоминаниях, полностью применимо и к суждениям, не только потому, что судить можно лишь о том, что ощущают, и что все предметы наших суждений, все ощущения, доставляемые нам материей, необходимо влияют на сами операции суждения, но еще и потому, что восприятия отношений, подобно всем другим восприятиям, суть лишь следствия определенных движений в наших органах; и они столь же зависимы от изменений, которым подвергается любое движение в результате его частого повторения. Отсюда ясно, что чем чаще мы производим одно и то же суждение, тем мы делаем это легче и быстрее, тем меньше это замечаем и тем свободнее оно само, без нашего участия и даже без нашего ведома пробуждает все те суждения, которые с ним связаны. В большинстве случаев дело доходит до того, что мы выполняем эти операции совершенно бессознательно или, по меньшей мере, не имея о них отчетливого знания. 10 15 20 25

В этом отношении желания должны быть подобны суждениям, поскольку они тоже не более чем эффекты органических движений. Так оно и есть: чем чаще мы образуем какое-либо желание, тем более мы предрасположены его образовывать вновь и вновь, тем меньший повод для этого требуется, тем легче воспроизводятся и все сопутствующие ему чувства. Но, в общем случае, оно слабеет по сравнению с первой его вспышкой. Если это и не всегда так, то потому, что действия, которые его вызывают, становясь более легкими вследствие их частого повторения, или оставляя более глубокие следы вследствие их длительности, повторяются чаще и по все более мелким по- 30 35 40

водам. Если, наконец, вместо того чтобы ослабевать, оно усиливается, следует повторить то, что мы сказали об ощущениях, из которых проистекает всякое желание и в которых оно имплицитно
5 содержится: а именно, что либо вследствие его частоты и длительности приходят в действие другие чувствительные органы, которые вначале не были задействованы, как бывает при усилении какой-либо физической потребности, либо причиной этого эффекта является суждение, которое
10 заставляет нас все больше страдать от неудовлетворенности желания.

Вот, по моему мнению, точное и доскональное описание воздействий, которые частое повторение или длительность выполнения оказывают на
15 наши движения, как те, которые состоят лишь в перемещении какой-либо части тела, так и те, которые порождают различные виды восприятий и умственных действий. Оно основано на внимательных наблюдениях; и поскольку, тщательно
20 разбираясь в обстоятельствах, мы указывали различные действующие факторы, из которых одни призваны объяснить один результат, а другие — другой, ему противоположный, вы не убеждены,
25 молодые люди, не был ли этот анализ искусственно приспособлен к фактам. Но тогда вас не должны удовлетворять и объяснения физика, который говорит: дым в пустоте опускается вниз, а в воздухе поднимается вверх, причиной того и
30 другого является земное притяжение; между тем, он прав. Вам бы хотелось, чтобы он сначала объяснил *a priori*, почему притяжение заставляет тяжелое тело опускаться, и чтобы я показал вам механические и химические причины, в силу
35 которых наши движения, как ощутимые, так и неощутимые, выполняются тем или иным образом и порождают тот или иной оттенок восприятия. Без сомнения, такое объяснение было бы лучше, однако ни он, ни я его не имеем: все, что мы можем,
40 это исследовать различные способы существо-

вания вещей и выводить общие законы, которым они подчинены, т. е. некие устойчивые формы явлений. Если после этого факты всегда оказываются такими, какими они должны быть при условии, что выведенный нами закон верен, это достаточное доказательство; ибо не факты должны подгоняться под изобретенные нами законы, но открываемые нами законы должны соответствовать фактам. Чем меньше этих законов и чем больше фактов они объясняют, т. е. соответствуют им, тем ближе цель: ведь идеалом науки было бы найти одну-единственную причину, порождающую все возможные факты.

Я полагаю, таким образом, общим законом всех наших движений, *что чем больше они повторяются, тем легче и быстрее они выполняются; и что чем они легче и быстрее, тем меньше они нами замечаются, т. е. тем слабее восприятие, которое они нам доставляют, вплоть до его полного исчезновения, при том, что движение продолжает иметь место.* Я полагаю также, что этого единственного наблюдения, если использовать его правильно и с учетом всех тех особенностей, какие оно имеет применительно к каждой из наших способностей, достаточно, чтобы объяснить все без исключения эффекты частого повторения одних и тех же восприятий. Мы только что успешно применили этот принцип к элементарным восприятиям; теперь испытаем его в приложении к восприятиям более сложным, предполагающим, следовательно, и более изощренные привычки. Вот вам еще один случай заметить, насколько полезно и удобно уметь распределять все несметное множество наших идей по немногим их классам, или, лучше сказать, уметь их разлагать на небольшое число элементов, всегда одних и тех же; ведь нам предстоит распознать в модификациях, привнесенных в эти сложные идеи их частым повторением, результаты наложения и взаимодействия тех уже известных частных изменений, которые

оно привносит в каждое из элементарных восприятий.

Не будем скупиться на примеры. Вы видите человека, сохраняющего безмятежный вид в отчаянных обстоятельствах: он скажет вам, что привычен к бедствиям; а бывалый солдат скажет, что привычен к опасности.

Спросите больного, который выказывает столько отвращения к необходимости глотать мерзкую на вкус микстуру, была ли она ему так же противна с самого начала: он вам ответит, что нет, но каждый день пить ее становится все невыносимее. И в то же время, если он мало чувствителен к красоте окрестного пейзажа, он объяснит это тем, что каждый день его видит.

Если кто-то не может вспомнить понадобившееся ему выражение, это потому, что он много раз его слышал и сам употреблял, для него в этом выражении нет ничего примечательного; однако он вам прочтет наизусть длинный пассаж на языке, которого не знает, и не собьется, и тоже скажет: это потому, что он много раз его прослушал и повторил.

Если в разговоре он к месту и не к месту постоянно вставляет в свою речь какое-нибудь слово, то опять по той же причине.

Если иногда вы сами удивляетесь тому, с какой быстротой и точностью без раздумий оперируете числами, вы говорите себе, что это привычка; если вы сами поражены легкостью, с какой комбинируете буквы или ноты и составляете из них предложения или музыкальные фразы, ни секунды не размышляя ни о значении каждого отдельного знака, ни об их взаимных отношениях, и даже думая при этом о чем-то другом, вы опять же говорите, что это привычка.

Если вы предложили человеку принять участие в каком-либо начинании, и он тут же указал вам возможности, которых вы не замечали, хотя много об этом деле думали, а он еще не думал о

нем и минуты, он вам скажет, что это лишь результат привычки к подобным делам; если он немедленно распознает множество красот или изъянов в поэтическом, музыкальном или живописном произведении, он даст то же объяснение.

Если вы видите его сильно растроганным каким-либо знаком внимания, будьте уверены, что он имеет привычку к нежным чувствам; если же он вовсе не замечает предупредительности окружающих, это потому, что он ею избалован, слишком к ней привычен, и она его не трогает.

Напротив, если он бурно возмущается даже самой незначительной несправедливостью, или почти нечувствителен к самой черной измене, для того и другого можно предположить одну и ту же причину, а именно, что он часто сталкивался с непорядочностью людей; эта привычка ожидать от них подлостей его либо озлобляет, либо делает равнодушным.

Возьмем примеры другого рода. Посмотрите на клавесиниста, танцора, берейтора, учителя фехтования: они совершают весьма сложные движения, выполняя их с легкостью и очень точно по своему желанию, не воспринимая в то же время множество отдельных промежуточных желаний, которые они должны, однако, образовать и осуществить по ходу дела, чтобы достичь результата; двое последних к тому же с необычайной быстротой и пронизательностью выносят суждения о малейших движениях своей лошади или своего противника, даже их предугадывают, и тут же выводят из них следствия весьма отдаленные и сложные, коим противодействуют заранее, безошибочно и с восхитительным мастерством; все это — благодаря привычке.

Однако если человек постоянно повторяет какой-либо жест, ничего не выражающий и бесполезный, если он все время совершает движение, по видимости произвольное, конвульсивное, одним словом, если у него так называемый *тик*,

5

10

15

20

25

30

35

40

то это тоже в большинстве случаев результат привычки.

Наконец, если человеку приелась и опротивела связь с женщиной, которая составляла его счастье, то именно привычка разрушила очарование; и в то же время, если пристрастие к чему-либо его полностью поработило, так что ради удовлетворения этой своей прихоти он жертвует всем и действует даже вопреки собственному разуму, вполне сознавая, что он неправ, то именно привычка создала у него неодолимую потребность в этом ощущении или этом удовольствии.

Теперь примеров привычек у нас вполне достаточно; можно было бы привести их еще тысячу, но эти я отобрал не случайно: они, на первый взгляд, ничем не похожи друг на друга, и многие даже кажутся диаметрально противоположными. Вы здесь видите, как различные виды ощущений притупляются или обостряются; память слабеет или усиливается сверх обычного; движения, правда, во всех случаях становятся очень легкими, однако они то полностью подчинены воле, то полностью произвольны; суждения необычайно точны и изошренны, но так незаметны, что в них даже не отдают отчета; воля принимает то одно направление, то прямо противоположное, иногда без всяких видимых мотивов, а иногда и вопреки вполне очевидным мотивам.

Тем не менее, совершенно справедливо говорят, что все это различные привычки, т. е. различные формы жизни, порожденные частым повторением определенных действий; однако следует признать, что когда не входят в дальнейшие подробности и ограничиваются этим общим объяснением, оно не слишком удовлетворительно, и из него совсем не ясно, как одна и та же причина могла привести к столь разным и даже противоположным результатам. Напротив, если вы сопоставите эти сложные явления с нашими наблюдениями за свойствами внутренних и внешних движений,

как чисто моторных, так и порождающих восприятия, а также проистекающими из них следствиями, при упражнении каждой из наших элементарных умственных способностей проявляющимися особенным образом, то вы без труда разберетесь в ближайших причинах всех указанных эффектов; достаточно уделить внимание тому, что часто повторяемые движения становятся *легкими, быстрыми и менее ощутимыми*, чтобы стало понятным происхождение любого из этих феноменов.

Возьмем один из тех примеров, которые кажутся наиболее непостижимыми. Человек, захваченный какой-либо пагубной страстью, которая всецело над ним господствует, ясно осознает свое положение и не может его изменить, хотя это зависит только от его воли. Удовольствуемся ли мы, подобно большинству, неопределенным замечанием, что такова сила привычки? Это верно, но не объясняет ничего. Предположим ли мы, вслед за многими философами, что человек этот раздираем двумя принципами, ведущими между собою вечную войну, Ормуздом и Ариманом? Или что он имеет две души: одну вожделирующую, другую более разумную и чистую? Или что он, как говорится, следует велениям то плоти, то духа? Вы, несомненно, ощущаете пустоту и негодность всех этих претенциозных объяснений, которые только заново описывают, причем крайне неудачно, само наблюдаемое и требующее объяснения явление. Итак, приступим к делу: мы заметим, что этот человек напряженно предается рефлексии и выносит некоторые разумные суждения, которые воспринимает отчетливо именно потому, что делает это с трудом; но в то же самое время он успевает вынести еще множество других суждений, которые едва замечает или даже не воспринимает вовсе, потому что они для него вполне обычные, и которые, по этой самой причине, пробуждая массу связанных с ними впечатлений, увлекают его волю в противоположном направлении.

5

10

15

20

25

30

35

40

Подобное положение вещей заставило одну весьма умную женщину сказать: *разум все проясняет, и это ни к чему не ведет*; добавим: *если установления, ему противные, уже стали привычными*.
 5 Расширенная таким образом максима не только часто верна, но и объясняет многое из того, что кажется загадочным и парадоксальным; а еще она учит нас, как важно привыкать всегда судить точно. В этом только и заключается все
 10 нравственное воспитание, будь то воспитание взрослых или детей.

Вот еще один феномен, который хорошо иллюстрирует и дополняет наше объяснение. Луна кажется больше над горизонтом, чем в зените,
 15 хотя благодаря рефракции и дистанции она в действительности образует для нашего глаза угол даже несколько меньший; причина иллюзии в том, что многочисленные земные объекты, расположенные между луной и нами, заставляют нас вы-
 20 нести суждение, что она далеко, и мы думаем, сами не замечая того, что тело, которое столь удалено от нас и лучи от которого образуют столь большой угол, должно быть большим. Сколько бы нам ни доказывали, что луна в первом случае не
 25 больше, чем во втором, иллюзия все равно сохраняется: это потому, что привычка судить о величине объекта с учетом предполагаемого расстояния до него, а об этом расстоянии — по количеству вещей, помещающихся между нами и объектом,
 30 глубоко укоренилась; она-то и влияет на результаты суждения. Чтобы убедиться в этом, сверните бумагу в рулон и через него посмотрите на луну над горизонтом так, чтобы в поле зрения не попадали никакие другие объекты: вы сразу увидите ее
 35 маленькой, в то время как моментом раньше вы готовы были принять ее за пламя пожара, как это иногда бывает при восходе луны, когда она кажется гораздо больше, чем обычно.

Напротив, я вижу вдали некий неподвижный
 40 объект на крыше; прикинув разделяющее нас рас-

стояние, я оцениваю его высоту в два фута; но тут объект начинает двигаться, и я понимаю, что это человек. В тот же миг мое восприятие изменяется, теперь я вижу, что это человек около пяти футов ростом, точно так же, как, несмотря на сокращение углов, я его вижу всегда одного роста, независимо от того, стоит ли он в десяти футах от меня или в двадцати. Причина проста: суждение, что человек в среднем имеет рост пять футов, для нас еще более привычно и больше на нас влияет, чем суждение, которое выводит величину объекта из предполагаемого расстояния до него.

Если бы мы имели дело с луной так же часто, как с людьми, и ее средняя угловая величина была нам известна так же хорошо, как средний рост человека, я не сомневаюсь, что это привело бы к тому же следствию: вместо того, чтобы видеть ее, как мы это делаем, разной величины при одном и том же угле (или даже большей при несколько меньшем в действительности угле), мы бы впали в противоположную крайность, т. е. видели ее всегда одинаковой, хотя бы истинные углы зрения заметно различались.

По той же причине, когда мы находимся в лодке, плывущей по реке, нам кажется, что движутся берега. Иллюзию лишь на короткое время разрушают внимание, которое мы специально этому уделяем, или толчок лодки, задевшей за подводный камень: он заставляет нас заметить, что это мы передвигаемся, и мы немедленно видим берега неподвижными; и тут же они снова кажутся нам движущимися, потому что нам в высшей степени привычно суждение, что когда мы видим движение, не ощущая его, движемся не мы.

Во всех этих случаях имеется конфликт одновременных суждений, одни из которых мы воспринимаем, другие нет, потому что они слишком привычны, причем именно эти последние зачастую излишни, неуместны и вводят в заблуждение. Вот вам картина битвы наших страстей с на-

5

10

15

20

25

30

35

40

шим разумом, и она подтверждает, что мы верно уловили, каким образом следует рассматривать все эти явления.

Правда, чтобы принять такой способ их рас-
5 смотра, нужно примириться с допущением, что в нас постоянно происходит неисчислимое множество движений, и что в каждый момент од-
10 новременно выполняется невероятное количество умственных действий, которых мы даже не осознаем. Это предположение поражает вообра-
15 жение, оно нас устрашает; однако, молодые люди, следует приучить к нему ваш разум, ибо факты свидетельствуют, что оно истинно. Действительно, вы не можете сомневаться в быстроте и поистине чудесной слаженности всех тех сложных
20 движений, которые поддерживают вашу жизнь, равно как и тех, которые вы освоили, упражняясь в каком-либо деле.

Поразмышляйте о том, что происходит, когда
20 вы читаете книгу; несомненно, когда вы учились читать, нужно было, чтобы вы отчетливо осознали начертание каждой буквы и изолированный звук, который она представляет, а также способ
25 их связи и правила их сочетания между собой для образования слогов и слов; когда же вы учили язык, на котором написана эта книга, вы должны были прилагать большие усилия, чтобы усвоить
30 значение каждого слова и всех тех грамматических и орфографических знаков, которые выражают их отношения в предложении. И вот теперь вы читаете книгу быстро и легко, и думаете, что вас
35 занимает только ее содержание; невозможно, однако, чтобы все те бесчисленные суждения, которые когда-то давались вам с таким трудом, не производились по-прежнему в вашей голове незаметно для вас; невозможно также, чтобы каждое
40 слово книги выражало для вас некую сложную идею, не пробуждая при этом множество элементарных идей, ее составляющих. Наконец, вы не могли бы составить никакого мнения ни о спосо-

бе, каким трактуется в этой книге ее предмет, ни о сложности ее замысла и композиции, ни о достоинствах стиля, если бы во время чтения она последовательно не воскрешала для вас массу уже известных вам сведений и систем идей; несомненно, вы этого по большей части не замечаете, но поскольку это необходимо, следует признать, что это происходит нечувствительно для вас. Все эти движения и умственные действия зависят друг от друга, каждое с необходимостью предполагает предыдущее, и если хотя бы одно пропущено, вся их цепь разрывается; нужно, таким образом, чтобы они все без исключения были вами выполнены, хотя вы их и не воспринимаете в строгом значении этого слова.

То же самое относится к человеку, который излагает свои идеи на бумаге, в противном случае он не смог бы выразить последовательно никакой мысли; при этом еще требуется, чтобы выполнялись все умственные действия, необходимые для управления пальцами, в которых он держит перо.

Нам трудно освоиться с мыслью об этих удивительных явлениях природы, но это не причина их отвергать вопреки всем доказательствам их реальности. Кто из нас способен представить ничтожно малый размер капель флюида, который циркулирует в нервах насекомого, или тех крошечных пахучих частиц, которые тело испускает непрерывно на протяжении многих лет, постоянно насыщая ими большое пространство вокруг себя и не теряя при этом никакой сколько-нибудь заметной части своей массы? Кто в состоянии вообразить бесчисленное множество лучей, исходящих во всех направлениях из каждой точки светящегося тела? И кто может постичь невероятную подвижность и легкость молекул света, этой тончайшей материи, которая распространяется сколь угодно далеко, не создавая ни малейшего препятствия движению тел? Тем не менее, никто не пытается отрицать эти факты, потому что они

5

10

15

20

25

30

35

40

твердо установлены и подтверждены многочисленными исследованиями, и потому что, повторим еще раз, каким бы непостижимым ни казалось нам то или иное положение вещей, это не
 5 основание отказываться признавать его реальность, когда она доказана. Мы всегда можем и должны отрицать явно невозможное, но явно невозможно лишь то, что содержит противоречие; что же касается явлений удивительных, то все
 10 удивительно в этом мире, который мы так плохо знаем и для познания которого располагаем лишь очень слабыми средствами*⁵¹.

Таким образом, ничто не мешает нам заключить, что человек устроен еще сложнее и восхитительнее, чем мы думали до сих пор; что в нем происходит в тысячи и тысячи раз больше различных
 15 событий, чем можно обнаружить при поверхностном наблюдении; что ему самому известны лишь немногие и наиболее грубые эффекты его организации**, в то время как бесконечное множество других ускользает от его восприятия; что, наконец, то свойство, которое он замечает во всех своих движениях и умственных действиях, а именно их свойство *становиться более быстрыми, более
 20 легкими и менее ощутимыми по мере их повторе-*

* Я не могу отказать себе в удовольствии привести здесь поразительный пример того, что с первого взгляда кажется невысказанным, но после тщательных исследований оказывается весьма вероятным. Можно ли вообразить что-либо более удивительное, чем предположение, что даже самые плотные на Земле тела состоят в основном из пустоты, что образующие их молекулы так же удалены друг от друга, по отношению к их размерам, как и звезды, из которых состоят туманности? И все же один из наших величайших геометров не находит никаких причин отвергать это предположение, зато видит множество доводов, говорящих в его пользу. См. «Изложение системы мира» г-на Лапласа, страница 287 издания ин-квартио. Если бы мы всегда держались того, что кажется правдоподобным сначала, то никогда бы не обнаружили и движения Земли.

** Положение в идеологии сегодня такое же, как в химии в период ее обновления: до этого времени существовали лишь грубые и приблизительные знания об анализируемых ею предметах, а все тонкости ускользали от наблюдения.

ния, свойство несомненное и доказанное, может развиваться до чрезвычайной степени, и что оно и есть причина всех тех явлений, которые нам знакомы под именем привычки.

Предлагаемый мною способ их рассмотрения хотя и не объясняет, но позволяет наблюдать с несколько меньшим недоумением и несколько большим пониманием так называемые инстинктивные детерминации, т. е. необычные способности, присущие некоторым животным, которые от рождения могут производить действия, требующие, казалось бы, осуществления большого числа комбинаций идей и даже наличия некоторых приобретенных знаний. Будем ли мы рассматривать эти явления как механические и химические эффекты неких неизвестных нам физиологических процессов или как результаты умственных действий, выполняемых этими животными с первого же момента их жизни с такой быстротой, которая у нас вырабатывается только после многократного их повторения, в обоих случаях они не более удивительны, чем все то, что мы только что наблюдали в нас; между инстинктом и привычкой имеется определенное сходство, и аналогия ведет нас к предположению, что частота движений нервного флюида иногда может быть еще большей и, возможно, не уступает той невообразимой скорости, с какой распространяется свет. Вот еще одно подтверждение, что отнюдь не редкости и диковины, но, напротив, самые обычные и часто встречающиеся явления заслуживают внимательного изучения, ибо они дают ключ к пониманию явлений редких и исключительных.

Заметьте, однако, молодые люди, что, пусть эти размышления и должны несколько уменьшить ваше восхищение поразительными фактами, которые следуют немедленно за рождением некоторых животных, я отнюдь не призываю вас пренебрегать ими: некоторые из них, вполне достоверные и несомненно имеющие место, очень

интересны и необычны, хотя многие другие, о которых рассказывают со слов древних авторов, стоило бы попытаться понаблюдать заново и подвергнуть их более строгому исследованию, которое, быть может, снимет впечатление необъяснимого чуда и прояснит их природу; это принесло бы большую пользу науке, которой мы занимаемся. Так или иначе, я не намерен здесь развивать сравнительную идеологию, а хочу лишь утвердить на прочном основании идеологию человека, другие вопросы увели бы меня как за пределы круга моих познаний, так и от моего непосредственного предмета; впрочем, я надеюсь, что один ученый профессор, обладающий необходимыми знаниями и выдающейся силой разума, в скором времени исполнит в этом отношении надежды, которые он нам дал*⁵².

Возвращаясь к нашей теме, согласимся, что движения и умственные действия становятся тем более частыми, более легкими и менее ощутимыми, чем чаще они повторяются: вот источник как наших достижений, так и наших ошибок. Нужно теперь изучить те и другие.

* Г-н Драпарно, профессор всеобщей грамматики в центральной школе департамента Эро. Как жаль, что вместо того, чтобы сообщить об исполнении этих надежд, приходится скорбеть о преждевременной смерти столь незаурядного человека. Это большое несчастье для науки. (*Примечание ко второму изданию.*)

Глава XV

О постепенном совершенствовании умственных способностей

Трудно, если не вовсе невозможно, представить такое ощущение, такое существующее в нас и осознаваемое нами впечатление, которое не оставляло бы места сопровождающему его суждению или желанию: хотя бы суждению, что оно приятно или неприятно, и желанию его испытывать или избегать; эти два вида восприятий кажутся, так сказать, неразрывно связанными с ощущением, возникающими из него с необходимостью и почти одновременно с ним самим. 5 10

Но вполне можно вообразить порядок вещей, при котором эти ощущения, суждения или желания не оставляли бы в нас никакого сколько-нибудь устойчивого отпечатка и, промелькнув бесследно, ничего в нас не изменяли: мы после этого были бы точно такими же, как и до того, как их испытали. Тогда мы не имели бы памяти: ведь воспоминание есть эффект некоего расположения, сохраняющегося в наших органах после восприятия, благодаря чему однажды испытанное движение в дальнейшем может воспроизводиться самостоятельно, по меньшей мере частично. Доказательством тому служит факт, что лишь впечатление, уже испытанное, может быть вызвано таким образом. Даже когда мы что-то воображаем, мы не создаем из ничего нечто совершенно новое, а только вспоминаем ранее испытанное, и из этого готового материала формируем новые соче- 15 20 25

5 тания. Память, таким образом, есть ближайший
результат свойства наших органов после какого-
либо преходящего впечатления приобретать по-
стоянную расположенность к соответствующему
движению. Эта способность вспоминать нам со-
вершенно необходима: без нее прошлое не суще-
ствовало бы для нас, любое ощущение было бы
словно первым в нашей жизни и не имело по-
следствий, и прогресс был бы невозможен.

10 Впрочем, он был бы весьма незначительным и
в том случае, если бы опыт использования наших
умственных способностей имел результатом
только возможность вспоминать полученные при
этом впечатления и никак не сказывался на самом
15 применении этих способностей. К счастью, дело
обстоит иначе: мы видели, что все наши движения
становятся и более легкими, и более быстрыми по
мере их частого повторения, и то же самое отно-
сится к действиям ума. Мы уже знаем, что эти
20 быстрота и легкость могут возрастать до неверо-
ятной степени, и имели случай заметить, что вся-
кое действие, которое мы выполняем впервые, ка-
жется трудным, и трудность эта нас же самих
удивляет впоследствии, когда мы к нему привык-
нем, или, как следовало бы говорить, когда наши
25 органы приобретут привычку, следующую из час-
того повторения этого действия. Отсюда мы
должны заключить, что, по крайней мере у людей,
даже если бы индивид рождался с полностью раз-
30 витыми органами, он все равно был бы чрезвычай-
но ограничен умственно и физически, и все его
движения, все его акты мышления были бы мед-
ленными и трудными; это неизбежно, что в начале
жизни наши способности слабы. Мои юные дру-
35 зья, не доверяйте поэтам и тем философам, кото-
рые, подобно поэтам, в своих рассуждениях руко-
водствуются воображением, а не фактами: они
часто очаровывают, но, по существу, лишь сбива-
ют с толку. Детство, этот «золотой возраст»,
40 столь ими восхваляемый, есть в действительности

время мучений, время нашего физического и умственного убожества; и «естественное состояние» человека — это состояние тупости и полной недееспособности*. Что и в самом деле восхищает в человеческой природе, т. е. в нашей физической организации, так это способность к самосовершенствованию, и этого вполне достаточно, чтобы не переставать ею восхищаться; но из рук природы мы выходим не только в совершенном неведении, но еще и наши средства познания пребывают в оцепенении; у нас есть, так сказать, лишь их зародыш, и нужно, чтобы упражнение их выработало, развило, усовершенствовало. Мы, таким образом, целиком и полностью искусственны, мы есть то, что мы из себя сделали, результат нашего собственного труда; мы нынешние так же мало похожи на естественного человека, на нашу первоначальную форму жизни, как дуб похож на жемчужину, а цыпленок на яйцо.

* Однако, как и у всех ошибок и всех болезней человеческого ума, у этого общего предрассудка о счастливом «золотом возрасте» и совершенстве естественного состояния имеется причина, и вот она. Для всякого старика самым лучшим временем, которое ему вспоминается, является его юность; это для него время чудесное, время прекрасных дней и счастья, которое он не устает хвалить. Воспитанный в почтении к своему отцу, который говорил то же самое, он думает, что время юности его отца было еще лучше, а время юности мира было лучшим из всех. Масса людей, в большинстве своем всегда недовольных своей участью, охотно верит в превосходство древних времен, которое тем постоянно приписывают. С другой стороны, известно, что обыкновенно люди более молодые менее мудры; отсюда многие с легкостью заключают, что те времена, когда они сами родились и формировались, были действительно более просвещенными временами, и так приучаются к глупому мнению, что все вырождается, не замечая, что при этом происходит переворачивание идей: ведь если люди более старшего возраста в общем более просвещены, то лишь благодаря преимуществам опыта, и по той же причине времена более просвещены, времена, более близкие к нам, ибо века более ранние действительно являются детством человечества. И так эта ложная идея передается из поколения в поколение, становясь источником неопределенности других идей, от чего внимательное наблюдение за нашими способностями должно нас предохранить.

Итак, мы должны отказаться от мнения, что наши умственные способности всегда были такими же, какими они являются теперь, и что при любых обстоятельствах они достигли бы того же развития; напротив, было бы очень любопытно разобраться, взяв их в том состоянии, в каком мы их обнаруживаем сейчас, что в них привнесено нашим индивидуальным опытом их использования, а чем они обязаны истории совершенствования человеческого рода в целом: попытаемся же это сделать. Различных аспектов, в которых можно рассматривать самих себя, никогда не бывает слишком много, каждый из них позволяет лучше себя узнать.

Единственный способ получить достоверный ответ на наш вопрос состоял бы в наблюдении за людьми, которые никогда не общались с себе подобными, ибо вопросы о факте полностью разрешаются только опытным путем; но в данном случае этот способ недоступен. Человек рождается и существует не в изоляции, само его физической устройство этого не предполагает, он не может в раннем детстве обходиться без посторонней помощи: таким образом, он всегда подвергается воздействию общества, всегда так или иначе причастен тому уровню развития, на котором находилось человечество в момент его рождения. Известны, правда, несколько примеров детей и молодых людей обоих полов, найденных в лесу, где они, по-видимому, провели более или менее длительное время в одиночестве. Один ученый натуралист в небольшой работе, которую он опубликовал по поводу последнего из этих найденных*⁵³, насчитывает одиннадцать подобных случаев, о которых он приводит весьма цен-

* П.-Ж. Боннатерре, профессор естественной истории центральной школы департамента Аверон. См. его «Историческую записку о Дикаре из Аверона и о некоторых других индивидуумах, найденных в лесах в разные эпохи». Париж, издательство вдовы Панкук, VIII год Республики.

ные сведения. Но, с одной стороны, эти индивиды, сколь бы чужды они ни казались любому обществу и человеческому общению, наверняка все-таки пребывали среди людей хотя бы в младенчестве; следовательно, ориентируясь на них, мы неизбежно в каком-то отношении получили бы завышенное представление о той степени умственного развития, которой может достичь человек, изначально и всецело предоставленный самому себе. С другой стороны, было пронизательно замечено*, что почти все эти дети должны были оказаться вне общества либо потерявшись сами в силу своего слабоумия, либо бежав от насилий и издевательств, которые могли повредить их разум, либо будучи сознательно отвергнуты и брошены их семьями, потому что пороки их физической и душевной организации вызывали у родителей желание от них освободиться; в ходе расследования было даже положительно доказано, что некоторые из них действительно остались в одиночестве по одной из этих причин. Следовательно, в других аспектах они могли бы ввести нас в заблуждение, противоположное первому, заставив недооценивать умственные способности изолированного человека. К тому же никто из таких детей до настоящего времени не наблюдался с необходимой тщательностью сразу по его обнаружении. Идеология же является наукой, которая требует наблюдений наиболее скрупулезных и обстоятельных. Мы не можем, таким образом, вывести никакого достаточно определенного заключения на основании этих случаев.

Но если у нас и нет возможности непосредственно узнать, какой именно степени развития достиг бы наш интеллект, располагай он лишь собственными силами, мы легко можем уяснить себе предел, которого он не в состоянии ни преодолеть, ни даже достичь: для этого достаточно

* Г-ном Русселем, физиологом, автором книги «Физическая и моральная система женщины».

бросить взгляд на людей, живущих в наименес цивилизованных обществах. А ведь и самые грубые из дикарей многим обязаны себе подобным: они получили от своих соплеменников множество готовых идей, знаний, традиций и, прежде всего, язык; а мы вскоре увидим, насколько язык, каким бы несовершенным он ни был, полезен и даже необходим для соединения идей. Итак, каждый, кто поразмыслит хоть немного об огромной разнице между усвоением общеизвестного и изобретением нового, особенно для существа, которое не знает еще ничего и не умеет даже толком пользоваться своим разумом, тотчас же почувствует, что при прочих равных условиях человек, не имеющий иной опоры, кроме самого себя, по степени умственного развития остался бы далеко позади самого примитивного дикаря*. Этого несложного размышления достаточно, чтобы ощутить, из какого жалкого состояния вырвалось человечество, и сколько нужно было времени и трудов, чтобы достичь того состояния, где мы его видим теперь: ведь мы постоянно имеем перед глазами примеры чрезвычайной трудности открытия новых истин, кажущихся столь простыми, и сопротивления, с которым масса людей встречает улучшения, кажущиеся не только очень легкими, но даже, так сказать, неизбежными.

Заметьте также, что эта недееспособность человека в его примитивном, или, если угодно, естественном состоянии, заключается не столько даже в ничтожности его познаний, сколько в за-

* Таким образом, не без основания от корня «идио-» со значением «отдельный, самостоятельный», как в словах «идиопатический» или «идиоэлектрический», было образовано слово «идиот» для обозначения человека крайне ограниченного ума; ведь таким и было бы в действительности состояние того, кто не имел бы других идей, кроме своих собственных, т. е. не воспринимал идей себе подобных. Почти таким же было бы состояние глухонемого от рождения, если бы его совсем не учили понимать жесты; но он все-таки видел бы действия других людей, что, по крайней мере, постоянно возбуждало бы его ум.

медленности и трудности выполнения мыслительных актов, по крайней мере тех, которые для него непривычны. Он нуждается только в небольшом их числе, всегда в одних и тех же, а именно тех, которые необходимы для удовлетворения элементарных потребностей. Потребности эти неизменны и воспроизводятся вновь и вновь; те сочетания идей, которые с ними связаны, постоянно повторяются и вскоре начинают составляться очень легко и быстро; не смешиваясь ни с какими другими идеями, они ничем не нарушаются; они прочны и правильны, поскольку основываются не на слухах, домыслах и чужих мнениях, а на собственном опыте индивида, изобретены и многократно проверены им самим, а не приняты на веру со слов других. Зато все остальное остается в полном оцепенении и, следовательно, приводится в действие лишь с чрезвычайным трудом.

Таково первоначальное состояние человека; такое же зрелище являют собой и животные. Почти совершенно лишенные средств осмысленного общения с себе подобными и вынужденные довольствоваться лишь собственными комбинациями идей, изобретательность в отношении которых у них, в отличие от нас, ничем не поддерживается, они достигают, одни быстрее, другие медленнее, но всегда достаточно рано, той степени развития интеллекта, без которой не могли бы выжить; но они почти не идут дальше. Их инстинкт замечателен в равной мере и той быстротой, с какой он формируется, и своего рода совершенством, но также и ограниченностью и неизменностью. Они постоянно поражают нас то своей необычайной пронизательностью, то невероятной тупостью. Разум дикарей, хотя и в другом масштабе, производит схожее впечатление и обладает приблизительно теми же качествами. Часто восхищаются тем, что люди, столь мало просвещенные, создают комбинации идей столь точные, но столь же часто удивляются, что при этом они решительно неспо-

5 собны образовать другие, которые кажутся нам
куда менее трудными. В цивилизованных обще-
ствах тот класс, который поддерживает коммуни-
кации наименее широкие и наименее разнообраз-
ные, являет нам аналогичную картину. Крестьяне
из отдаленных деревень, например, горных, отли-
чаются справедливостью и точностью небольшо-
го числа комбинаций идей, полным неведением
10 множества других и неспособностью создавать
новые. Наконец, нетрудно заметить, что чем бо-
лее человек сколь угодно высокого уровня обра-
зованности и умственного развития замкнут, не-
общителен и обязан своими познаниями только
себе самому, тем более его идеи глубоки и точны,
15 но тем менее они применимы к чему-то еще, кроме
постоянных предметов его размышлений, тем
меньше он способен их изменять и приспособли-
вать к обстоятельствам. Повсюду одни и те же
причины приводят к одинаковым результатам; и
20 общая причина совершенствования человека и
расширения его возможностей заключается в
имеющемся у его органов свойстве усваивать по-
стоянное расположение к движению, вызванному
преходящим впечатлением, и становиться способ-
25 ными совершать очень быстро и очень легко то,
что они сперва выполняли с большим трудом.

Мы не в состоянии постичь начало чего бы то
ни было, и начало человеческого рода — не более,
чем начало мира или любой другой вещи. Может
30 быть, человек есть конфигурация элементов, ко-
торая прошла через медленные и многочисленные
трансформации, прежде чем достичь той высокой
организации, которую мы видим; этого мы знать
не можем. Но в чем мы можем быть уверены, так
35 это в том, что первый человек, даже будь он со-
здан сразу взрослым и так же физически органи-
зованным, как и мы, пребывал бы поначалу в пол-
нейшем неведении, потому что мы знаем ничего,
кроме наших ощущений; и что все его способно-
40 сти находились бы в состоянии ригидности, кото-

рую более или менее быстро изгоняет только их упражнение, ибо нам хорошо известно, что все, что мы делаем впервые, мы выполняем не иначе как с трудом.

Мы твердо знаем также, что если бы он жил в одиночестве, не владея никаким языком и не имея возможности воспользоваться помощью, примером, опытом и знаниями себе подобных, то он всегда оставался бы в состоянии самой грубой дикости.

Но и предполагая первых людей живущими коллективно, как оно неизбежно и было в действительности, мы видим с такой же ясностью, что прогресс на первых порах должен был быть очень медленным, не только потому, что, всецело поглощенные своими простейшими потребностями, они не могли иметь много времени для размышлений, не только потому, что доступные им способы исследования мира были крайне ограничены и неэффективны, но еще и потому, что все наши умственные действия связаны между собой и зависят одно от другого: кто меньше знает, тот и менее способен создать что-то новое, и напротив, достигнув определенной степени осведомленности, начинают производить неограниченное множество комбинаций идей; таким образом, наша предрасположенность к совершенствованию возрастает по мере совершенствования и пропорционально ему, но еще быстрее.

Наконец, можно согласиться, что, если первые шаги человеческого разума медленны и трудны, они хотя бы безошибочны, но вскоре он теряет эту уверенность и оказывается в постоянной опасности запутаться, потому что: 1) поскольку его действия становятся легкими и быстрыми, многие из них перестают восприниматься, и мы уже видели, к чему это приводит; 2) знаки, посредством которых мы представляем идеи и с помощью которых их комбинируем, несмотря на их величайшую пользу, часто бывают причиной

5

10

15

20

25

30

35

40

ошибки, как мы вскоре увидим; 3) когда множество комбинаций, которые в нас составляют, и внутренних движений, которые для этого необходимы, становится поистине неисчислимо, очень трудно добиться, чтобы они не искажали друг друга, и избежать установления между ними ложных связей. Я убежден даже, что это последнее обстоятельство служит одной из причин той общей закономерности, что у наиболее просвещенных наций, в том возрасте, когда наиболее склонны комбинировать идеи, и у представителей класса, более остальных упражняющего свой разум, чаще всего встречаются и случаи умопомешательства, причем наиболее подвержены этому несчастью те, кто жадно предается поиску всевозможных впечатлений; те же, кто привык давать себе подробный отчет в своих мыслях, от такой опасности почти полностью избавлены*.

* Эта мысль внушена мне чтением «Трактата об умопомешательстве», опубликованного г-ном Пинелем: я настоятельно рекомендую его прочесть. Объясняя бред сумасшедших, он выясняет, как они мыслят; он доказывает, что искусство излечения людей, страдающих безумием, ничем не отличается от искусства управлять страстями и мнениями людей здоровых, и заключается в формировании у них привычек. Такие физиологи, как г-н Пинель, продвигают вперед идеологию. Однако ему по праву принадлежит слава не только создателя полезной книги, но также и та, что материалы для нее собраны в ходе многих совершенных им добрых дел. К тому же я с удовлетворением увидел, что явления, которые он описывает с величайшим совершенством, подтверждают правильность моего способа рассмотрения способности мыслить и в идеологическом отношении гораздо лучше объясняются с его помощью, чем с помощью тех, которые были в употреблении до настоящего времени.

Все люди начинают с младенческого идиотизма, а заканчивают старческим слабоумием, в промежутке же между ними более или менее безумны, в зависимости от того, насколько существенны те искажения интеллектуальных операций, которые стали для них глубоко привычными.

Гуманное обращение, которое г-н Пинель использует для излечения запутавшихся умов, есть, собственно говоря, точная инверсия приемов ораторского искусства, предназначенных для того, чтобы потрясти воображение слушателей, возбудить и увлечь их.

На этом сейчас остановимся. Показав, каково первоначальное состояние человеческого ума и в чем заключается его развитие к настоящему времени, я не буду пока рассматривать вопрос, чего он может достичь в будущем. К обсуждению этой темы мы обратимся впоследствии, в конце логической части данного труда: ведь чтобы убедить вас, что наша способность мыслить может совершенствоваться безгранично, нужно сперва объяснить, как ей удастся открывать несомненные истины, и продемонстрировать, что в любых разысканиях истины используются одни и те же приемы мышления. Пока же, молодые люди, я подозреваю, что вы едва ли могли как следует понять то, что я выше говорил о знаках, посредством которых мы представляем идеи, и мне следовало бы сперва объяснить, почему я придаю такую важность их преимуществам и их неудобствам. Однако те размышления о прогрессе наших способностей, которые мы сейчас предприняли, столь естественно следуют из предыдущих, о частоте повторения наших действий, что я не должен был их разделять. Теперь я вернусь к знакам наших идей; и когда я объясню их происхождение, применение и свойства, способ, каким мы образуем идеи, будет нами рассмотрен всесторонне, и первая часть нашего курса будет завершена.

Глава XVI

О знаках идей и о том, как они действуют

Молодые люди, все вы знаете, что слова, которые мы произносим, суть знаки наших идей и имеют ценность лишь благодаря тому отношению, в котором они состоят с идеями; без этого они были бы только пустым звуком. Набор слов, которым пользуется какая-либо нация, составляет то, что называют языком; и во всей человеческой цивилизации нет ни одного сообщества людей, которое не имело бы более или менее развитого языка такого рода.

Без сомнения, именно это последнее наблюдение, в сочетании с неспособностью постичь, каким образом люди могли бы приступить к созданию языков и достичь в этом такого совершенства, привело Руссо к убеждению, что язык не мог быть человеческим изобретением и что для возникновения языков необходимо было божественное вмешательство, т. е. проявление силы, превосходящей человеческую⁵⁴. Подобная идея, исходящая от человека столь выдающихся заслуг, как философ из Женевы, показывает, что, хотя к тому времени многое уже было открыто Локком⁵⁵ и Кондильяком, истинная теория языков, равно как и теория наших интеллектуальных операций, оставалась все еще недостаточно разработанной — и такое ее состояние в сороковые годы нашего века поистине заслуживает удивления. Примите во внимание, что уже два тысячелетия существует во всем своем великолепии язык самый прекрасный, по мнению знатоков, а именно греческий; что

множество риториков, метафизиков, грамматиков с помощью письменности создали ученые труды, исполненные пронизательности; что искусство изъясняться в прозе и в стихах было явлено неоднократно, в различные времена и в различных странах, и с такою степенью совершенства, которую, быть может, уже никогда не удастся превзойти; наконец, что сам Руссо зачастую дает образцы восхитительного красноречия. Возможно ли более убедительное доказательство того, что в практическом своем воплощении то или иное искусство может уже вознестись к высочайшим вершинам, хотя теория его еще полностью неизвестна; и не тот же ли самый феномен мы постоянно встречаем, рассматривая человеческий разум во всех разветвлениях его многообразных знаний?

Действительно, человек начинает всегда с наблюдения за фактами; движимый своими нуждами, он прежде всего выясняет практическое значение этих фактов, он их варьирует, изменяет, комбинирует, производит с ними тысячи замысловатых действий, в этом и заключается искусство; и он наслаждается долгое время своими успехами, прежде чем приходит к мысли сопоставить эти основные факты друг с другом, сравнить их, изучить их отношения между собой, открыть в них устойчивые законы, и взойти с их помощью к немногим основополагающим фактам, по отношению к которым все другие суть лишь следствия. В этом состоит теория; и нужно иметь досуг, чтобы ею заниматься, ибо теория, давая большие преимущества в будущем, вовсе не заботится о нуждах настоящего момента. Часто полезные плоды, которые она может принести, невозможно предвидеть заранее, пока теория еще не создана; об этом догадываются только тогда, когда открытие сделано, а иногда даже долгое время спустя.

Так, например, человек замечает, что дерево держится на воде; он использует это, чтобы успешно сделать плот, каноэ, чтобы выйти в море,

5 совершать дальние плавания, заниматься рыболовством: он уже будет иметь хорошо сконструированный корабль, он уже вытянет из своего наблюдения тысячу полезных изобретений, прежде чем свяжет первый факт с другими, прежде чем поймет, что та же самая причина заставляет капли дождя падать вниз, а дым — подниматься вверх; прежде чем он, наконец, откроет основные законы гидростатики.

10 То же самое с передвижением тяжестей: он легко вспоминает, что с помощью палки, использованной определенным образом, он переместил массы, которые, прикладывая все свои силы непосредственно к ним, не мог бы даже раскатать.

15 Он преобразует эту палку в рычаг и придумывает сотни способов использования новой силы, прежде чем откроет аналогию и связь этого факта с силой удара движущихся тел и поднимется затем до основных принципов механики. К тому же он и

20 не мог бы это сделать, не имея совершенных средств наблюдения, исчисления, методов размышления, т. е. не делая множества других открытий в совершенно различных областях.

25 Так и в случае, который нас сейчас занимает. Человек сначала кричит — быть может, даже без всякого намерения; он замечает, что его крик слышит ему подобный, что крик привлекает внимание и дает представление о том, что с ним происходит; он повторяет этот звук громче, специально, чтобы его услышали; вскоре он производит

30 другой крик, с иным выражением; он старается их разнообразить, издавая крики более четкие, более подробные, более определенные; он изменяет эти крики с помощью артикуляции; крики становятся словами, которые он различным образом

35 изменяет, чтобы выявить их взаимосвязь друг с другом; он формирует из них фразы, строение которых изменяется в соответствии с обстоятельствами, потребностями, преследуемой целью,

40 чувством, которое воодушевляет говорящего: вот

язык. Снова и снова наблюдая за эффектами этого языка, постепенно достигают способности выражать идеи самые глубокие, вызывать чувства самые пылкие и доставлять удовольствия самые утонченные; ему предписывают также правила; однако еще не пытаются разобраться ни в его принципах, ни в причинах сходства тех различных форм, которые этот язык может принимать, ни в основных законах, которые им управляют, ни в том, как он воздействует на наш разум, ни в теории образования идей, возникающих как у говорящего, так и у слушающего.

То же самое мы можем сказать и об искусстве рассуждения, столь близком искусству речи. Вот уже сколько времени люди рассуждают, и часто превосходно, даже не пытаясь подняться до уяснения природы достоверности, не имея никакой цельной теории искусства достигать достоверности; такая теория родилась только в наши дни, и она все еще не является ни завершенной, ни без- ошибочной.

Итак, совершенно естественно, что практика часто очень значительно опережает появление хорошей теории: это и не может быть иначе, т. к. приступить к сравнению идей можно лишь тогда, когда они уже известны, а обнаружить общий закон, который правит фактами, можно лишь после того, как они сопоставлены друг с другом. Этим и объясняется, почему наука, которой мы занимаемся, наука о формировании идей, является столь новой и неразработанной; поскольку она представляет собой теорию теорий⁵⁶, она и должна была родиться последней. Но отсюда вовсе не следует, что теории вообще, и идеология в частности, бесполезны; они служат для того, чтобы исправлять и совершенствовать различные знания, чтобы сопоставить их друг с другом, связать их основные принципы между собой и, наконец, познав их общую природу, объединить все имеющиеся человеческие знания. Однако вернемся к

знакам наших идей, без исследования которых нам никогда не достичь подобного прогресса.

5 Как мы уже говорили, слова, которые мы используем, суть знаки наших идей; их совокупность образует язык; и все известные нации имеют язык подобного рода. Говоря «язык подобного рода», мы имеем в виду язык звуковой. Его повсеместное распространение доказывает единодушие людей в том, что из всех доступных им
10 средств коммуникации с себе подобными именно голосовой орган является тем средством, которое предоставляет наибольшие ресурсы для выражения всего, что с ними происходит, равно как и в том, что еще один орган, а именно слуховой, есть
15 то средство, посредством которого можно с наибольшим успехом вызывать в себе подобных разнообразные и сложные впечатления. Сама наша физическая организация предопределяет и оправдывает предпочтение, отдаваемое звуку; но мы
20 можем также пользоваться и иными знаками. Например, жестами, определенными позами, производимыми движениями мы передаем некоторый смысл, используя зрительную способность себе подобных; прикосновением мы можем обратиться к их осязанию. Только чувства вкуса и обоняния почти не используются нами для этой цели; если бы условились соединить определенные идеи с конкретным, точно определенным запахом или
25 вкусом, они тоже могли бы стать особого рода знаками. Все то, что представляет наши идеи, есть знак; и всякая система знаков есть язык, если взять это слово в родовом, а не в специфическом смысле: так, принято говорить «язык иероглифов», «язык действий или жестов» или даже
30 «язык глухонемых», абстрагируясь от того факта, что слово «язык» происходит от названия органа речи.

Итак, мы будем рассматривать как самые настоящие языки все те системы жестов, средством которых различные пантомимы и немые
40

сценки способны выражать не только конкретные чувства, но даже идеи весьма абстрактные. Жесты комедиантов и ораторов, а также людей малообразованных суть язык, т. к. эти жесты нужны им для того, чтобы выразить свою мысль; но это такой язык, который является дополнением к звуковому языку и модифицирует его, выражая иногда совсем другое, и даже прямо противоположное тому, что при этом говорится⁵⁷.

Множество систем так называемых телеграфических движений, т. е. сигналов, которые используются на флотах или в армиях, а также в некоторых других случаях, составляют еще один пример более или менее богатых и хорошо воспринимаемых языков, т. к. это тоже совокупности знаков, представляющих те идеи, с которыми их договорились связывать, и передающих их точно так же, как это могли бы сделать слова.

Живопись и все виды рисунков представляют другой класс языков, особенно в тех случаях, когда их используют так, как это делали мексиканцы, летописи которых были последовательностью картин, представляющих различные события, или как это делают наши архитекторы, натуралисты и геометры. Ибо чем является план, рисунок или геометрическая фигура, если не сокращенным описанием памятника, местности, животного или определенной комбинации линий и поверхностей; описанием, которое заменяет длинную последовательность слов и выполняет абсолютно ту же задачу?

Иероглифы, символы, эмблемы, геральдические фигуры etc. etc. — также языки или фрагменты языков того же рода; это более или менее искаженные картинки, значение которых было перенесено с буквального смысла изображаемого ими на смысл фигуральный. Когда я рисую колос, чтобы выразить идею изобилия, или петуха, чтобы изобразить идею бдительности — разве это не то же самое, как если бы я произнес слова «изоби-

5

10

15

20

25

30

35

40

5 лие», «бдительность»? И то, как я в данном случае
использую фигуры петуха или колоса, чтобы пе-
передать другую идею, которую данные изображе-
ния естественным образом раскрывают — разве
не так же мы используем слова, когда говорим о
человеке, что он «петух в своей деревне», имея в
виду, что возле него образуется круг сторонников
или поклонников?

10 Молодые люди, попутно обратите внимание,
что наша привязанность к использованию симво-
лов и эмблем — наследие тех грубых времен, ког-
да еще не умели изображать слова сами по себе;
она может быть также результатом дурного вку-
са, который обращает нас к метафорам и аллего-
15 риям — того извращенного вкуса, который часто
уводит нас от точности рассуждения, как я вам
это продемонстрирую, когда мы будем изучать
логику. Всегда стремитесь высказать свою мысль
настолько просто, насколько это возможно; в то
20 же время необходимо, чтобы она была выражена
с наибольшей точностью*. Но продолжим.

Мы должны также поместить в эту группу
языков весьма развитую и сложную письменность
китайцев, японцев и некоторых других народов,
25 населяющих пределы Азии, ибо это самые насто-
ящие иероглифы, хотя и выродившиеся: их пись-
мена изображают непосредственно идеи, которые
с ними связаны, как во всякой картине или рисун-
ке; таким образом, это знаки, совокупность кото-
30 рых образует язык.

Заметьте, что нельзя сказать то же самое об
алфавите и о буквах алфавита; они совсем не изоб-
ражают идеи, или, по крайней мере, не изобража-
ют их непосредственно — непосредственно они

* Однако не думайте, что тем самым я осуждаю всякую ри-
торическую фигуру; удачно выражая с помощью такой фигуры
некую общую идею, придают этой идее новую силу, оживляя дру-
гие идеи, более или менее связанные с первой. Об этом мы пого-
ворим подробнее, когда перейдем к рассмотрению грамматичес-
ких и риторических фигур.

изображают звуки, и именно со звуками связаны идеи, а не с представляющими эти звуки буквами. Это подтверждается тем, что один и тот же набор букв может выражать одну идею в одном языке и совсем другую — в другом; следовательно, они не являются знаками в собственном смысле слова, и алфавит вовсе не есть язык, но только письменность, общая для многих звуковых языков. Вот почему буквы алфавита так малочисленны: ведь от них требуется лишь передавать интонации и артикуляции человеческого голоса. Напротив, количество китайских письменных знаков должно равняться количеству наших слов, поскольку и те, и другие знаки выражают каждый отдельную идею, и двумя этими способами нужно выражать одно и то же количество имеющихся идей. Впрочем, это мы покажем более развернуто, когда будем говорить о письме и об орфографии. Продолжим перечисление различных видов языков.

Алгебраические цифры и буквы образуют еще один язык, или фрагмент языка, той же самой природы, что и те, о которых мы только что говорили. Действительно, цифры не изображают звуки имени, которое они носят в звуковых языках; они представляют непосредственно ту идею количества, которую выражает это имя; они выражают ее так же, как выражает ее и само это слово. Хотя алгебра использует буквы алфавита, они присутствуют в ней не как буквы, но как знаки. А не представляет звук a , но лишь идею известного количества, величина которого, однако, не имеет значения; x не представляет звук x , но идею неизвестного количества; и ax не представляет звук ax , но идею этих двух количеств, умноженных одно на другое, и т. д. Таким образом, алгебраические цифры и буквы — непосредственные знаки идей, и арифметика и алгебра образуют такой язык или фрагмент языка, который обращен к зрению. Правда, будучи произносимыми вслух, алгебраические символы обращены к слуху; но

этот результат достигается только благодаря
 своеобразному переводу, а не в процессе обычно-
 го чтения. Поэтому недостаточно просто уметь
 читать, чтобы прочесть алгебраическое уравне-
 5 ние, т. к. звуки слов, которые должны быть произ-
 несены, в этом случае совсем не выявляются сово-
 купностью букв, а то, что алгебра вообще к ним
 прибегает — не более чем случайность. Алгебра
 10 осталась бы той же самой, если бы вместо алфа-
 витных букв использовались условные фигуры,
 которым тогда должны были бы дать какое-ни-
 будь имя, чтобы переводить их в звуковой язык.

Наконец, можно рассматривать в качестве
 языков, обращенных к тактильному чувству, или в
 15 качестве фрагментов таких языков, комплекс не-
 которых согласованных прикосновений, посред-
 ством которых сообщаются различные идеи —
 так, как это делают франкмасоны и другие мисти-
 ческие ассоциации, или дети в своих играх.

20 Вы, молодые люди, быть может, сочтете, что я
 совершил насилие над общепринятым употребле-
 нием слова «язык», распространив его на системы
 знаков столь различные; что ж, я не призываю вас
 непременно следовать за мной в этом пункте. До-
 25 статочно того, что вы чувствуете: поступая так, я
 исходил из сходства их функционирования, и, сле-
 довательно, это правильно в теоретическом отно-
 шении, что одно лишь и важно. В практической же
 сфере нужно следовать обычаю, пока исправление
 30 идей не изменит сам обычай. Как бы то ни было,
 если вы теперь присоедините к нашему длинному
 списку звуковые языки, вы получите хотя и не
 полное перечисление всех систем знаков, которы-
 ми люди пользуются или могут пользоваться, что-
 35 бы представить идеи, — ибо количество таких сис-
 тем безгранично, — но примеры всех родов, к ко-
 торым можно свести эти различные системы.

Теперь заметьте, прошу вас, что рассмотрен-
 ные нами языки, или по крайней мере большинст-
 40 во их элементов, совершенно условны⁵⁸; ибо сама

живопись, даже если представить наивысшее ее развитие, когда она сможет подражать природе столь совершенным образом, что лучшего не останется и желать, все равно будет давать нам только точную и полную идею представляемой ею вещи, но не сможет непосредственно изобразить впечатление, которое производит на вас эта вещь, или те мотивы, которые вас побуждают ее изображать; одним словом, живопись, как и другие языки, не могла бы иначе выразить то, что происходит в вас, чем при помощи некоторых условных знаков. Однако два человека не могут о чем-либо условиться, достичь соглашения, не имея уже опыта взаимопонимания; итак, мы вынуждены теперь поправить самих себя и добавить, что еще до всякого языка у нас должно быть средство понять друг друга; и это средство не может быть ничем иным, как только одним из проявлений самого нашего естества, необходимым следствием нашей физической организации. Так оно и происходит, как мы сейчас увидим.

Действительно, чтобы достичь какой-либо нужной нам вещи, необходимо протянуть к ней руку, если эта вещь находится рядом, либо подойти или подбежать к ней, если она далеко. Когда мы испытываем потребность в отдыхе, мы вынуждены сесть или лечь; боль заставляет нас кричать; радость или удивление вызывают у нас разнообразные реакции; мы с размаху ударяем то, что нас раздражает, нежно гладим то, что нам нравится, и осторожно касаемся того, что хотим сберечь. Каждый человек имеет собственный опыт такого рода действий, и потому, наблюдая за поведением себе подобных, может догадываться о том, что с ними происходит. Итак, вот неизбежное начало языка: наши действия являются естественными и необходимыми знаками наших ощущений и мыслей; и, хотя они не остаются единственными знаками, но всегда будут знаками наиболее очевидными и наиболее надежными.

5

10

15

20

25

30

35

40

Таким образом, те идеологисты, которые первыми начали изучать происхождение и развитие этого изначального языка, совершенно правильно дали ему имя языка действий. Он включает жесты, крики, прикосновения; он обращается к зрению, слуху, тактильным ощущениям — следовательно, он содержит росток всех возможных языков; и если из всех языков он наименее законченный, наименее богатый и развитый, он все же остается наиболее энергичным и наиболее пылким — тем единственным языком, который мы продолжаем использовать в чрезмерной страсти, когда напор наших чувств не оставляет места размышлению, необходимому для выражения этих чувств способами чисто конвенциональными.

Этот естественный и необходимый язык затем превращается в язык искусственный и произвольный, когда воспроизводят, с одним только намерением изобразить некоторую мысль или чувство, те самые действия, которые данная мысль или чувство с необходимостью заставили бы нас произвести. В дальнейшем, в процессе его использования, этот язык действия становится каждый день все более совершенным, более разнообразным и обстоятельным. Однако те знаки, которые его составляют, далеко не в равной степени пригодны к совершенствованию, к тому, чтобы подвергаться изменениям по явно выраженному соглашению между людьми. Так, прикосновения остаются всегда приблизительно одними и теми же, за исключением некоторых особых случаев, о которых мы упомянули. Но уже жесты способны получать большее развитие и образовывать настоящий, весьма сложный язык. Звуки же достигают такой изощренности, что в современном употреблении их одни только междометия могли бы рассматриваться как остатки первоначального языка, хотя даже в этом случае неясно, все ли они были даны нам самой природой, и сохраняют ли они еще свое первоначальное значение, которое

часто бывает чрезвычайно искажено или измене-
 но. Что касается других слов, наибольшее, что мо-
 жет сделать самый проникательный этимолог, да
 и то постоянно рискуя ошибиться, — отыскать в
 их корневых слогах некоторые следы первоначального впечатления, произведенного предметом или чувством, которое они представляют, и обломки их первоначальной формы. Тем не менее, можно сказать с уверенностью, что все искусственные языки, которыми мы пользуемся, суть не что иное как необычайно разросшийся и усовершенствованный естественный язык, и что всегда можно обнаружить в наших искусственных языках, как бы мы их ни отшлифовывали, все виды знаков, которые составляют первый. Прикосновения не могут быть окончательно исключены — они всегда, вечно будут самым верным средством заставить человека понять, что мы хотим, чтобы он направился в определенную сторону: для этого нужно его подтолкнуть или потянуть в нужном направлении. Мы также не полностью отказались от жестов — хотя звуки стали несравненно более богатым и плодотворным способом выражения, жесты всегда останутся более или менее связанными со словами и с дискурсом, в качестве необходимого помощника и неизбежного добавления. Поэтому нет ничего необычного (хотя это могло бы показаться странным постороннему наблюдателю) в том, что даже в самом цивилизованном обществе люди используют параллельно, а часто и одновременно, сразу три языка, или три системы знаков — прикосновения, жесты и слова — которые суть только три ответвления, более или менее усовершенствованные, того естественного и первоначального языка, который идеологи-
 сты называли языком действия⁵⁹. В самом деле, когда одной рукой я увлекаю человека к цели, а другой указываю ему эту цель, и одновременно говорю ему, куда идти, тем самым я выражаю тремя различными способами одну и ту

5

10

15

20

25

30

35

40

же идею или желание; при этом я обращаюсь к трем его чувствам сразу, т. е. говорю с ним действительно на трех различных языках.

5 Можно было бы даже сказать, что каждый из этих языков разделяется еще на несколько диалектов, которые сосуществуют незаметно для нас; ибо одно и то же слово, один и тот же жест имеют часто различную наполненность, в зависимости от обстоятельств его использования; таким образом, идеи, которые они выражают, не всегда остаются одними и теми же. Итак, выражать различные идеи одним и тем же знаком — значит, строго говоря, переходить от одного языка к другому. Но эти размышления увели бы нас слишком далеко; они будут более уместны, когда мы перейдем к обсуждению тонкостей искусства речи.

Таковы происхождение и нынешнее состояние различных систем знаков, представляющих идеи, с которыми они связаны. Мы назвали все системы знаков языками, придавая этому слову наиболее широкое значение. Посредством этих языков мы общаемся с нам подобными. Такова была, без сомнения, цель их создания. Изолированный человек никогда не пришел бы к идее создать язык; он не испытывал бы в нем потребности, он никогда не догадался бы, что это может принести ему какое-то преимущество. Однако простая передача идей — далеко не единственная функция языков; она не является даже главной. 25 Они имеют свойство гораздо более ценное, хотя и менее заметное; от него-то мы и получали наибольшие преимущества в течении многих веков, сами того не замечая. Так люди, стремясь к какой-то цели, порой достигают при этом другой, гораздо более значительной, даже не подозревая об этом; и лишь затем приходит гениальный человек, который показывает, что ими уже сделано и что еще можно сделать.

40 Кондильяк, я полагаю, был первым, кто увидел и доказал, что без знаков мы не могли бы ни

сравнивать наши простые идеи, ни анализировать идеи сложные; и, что, таким образом, языки так же необходимы для того, чтобы думать, как и для того, чтобы говорить; чтобы иметь идеи, как и для того, чтобы их выражать; и что без них мы имели бы только очень немногочисленные понятия, весьма путанные и неполные. Именно это его заставило сказать, что языки суть методы анализа, которые направляют наш интеллект в его исчислениях⁶⁰. Это поистине гениальная мысль, которая могла родиться только благодаря глубокому изучению человеческого интеллекта, и она проливает яркий свет на механизм наших интеллектуальных операций. Но, по моему мнению, Кондильяку следовало бы более развернуто представить свое открытие, и сказать, что любой знак есть выражение результата некоторого произведенного исчисления (или, если угодно, выполненного анализа), и что знак фиксирует и констатирует этот результат; таким образом, язык в действительности есть не что иное как коллекция найденных формул, удивительно облегчающих и упрощающих последующее исчисление или анализ. Но это в точности то, чем является алгебра; поэтому алгебра есть язык, и языки сами по себе суть виды различных алгебр, или аналитических методов.

Мы уже видели, а именно в главах II, IV и VI, что вся наша способность мыслить заключается: в получении впечатлений; в наблюдении их качеств (то есть их отношения к нам и отношений между ними); в их классифицировании или объединении тысячами различных способов, согласно этим отношениям; в образовании из них различных групп, составляющих идеи, которые мы имеем (то есть либо индивидуальные и реальные сущности, либо свойства и качества этих индивидов, либо обобщенные и абстрактные сущности); и, наконец, в исследовании всех аспектов уже составленных сложных идей, и в сведении к ним новых впечатлений. Никто не в состоянии оспорить эту истину.

Но мы наблюдаем, кроме того, что сложные идеи — т. е. все идеи, исключая простое ощущение, — не имеют иного основания, иной объединяющей их элементы связи, кроме знака, который эти идеи выражает и закрепляет в нашей памяти; и что, следовательно, без использования знаков все эти сложные единства будут скорее расторгнуты, чем образованы, скорее потеряны, чем найдены; что простейшие понятия пришлось бы каждый раз создавать заново, и что наш разум оставался бы в вечном младенчестве. Хотя данный факт вполне очевиден, следует подтвердить его примерами и выявить его причины посредством некоторых наблюдений над самими собой.

Общее доказательство того, что без знаков мы не можем ни помнить наши идеи, ни комбинировать их — это то, что каждый из нас испытывает, когда о чем-либо размышляет: при этом он имеет дело не непосредственно с идеями, но со словами: мы повторяем эти слова, мы к ним возвращаемся, составляем из них различные комбинации, мы чувствуем оттенки их значений, мы произносим их вслух, как если бы хотели вызвать в себе какое-то впечатление, отнюдь не чисто интеллектуальное. И в самом деле, когда объект представлен, он в некотором смысле заменяется своим именем; он сам становится лишь знаком идеи, которую он породил. Мы же, изучая этот объект, всегда сосредотачиваем наше внимание на тех словах, которые выражают его качества, подлежащие изучению; действия, которое он произвел; обстоятельства, на которые следует обратить внимание; цель нашего исследования и т. д. Могут посчитать, что к такому способу мы прибегаем лишь потому, что имеем слова, и наш разум приучен пользоваться ими, но это неверно: яркий пример нам покажет, что дело тут вовсе не в действии привычки, но есть нечто иное в этом явлении, и оно основано на самой природе интеллектуальной операции.

Мы имеем идею единства (в настоящий момент неважно, как мы ее приобрели); мы знаем, что прилагательное «единственный» (un) выражает свойство быть изолированным, рассмотренным отдельно от всех других, в качестве чего-то неповторимого и нераздельного. И так, у нас есть ценный знак — слово «единственный»; он закрепляет в наших головах идею, которая без такой опоры оставалась бы весьма смутной. Сам по себе этот знак еще не дает нам идеи различных чисел, но без него мы не имели бы их никогда, т. к. все возможные числа — это только единица, повторенная большее или меньшее количество раз. Слово «один» (un), таким образом, есть зародыш всех идей чисел, и это уже большой шаг к созданию всего их набора. Однако предположим, что мы совсем не имели бы других имен чисел; попробуем с помощью одного только слова «один» выполнить простейший из всех расчетов, а именно сложение. Для этого мне придется говорить: «один плюс один, плюс один, плюс один, плюс один, плюс один, плюс один»; и ни я, говорящий это, ни вы, слушающие меня, не имеем никакой отчетливой идеи в голове. Почему? Потому, что ничто не указывает, сколько раз мы повторили слово «один», и никакой связи не существует между этим первоначальным числом и получившейся суммой. Допустим, кто-нибудь считает: «один плюс один, плюс один, плюс один, плюс один, плюс один», и затем предлагает мне убавить или увеличить это количество на единицу; что же я должен сделать? Какую связь могу я уловить между этими двумя числами? Какую пропорцию могу я чувствовать между любым из них и требуемым результатом? Не имея среднего термина, нельзя построить никакое суждение; я вполне мог бы сказать: «один, один, один, один, один, один, один минус один, один, один, один, один, один или плюс один, один, один, один, один, один...» — и не знал бы, где я должен остановить это скучное

5

10

15

20

25

30

35

40

повторение; и тогда я ничего бы не прибавил и не убавил, не получил бы ни остатка, ни общей суммы: я бы его лишь повторил, без всякой определенной идеи. Но ведь, возразите вы, я мог бы считать на пальцах или с помощью камней (*avec des cailloux*), как подсказывает сама этимология слова «вычисление» (*calcul*); согласен, мои пальцы или камни являются знаками, каждый из них представляет слово «один»; присоединение его к группе других или устранение его из группы фиксируют ту операцию, которую я выполняю, и это предохраняет нас, по крайней мере, от одной причины ошибки. Однако, не имея собирательного имени для этой группы, я все равно не знаю, какова она, либо какой она должна быть; я не смогу составить о ней сколько-нибудь отчетливую идею, равно как и установить ее отношение к единице или к какой-либо другой группе.

Напротив, используя возможности, предоставленные мне знаком «единица», чтобы размышлять над идеей единства, я прихожу к представлению единицы, добавленной к самой себе, и устанавливаю для этой новой идеи название «два»; этот второй знак фиксирует в моем сознании результат операции, которую я произвел, он делает наглядной и чувственно воспринимаемой идею «один плюс один»; вскоре он порождает идею «два плюс один», которую я называю «три»; продолжая эти действия, я представляю идею «три плюс один» и называю это «четыре»; четыре плюс один я называю «пять»; пять плюс один я называю «шесть»; шесть плюс один я называю «семь»; семь плюс один я называю «восемь» и т. д. по порядку; и все это благодаря знаку «один» и содержащейся в нем возможности использовать его для создания знака «два». Итак, теперь я ясно вижу, что все эти числа находятся на одном и том же расстоянии друг от друга, и что это расстояние равно единице; каждое из их имен — точка опоры для моей мысли, каждое фиксирует уста-

новленные связи между представляемой им идеей и идеями предшествующей и последующей; каждое закрепляет уже сделанные сравнения, которые мы более не обязаны возобновлять, чтобы перейти к следующим. Более нет нужды актуализировать всякий раз воспоминание о том впечатлении, которое производят на мое зрение шесть тел, расположенных друг возле друга: я и без того отчетливо вижу, что число шесть расположено между числами пять и семь, что оно представляет собой «пять плюс один» и «семь минус один»; и когда мне предлагают вычесть его из семи, я ясно осознаю, что останется один, а если я хочу к нему добавить семь, я могу сделать это по частям. Ведь я без усилия воспринимаю, что, говоря «восемь», я добавляю к семи один, говоря «девять», добавляю два, говоря «десять» — три, говоря «одиннадцать» — четыре, говоря «двенадцать» — пять, и, наконец, говоря «тринадцать», я добавляю шесть. Вот таким образом мы можем производить вычисления, благодаря тому, что каждое из чисел имеет свое имя, которое его выделяет, и каждая из частей, составляющих это число, точно выражается именами меньших чисел. Итак, великая заслуга знаков состоит в том, что они различили идеи, ими представляемые, и что их взаимосвязь позволяет анализировать идеи множеством различных способов: так, пять раскладывается на три и два, на четыре и один, и т. д.

В то же время, и по той же самой причине, недопустимо, чтобы числа следовали друг за другом долгое время, получая все новые имена, которые не устанавливают между ними ни аналогии, ни отношения, подобно первым шестнадцати числительным во французском языке; тогда я очень скоро потерял бы из вида соотношение более удаленных друг от друга чисел, т. е. количество единиц, которое их разделяет. Почему? Потому что это количество единиц не будет больше напоминаться произносимыми именами, если каждое из

5

10

15

20

25

30

35

40

них выражает лишь то обстоятельство, что данное число, как и всякое другое, отличается от двух соседних на единицу. К этому выраженному соотношению я и должен был бы постоянно обращаться, чтобы оценить соотношение удаленных друг от друга чисел, и в каждой операции я был бы всегда вынужден считать, прибавляя по единице, как в только что приведенном примере, когда, складывая шесть и семь, я обнаружил, что это меня привело к имени числа тринадцать. Несомненно, в конце концов я добился бы удачи на этом пути, ибо отправляясь бы из одной известной точки, причем все последующие известны также; ясно, куда двигаться и как образовывать новое соединение. Но такой способ, уже нами опробованный и возникающий в самом процессе установления первых знаков, оказывается чрезмерно долгим и тягостным, а потому непригодным для операций усложненных и расширенных. Поэтому человеческий разум, который имеет потребность в точках опоры, и не может сохранять сразу слишком длинную цепь идей, изобрел разделение последовательности чисел на различные группы. Он сделал эти группы равными между собой, чтобы все истинное для одной было истинно и для другой; он дал числам, которые их завершают, имена «двадцать», «тридцать», которые, отличаясь от предшествующих им и следующих за ними, предупреждают, что период кончился и собирается возобновиться; из определенного числа этих периодов, в каждом из которых содержится равное число единиц, он образует больший период, и в начале его помещает имя, которое об этом предупреждает; для еще большего удобства, имена всех этих десятков и сотен — «двадцать», «тридцать», «сорок», «двести», «триста», «четыре-ста» — таковы, что устанавливают между ними те же связи, какие существуют между простыми единицами. Итак, идея ведет к другой, только когда она зафиксирована знаком. Не будь слов, все

эти отношения остались бы незамеченными или вскоре потерялись из виду; но после того, как они раз и навсегда определены и закреплены именами, используемыми по договоренности, я могу создавать комбинации любых чисел, не разлагая их при каждой операции до первоначальных элементов, поскольку они уже проанализированы. Я оперирую с тридцатью и сорока, с тремястами и с четырьмястами так же легко, как с тремя и четырьмя. Таким образом, расширяется сфера возможных вычислений, и это вызвано одним лишь новым состоянием имен чисел, которое фиксирует предыдущий анализ. Это, без сомнения, великое усовершенствование; но заметьте, тем не менее, что даже независимо от него, за счет одного лишь учреждения имен первых шестнадцати чисел, мы можем легко устанавливать различные их характеристики, которые нам едва ли удалось бы различить в соответствующих идеях, если бы они были представлены только постоянным повторением слова «один»; и было бы еще хуже, если бы я не имел даже слова «один», которое само по себе уже является очень полезным знаком, как мы это наблюдали выше.

Добавьте к этому, что я описал здесь только свойства имен чисел, и вовсе не говорил об особенностях цифр, получивших гораздо большее распространение. Необычайное превосходство их над первыми основано, во-первых, на том, что это неизменные знаки, так что производимое ими впечатление может возобновляться или продолжаться по желанию; во-вторых, на том, что они выявляют множество существующих между ними отношений уже одним только своим взаимным расположением. Мы рассмотрим значение первого из этих обстоятельств, когда будем говорить о письме, и значение второго, когда будем обсуждать синтаксис и грамматические конструкции. Здесь же мы должны объяснить то влияние, которое знаки вообще имеют на действие мысли; и

если между всеми знаками я выбрал слова, а среди всех слов имена чисел, то лишь потому, что в этом случае интересующий нас эффект особенно поразителен. Причиной тому прежде всего то, что из
5 всех непостоянных знаков (это их частное свойство, на которое не следует отвлекаться в общем рассмотрении) именно слова наилучшим образом анализируют наши идеи; далее, из всех связей, существующих между нашими идеями, отношения
10 количества самые точно ощутимые, поскольку они всегда составлены из одной и той же величины, а именно единицы, повторенной большее или меньшее количество раз; это дает нам возможность увидеть, куда нас может привести тот или
15 иной знак.

Несколько сложнее показать воздействие слов на соединение тех отношений наших идей, которые не являются отношениями количества, т. е. таких, в которых невозможно отмечать с такой же точностью, где разум неизбежно остано-
20 вился бы из-за отсутствия слов, и чего именно он достигает посредством того или иного слова. Тем не менее, мы знаем, что все наши знания являются результатом суждений, а всякое суждение — результат сравнения двух идей; итак, ясно, что две
25 сколько-нибудь сложные идеи, вместе со всеми их качествами, не могут быть разом представлены нашему разуму для сравнения их между собой, если результат предшествующего суждения, в результате которого они образовались, не был за-
30 фиксирован и сделан чувственно воспринимаемым с помощью знаков; без этого невозможны последующие суждения и все знания, которые ими создаются. Вспомним для примера предложение, которое мы уже цитировали в других гла-
35 вах: *L'homme qui découvre une vérité est utile à l'humanité tout entière* («Человек, открывающий истину, полезен всему человечеству»). Здесь даны только две сравниваемые идеи; было бы удобнее,
40 и мы это уже наблюдали, чтобы каждая из этих

идей была выражена одним словом; для этого одну идею обозначим через *a*, другую через *b*, и идею утверждения — через *c*. Тогда фраза сократится до *a c b*, или, следуя гению языка, который присоединяет знак утверждения к общему атрибуту, пусть это будет фраза *a есть b*, причем мы используем *a* так же, как и всякое другое существительное, и *b* так же, как и всякое другое прилагательное. Эти два слова не существуют в языке; однако, у него есть возможность возместить этот свой недостаток: не будучи в состоянии обозначить одним знаком каждую из двух идей, о которых идет речь, он выражает первую при помощи шести⁶¹, а вторую при помощи семи слов; каждая из двух групп образует некую целостность, и мы имеем в голове две четкие и полные идеи, которые теперь можем сравнить; их не было бы без вспомогательных знаков, которые, в данном случае, являются знаками второго порядка по отношению к тем двум, которые мы в нашем языке пропускаем, и которые заменены этими тринадцатью словами.

Далее, рассматривая знаки, представляющие сложные идеи, мы легко обнаружим, что они принадлежат к различным группам, которые могли быть изобретены только последовательно. Очевидно, что надо было назвать вещи, прежде чем давать имена качествам, которые в них выделяют, или действиям, которые на них направлены; и что нужно было выражать эти действия или качества в их отношении к вещи, прежде чем их рассматривать абстрактно. Поэтому первыми были изобретены имена реально существующих предметов, позже глаголы и прилагательные, и лишь затем — абстрактные имена существительные; мы также чувствуем, что слова, выражающие самые общие отношения, как относительное местоимение «который», предлог «в»; или качества самые тонкие, как определенный артикль — еще более недавние изобретения и результат работы умов более тре-

нированных. Более того, мы уже наблюдали, что эти существительные, прилагательные, глаголы являются сначала частными и собственными именами, и лишь затем были обобщены последующими размышлениями. К тому же каждое из них, посредством различных окончаний, определяющих склонение или спряжение, выражает различные обстоятельства количества, рода, времени, лица, так что каждая грамматическая форма выражает несколько иную идею. Все это также результат серии анализов, каждый из которых создает условия для последующих; мы видим здесь тот же прогресс и еще более высокую его ступень, чем в формировании слова «один» и первых имен чисел, затем имен десятков, сотен и т. д.; и в том, и в другом случае сначала можно делать лишь небольшое количество операций, способность же комбинировать и вычислять возрастает пропорционально совершенству имеющихся инструментов.

Чтобы сделать эту истину еще более очевидной, произведем простой опыт: представьте, далеко ли вы продвинетесь, если, чтобы высказать вышеприведенное предложение, вместо того, чтобы использовать тринадцать составляющих его слов, будете заменять каждое из них полным описанием всех содержащихся в нем частных идей, всех тех аспектов, в которых мы рассматривали эти частные идеи, прежде чем их объединить, их отношения с уже заключенными в этих идеях другими словами: совершенно ясно, что это повлекло бы за собой ужасное пустословие, среди которого было бы невозможно уловить общий смысл предложения. Однако все эти предварительные анализы уже выполнены, и речь не идет более о том, чтобы их проделывать заново; вы будете только их намечать, и это можно сделать, поскольку у нас имеется достаточно слов. Какую функцию, таким образом, выполняют эти тринадцать слов? Они представляют в вашей мысли бо-

лее удобным способом результаты предшествующих операций. Ту же функцию выполняют и алгебраические знаки, когда вместо очень сложного выражения используют простую букву и с ее помощью создают новые сочетания, которые, без такого сокращения, оказались бы чрезвычайно запутанными. При этом остается возможность восстановить первоначальное, более подробное выражение, как только оно потребуется, что мы и делаем, когда состояние обсуждения требует более или менее обстоятельного определения или описания нашей идеи. 5 10

Отметим в заключение, что все сказанное относительно имен чисел и идей количества верно и по отношению к другим словам и другим идеям, а то, что мы говорили о словах, в большей или меньшей степени применимо ко всем видам знаков; и мы можем рассматривать как доказанное, что основное назначение знаков — фиксируя предшествующие анализы, делать более легкими анализы последующие. Такое же назначение имеют алгебраические символы и формулы; итак, языки являются настоящими аналитическими методами, и алгебра есть не что иное как язык, который направляет разум с большей определенностью, чем другие, потому что выражает только самые точные отношения, к тому же единственного вида. Грамматические правила производят то же самое действие, что и правила исчисления: в обоих случаях их предметом являются знаки, которые мы комбинируем, и, *не осознавая того, мы руководствуемся словами так же, как и алгебраическими символами**^{62, 63}. Все это было достаточно подроб- 15 20 25 30

* Между алгебраическим языком и другими языками имеется, однако, одно важное различие, причину которого нужно точно указать, потому что оно хорошо раскрывает природу искусства рассуждений: как обычных, так и тех, которые выделяют под особым названием *вычислений*, и которые, тем не менее, являются такими же рассуждениями, как и все прочие.

Алгебраический язык применяется только к идеям количества, т. е. к идеям одного вида, отношения между которыми очень

но объяснено, и я думаю, что не осталось больше никаких темных мест.

Таково общее действие и главное назначение знаков как инструментов мысли; теперь необхо-

точно и строго установлены и которые всегда составлены из единиц или их множеств. Он служит только для комбинирования этих отчетливых и неизменных идей в отношении их увеличения или уменьшения, отношении, которое и само по себе есть идея количества и разделяет все преимущества этого вида идей. Благодаря этому никогда нет ни неясностей, ни вариаций в значении элементов высказываний этого языка, и отсюда проистекает тот уникальный эффект, что нет надобности размышлять о значении этих знаков во время их комбинирования: вычисляющий всегда уверен, что узнает это значение в любой момент, когда захочет; оно не претерпевает других изменений, кроме увеличения или уменьшения, и все эти изменения отмечаются изменением формы или позиции знаков. Если тщательно соблюдать правила синтаксиса этого языка, которые суть не что иное как правила вычислений, то можно безошибочно достичь верного заключения, и нет надобности знать, что, собственно, было сказано во время рассуждения: этого и не выясняют. Алгебраическое вычисление подобно речи человека, который начал бы с истинного утверждения и закончил другим истинным утверждением, а в промежутке между ними его слова не были бы понятны ни другим, ни ему самому, хотя и не содержали бы синтаксических ошибок. Но заключение такого человека, оказавшись истинным лишь случайно, оставалось бы бездоказательным, в то время как заключение алгебраического рассуждения является доказанным, и вот почему.

Слова, как мы уже говорили, суть формулы, изображающие, подобно алгебраическим, результаты ранее выполненных комбинаций идей и освобождающие память от необходимости удерживать эти комбинации непрерывно и во всех деталях. Поэтому мы комбинируем их до некоторой степени независимо от идей, знаками которых они являются, и, как мы только что видели, этот эффект имеет место даже чаще, чем мы думаем; но сами результаты, которые выражены словами, по природе своей не являются ни столь простыми, ни столь точными, как те, которые представлены алгебраическими символами; и модификации, которым мы подвергаем их в дискурсе, будь то при соединении прилагательного с существительным или субъекта с атрибутом, гораздо разнообразнее и гораздо менее упорядочены, чем те, которым подвергаются алгебраические символы *умножения, деления, знак равенства*, соответствующий глаголу-связке, или *коэффициенты, показатели степени*, знаки *корней*. Изменения алгебраических символов всегда оцениваемы в числах, в отличие от изменений слов, и это огромное различие.

С другой стороны, мы изменяем существительные не только по их содержанию, т. е. числу идей, которые они охватывают,

димо уяснить себе причины этого действия. К сожалению, это не так легко; на первый взгляд даже кажется, что это действие вообще не имеет при-

но также по объему, т. е. числу объектов, к которым мы их применяем; и что истинно для понятия, взятого в одном объеме, не будет истинным для него же, взятого в другом объеме. Чем была бы алгебра, символы которой не только не были бы всегда совершенно абстрактны, но и конкретны были бы иногда одним способом, иногда другим, применяясь иногда к одному определенному множеству объектов, иногда к другому? Ясно, что было бы невозможно с их помощью вычислять, не думая ежесекундно, что же этими знаками представлено, как это и приходится делать во всех прочих языках.

Из всего этого следует, что мы пользуемся словами так же, как и однажды найденными формулами; что нам и следует использовать их в этом качестве, потому что только так они полезны и являются средством анализа; что мы полагаемся на них, часто даже излишне; но что эта уверенность в них никогда не может быть такой, чтобы мы совершенно теряли из виду их значение, и не должны были себе его напоминать каждый раз, когда мы их используем, изменяем или хотим сделать из них какое-либо заключение. Это подтверждается тем, что когда воспоминание об этом значении становится слишком смутным или неточным, единственным средством прояснить и исправить наше рассуждение оказывается замена слова детальным описанием той идеи, которую слово представляет сокращенно; этого способа, если он хорошо применен, всегда достаточно, чтобы обнаружить происхождение двусмысленности или ошибки. Наконец, как весьма энергично утверждает г-н Мен-Биран, когда мы пользуемся любым языком, кроме алгебраического, «мы всегда вынуждены нести разом двойную ношу знака и идеи» (см. его превосходный мемуар, озаглавленный «Влияние привычки на способность мыслить», который я считаю одним из лучших произведений, когда-либо написанных на эту тему). Часто мы вынуждены обращаться к этому способу и чтобы комбинировать идеи количества, если комбинируем их с помощью знаков обычного языка, не обращаясь к знакам алгебраическим. Более того, даже используя эти знаки, мы избавлены от размышления об обозначаемых ими идеях не во все время вычисления, а лишь в те моменты, когда известная нам формула и правила вычислений ведут нас механически; но когда приходится решать, выполнить ту операцию или другую, или когда, получив выражение для результата, нужно понять его смысл и значение, или когда мы размышляем о том, какие поучительные или удобные свойства это выражение может приобрести или терять в различных преобразованиях, нам это уже не удастся; тогда знака более недостаточно, и нужно обратиться к идее, тогда выполняется интеллектуальная операция, которая не состоит ни в умножении, ни в делении, которую алгебраические

чины, и что вся трудность в сравнении сложных идей состоит единственно в том, чтобы хорошо их знать, т. е. помнить идеи, которые их состав-

знаки настолько не в состоянии изобразить, что ее приходится представлять с помощью обычных слов, которые, как правило, образуют немалую часть в цепи рассуждения, и даже самую существенную часть. Алгебраический язык, таким образом, не есть язык полный; он никогда не изображает рассуждение от начала до конца, но всегда время от времени прерывается вплетенными в него фразами обычного языка, приблизительно как в интермедиях танец перемежается песнями, в которых сообщается то, что танец выразить не может. Только алгебра чрезвычайно сокращает все те части последовательности идей, в которых она применяется, благодаря чему разум оказывается в состоянии следовать вдоль этой цепи гораздо дальше. Вот чем действительно полезна алгебра.

Но почему она может без неудобств сокращать этот избыток цепи рассуждений? Это связано с природой идеи количества. Почему мы следуем за этой цепью с полной уверенностью, и нам не нужно знать, что мы делаем? Опять же благодаря природе количественного отношения, к которому этот алгебраический язык только и может быть применен. Большая ошибка — думать, что можно перенести его на другие материи. Чтобы в этом убедиться, достаточно понять, что даже в рассуждениях об идеях количества имеются такие моменты, когда он бесполезен. Не меньшее заблуждение — воображать, что можно усовершенствовать другие языки, придав им свойства языка алгебраического. Несомненно, можно улучшить знаки, образующие эти языки, и упорядочить их синтаксис, что было бы очень полезно; но нельзя сделать так, чтобы все выражаемые с их помощью идеи были в такой же степени неизменны и точны, и чтобы все отношения, в которых рассматриваются эти идеи, были столь же простыми и определенными, как в алгебре. В обоих случаях невозможно трансформировать эти языки в алгебраический язык, который по определению есть лишь набор аббревиатур для терминов и эллипсисов для фраз.

Наконец, еще более ложная идея — желать посредством силлогистических фигур добиться того же эффекта, что и с алгебраическими формулами, и достичь той же степени определенности. Это значит смешивать все понятия. В вычислениях нет ничего, что было бы аналогом предполагаемым принципам логики. Язык алгебры, повторим это снова, есть такой же язык, как и любой другой. Его символы суть элементы дискурса. Правила же вычислений суть законы его синтаксиса, показывающие, как следует употреблять эти элементы и каким модификациям их следует подвергнуть, чтобы обозначить связи, которые устанавливаются между ними, и интеллектуальные операции, которые выполняются с их помощью. Все это имеется во всех языках, и сам акт рассуждения в них один и тот же. Напротив, фигуры сил-

ляют, а также их отношения с теми идеями, которые с ними граничат; и что все эти интеллектуальные операции должны быть одними и теми же,

логизмов суть разновидность пустословия, и могли бы лишь затруднить вычисление, как затрудняют и любое рассуждение, если бы в этом случае их бесполезность не была еще очевиднее, чем в других. Это избыточная предосторожность, которую считают способной направлять наши суждения и повышать их достоверность, но которая на самом деле им мешает и скрывает причины их истинности или ложности.

В любых рассуждениях мы всегда имеем дело только с идеями в облике знаков, и потому не можем иметь других оснований логики, кроме знания этих идей и их знаков, т. е. идеологии и грамматики, или, если угодно, знания значения этих знаков, взятых изолированно и взятых со стороны их связи, т. е. знания словаря и синтаксиса используемого языка. Логика в собственном смысле слова есть чистое ничто, идея радикально ложная, настоящая химера, как я надеюсь показать в соответствующем месте.

Я понимаю, насколько неуместно здесь это длинное обсуждение. Чтобы оно было вполне удовлетворительно, нужно заняться им после всего, что будет сказано в следующей главе, а также в «Грамматике» и большей части «Логике», т. е. почти в самом конце всего моего труда. Поэтому я исключил его из первого издания этого тома; но, по зрелом размышлении, счел его все же полезным, чтобы подкрепить заранее то, что будет сказано впоследствии. Вот почему при обсуждении этих материй, которые до сих пор были столь запутаны и искажены, я одновременно опасуюсь и слишком в него углубиться, преждевременно коснувшись вещей, которые здесь еще не могут быть доказаны, и слишком его сократить, ведь оно не будет убедительным без утверждений, хорошо обоснованных и, в свою очередь, составляющих основание других. Такие же опасения не оставляли меня и при написании этих двух последних глав о знаках, хотя, как мне кажется, их естественное и необходимое место именно здесь, в конце первого тома.

Как бы то ни было, заключим, что мы руководствуемся словами подобно тому, как руководствуются алгебраическими символами; что они приносят пользу, отчасти освобождая нас от необходимости представлять идеи, которые они обозначают; что если они достигают этого эффекта не полностью, в отличие от алгебраических символов, и не столь надежны, это связано единственно с самой природой представляемых ими идей; и что если бы все наши идеи были так же пригодны для сокращения и пропусков без внесения неясности, как идеи количества, то все наши языки были подобием алгебры, и мы могли бы производить дедукции более длинные и с большей уверенностью, точно так же как если бы все эти идеи были еще более смутными и менее определенными, мы были бы вынуждены в обычных языках ис-

отмечены ли идеи знаком, или лишены его. Неясно, каким образом слово «хлеб» и слово «хороший» могли бы освободить меня от необходимости представлять в уме все идеи, составляющие идею «хлеб» и идею «хороший», чтобы иметь возможность судить, что хлеб хороший; следовательно, эти слова мне бесполезны. Однако опыт постоянно демонстрирует противоположное: он показывает, что эти знаки производят во мне впечатление, которое не повторяет все идеи, ими представленные, но есть как бы их результирующая. Значит, в воздействии на нас знака заключается нечто такое, что отсутствует в воздействии на нас той сложной идеи, которую данный знак выражает; это доказывается и тем, что с помощью этого знака мы создаем множество сочетаний, которых не могли бы составить, имея дело непосредственно с самой идеей. Но, повторяю, нелегко с точностью обозначить причину этого различия между знаком и идеей, и, насколько мне известно, она никогда еще не получала четкого определения. Однако я полагаю, что мы придем к ней естественным образом, продолжив наше наблюдение за знаками, свойствами наших интеллектуальных операций, а также за теми внутренними движениями, которые эти знаки и операции производят.

Мы отметили, что, как правило, те из внутренних движений, которые порождают воспоминания и суждения, или восприятия отношений, не столь сильно на нас воздействуют, с меньшей необходимостью сопровождаются болью или удовольствием, и потому оставляют следы менее яркие, менее отчетливые, менее длительные, чем движения, производящие ощущения; что, следо-

пользовать термины менее общие и фигуры речи более сложные, и были бы еще менее способны к продолжительным достоверным дедукциям. Я считаю, что мне следовало уже сейчас наметить правильный подход к рассмотрению этого вопроса, и что все это станет более убедительным по мере нашего продвижения вперед.

вательно, воспоминания и суждения суть воспри-
 ятия более легкие, более беглые, производящие
 менее глубокие впечатления на нашу организа-
 цию, чем ощущение в собственном смысле слова.
 Именно поэтому абстрактные и отвлеченные идеи
 более других нуждаются в том, чтобы их фикса-
 ровали и не теряли из виду, и в тех областях зна-
 ния, где они используются особенно часто, нам
 труднее всего избежать темноты и неясности. Это
 же наблюдение объясняет нам, почему малейший
 шум, малейшая боль или удовольствие часто от-
 влекают нас от самого глубокого размышления и
 заставляют терять из виду воспоминание, кото-
 рое нас более всего занимает. Все это доказывает,
 что непосредственное ощущение имеет совсем
 другую силу, чем воспоминание и суждение, явля-
 ющиеся по своей природе восприятиями легкими
 и преходящими. Теперь, если мы вспомним, что
 все наши идеи чрезвычайно сложны, что все они
 являются собранием множества воспоминаний и
 суждений, и что, если исключить простые ощу-
 щения, о которых не идет речь в данный момент, они
 все являются, собственно говоря, только воспо-
 минаниями о полученных впечатлениях и произ-
 веденных комбинациях, то должны будем отсюда
 заключить, что все они скоротечны; что, по самой
 своей природе, они должны только появляться и
 тут же исчезать, и что основное изменение, про-
 изводимое в них жестом, словом или любым дру-
 гим знаком, который их представляет, воздей-
 ствует на наши чувства, состоит в том, чтобы их
 ассоциировать с некоторым простым ощущением,
 и тем самым придать им всю энергию такого рода
 ощущений. Лишь отсюда и происходит различие,
 существующее между свойствами знака и свой-
 ствами идеи, которую он представляет. По моему
 мнению, если уделить этому достаточно внима-
 ния, можно убедиться, что этого единственного
 обстоятельства будет достаточно для того, чтобы
 объяснить все действия знаков.

5

10

15

20

25

30

35

40

5 Действительно, когда идея тесно связана с
ощущением, она на нас воздействует так же час-
то, так же легко, так же сильно, как само это ощу-
щение; она настолько же отличается от всех дру-
гих идей, связанных с другими ощущениями, на-
10 сколько сами эти ощущения различны между
собой. Чтобы эту идею не смешивать с другими,
мы не нуждаемся больше в том, чтобы рассматри-
вать все ее элементы, разыскивать их происхож-
15 дение; мы имеем дело уже не с тончайшими отно-
шениями между идеями, но с гораздо более явны-
ми отношениями между ощущениями. Вот почему
знаки оберегают нашу память, становятся при-
вычными, служат ориентиром разуму; вот почему
15 они действительно закрепляют интеллектуальные
операции, которые имели место; вот почему идеи
классов, родов, видов, и все обобщенные идеи, ко-
торые мы сохранили с помощью этого средства,
как только они у нас появились — так удобны; вот
20 почему полезно, когда знаки в чем-либо сходны с
вещью, которую они называют, и когда между
знаками существуют отношения, соответствую-
щие отношениям между идеями, которые они
представляют. С другой стороны, мы видим, что
25 чувственно воспринимаемый знак, будучи своего
рода этикеткой идеи, наподобие заголовков неко-
торых глав и параграфов, которые выражают их
смысл вкратце, и замещая, как уже говорилось, в
нашем сознании саму идею, неизбежно заставля-
30 ет нас потерять из виду детали. Отсюда и проис-
ходит то, что мы часто знаем смысл слова, не умея
его объяснить, и что мы можем ошибаться в его
использовании; здесь же причина того, что мы,
случается, бываем поражены истинностью пред-
35 ложения задолго до того, как получили возмож-
ность убедиться в этом, или возмущены фальши-
востью софизма, хотя не могли бы ее доказать.
Было бы легко умножить и развить эти факты,
представляющие собой следствия нашего принци-
па; но и этих, я полагаю, вполне достаточно, что-

бы заключить: по всей вероятности, именно объединение чувственной данности с идеей и является причиной эффекта знаков. Во всяком случае, очевидно, что назначение всех знаков — такое же, как и назначение знаков алгебраических, и состоит в том, чтобы закреплять интеллектуальные операции, которые мы произвели, и облегчать создание новых комбинаций, которые были бы невозможны без такой поддержки. Именно это мне важно было хорошо вам разъяснить.

Теперь же, когда мы увидели, сколь различными являются наши языки, или системы знаков, представляющих наши идеи, и в чем заключается фундаментальное свойство этих рассмотренных нами знаков, как инструмента мышления, мы можем уверенно приступить к исследованию различных особенных случаев того воздействия, которое знаки оказывают на мышление; этим мы и займемся в следующей главе.

Глава XVII

Продолжение предыдущей.

Другие следствия

использования знаков

Итак, вы видели, что наши действия суть естественные и необходимые знаки наших идей, поскольку они их представляют: правда, только обобщенно, но достаточно верно, независимо от
5 нашего желания и даже вопреки желанию их скрыть; это то, что называется языком действий, потому что любая система знаков есть язык.

Эти естественные и необходимые знаки становятся затем искусственными и произвольными,
10 т. е. мы их воспроизводим уже специально, с намерением сообщить свои идеи себе подобным; и язык действий становится источником всех других, которые, подобно ему, обращены к осязанию, зрению или слуху, и которые мы можем неограниченно изменять и развивать. Мы указали не-
15 сколько таких языков.

С течением времени эти искусственные и произвольные знаки, особенно те, что обращены к слуху, становятся очень многочисленными и детализированными, и мы получаем возможность отчетливо выражать идеи, отличающиеся одна от
20 другой только очень тонкими оттенками.

Подобный эффект возможен, конечно, только благодаря гибкости органов, производящих зна-
25 ки, и высокой чувствительности тех органов, к которым они обращены, и пропорционален этим их качествам; но все равно он достигается лишь постепенно, ведь прогресс знаков не может иметь

места без того, чтобы мы комбинировали наши элементарные восприятия, образовывали сложные идеи, воспринимали существующие между ними отношения, которые сами по себе суть новые идеи, анализировали их, сравнивали, изменяли, поворачивали так и эдак, наконец, включали их во все наши расчеты, на которые они могут иметь влияние. Все это осуществляется при могущественной поддержке знаков, фиксирующих результаты каждой операции, и мы показали на примерах, что без их помощи мы были бы ограничены первым шагом. Таким образом, по мере того как знаки совершенствуются, на каждой новой ступени развития, которой они достигают, они способствуют совершенствованию представляемых ими идей, и, следовательно, служат нам для образования идей не меньше, чем для их сообщения.

Наконец, можно предположить, что они обьязаны этим ценным качеством тому обстоятельству, что знак вообще действует, соединяя представляемую им идею с производимым им ощущением; таким образом, он придает даже восприятиям наиболее мимолетным и неустойчивым, каковы воспоминания и суждения, свойства ощущения, которое по природе своей есть восприятие наиболее яркое, сильное и отчетливое.

Вот краткое резюме того, что мы до сих пор сказали о знаках, их происхождении, отдельных видах, прогрессе, об их фундаментальном воздействии на развитие умственных способностей и о вероятной причине этого воздействия. С этим общим предварительным пониманием вопроса мы можем теперь входить в детали: они заставят нас еще лучше почувствовать, как велико влияние знаков на нынешнее состояние человеческого разума и, предоставив нам случай применить наши наблюдения за умственными действиями и образованием идей, дадут новые подтверждения того, что мы действительно нашли путеводную нить в этом лабиринте.

5

10

15

20

25

30

35

40

Много спорят о том, можем ли мы думать без знаков. Этот вопрос мне кажется скорее курьезным, чем полезным⁶⁴; но раз уж он был поднят, не следует от него отмахиваться, тем более, что он выведет нас к другим. По моему мнению, нам следует сначала провести различие между знаками естественными и знаками искусственными.

Мы видели, что наши действия суть естественные и необходимые знаки наших идей, ибо они более или менее верно и подробно манифестируют, даже вопреки нашей воле, наши мысли и чувства. Я не знаю других естественных знаков: ведь материальные объекты, хотя и служат причиной наших восприятий, их сами по себе не манифестируют, они становятся их знаком и репрезентацией лишь тогда, когда мы их наделяем этим значением, присваивая его посредством крика ли, жеста ли, одним словом, после как-то выраженного учреждения нового знака. Когда я указываю на какой-нибудь фрукт и на свой рот, чтобы выразить идею «я хочу есть», этот фрукт и мой рот становятся частями моего жеста; сами же они никогда не выразят никакую мою идею. Материальные объекты, таким образом, могут стать искусственными и произвольными знаками, более или менее несовершенными, но они не являются знаками естественными и необходимыми; итак, нет других естественных знаков идей, кроме наших действий. Задавая вопрос, можно ли мыслить без естественных знаков, спрашивают, следовательно, можно ли обладать способностью ощущать, иметь восприятия, без способности манифестировать свои восприятия посредством действий. На этот вопрос невозможно ответить на основании непосредственного опыта, можно только сказать, что способности ощущать и действовать различны, и вполне представим такой порядок вещей, при котором внутренние движения, производящие восприятия, имели бы место, а к движениям явным, которые их манифестируют, мы были бы полно-

стью неспособны, и что в этом случае мы, конечно, мыслили бы, но наши знания были бы весьма и весьма ограничены. Очевидно, что решение этого вопроса ровным счетом ничего не проясняет в работе человеческого ума, такого, каков он в действительности, и не дает никакого способа определить, до какой степени у человека, устроенного подобно нам, способность мыслить зависима от использования знаков. 5

Вопрос, таким образом, нужно уточнить: следует спрашивать, можем ли мы мыслить без использования искусственных и произвольных знаков. Ответ зависит от смысла, который придают слову «мыслить». Для нас, давших это имя общей идее или представлению обо всем том, что мы чувствуем и воспринимаем, начиная с простейшего ощущения и заканчивая самой сложной идеей, так что мыслить для нас значит иметь какие бы то ни было восприятия, и полагающих это слово синонимичным слову «чувствовать», вопроса здесь нет: ведь совершенно ясно, что мы начинаем чувствовать раньше, чем пользоваться искусственными знаками, и что если бы мы не чувствовали, то не имели бы ни потребности, ни возможности учредить какой бы то ни было знак. Поэтому, когда некоторые идеологи заявляли, что знаки абсолютно необходимы для мышления, для того, чтобы иметь идеи, они не подразумевали под именем идей также и простые ощущения, а под словом «мыслить» — акты восприятия этих ощущений; идеями они называли лишь то, что мы называем сложными идеями, а мышлением — лишь действие комбинирования первоначальных восприятий. В этом смысле я был бы склонен с ними согласиться; но должен признаться, что не люблю эту манеру выражаться, потому что не вижу, чем еще может быть действие восприятия ощущения, если не одним из проявлений способности мыслить, равно как и чем еще может быть акт мысли, если не тем же самым актом ощущения, видоизме- 10 15 20 25 30 35 40

няемым множеством различных способов. И так, на нашем языке мы должны без колебаний сказать, что мы начинаем мыслить раньше, чем пользоваться знаками.

5 Нелегко определить, где остановилось бы развитие нашей способности мышления, будь она полностью лишена помощи знаков, и я не усматриваю никакого способа узнать это сколько-нибудь точно; но после всего, что мы сказали раньше, нет
10 сомнений, что без знаков все те соединения идей, которые мы формируем, едва образовавшись, тут же распались бы; что отношения, которые мы устанавливаем между ними, исчезали бы, едва наметившись, и что, следовательно, все последующие комбинации стали бы невозможны, мы бы
15 всегда останавливались после первого же шага: мы имеем даже прямое доказательство тому в нашей неспособности выполнить простейшие расчеты, не имея имен для чисел. Таким образом, мы
20 можем заявить вместе с теми идеологистами, которых я только что упоминал, что без знаков мы бы почти не мыслили.

За этим вопросом естественным образом следует другой, еще более тонкий: спрашивается, к
25 какому классу идей и к какой степени их сложности может привести нас каждый вид знаков. Многие авторы полагали, что есть только артикулируемые знаки, слова, и благодаря словам мы приходим к абстрактным идеям; но я считаю, что
30 это решение требует проверки. Ранее мы видели, что операции, которые называются абстрагированием и конкретизированием, всегда соединяются в ходе образования любой сложной идеи, и что одна не труднее другой; затем мы также отметили,
35 что всякая идея, кроме индивидуальной, есть идея абстрактная, ведь она не существует в природе, подобно индивидам; наконец, мы знаем, что всякое восприятие отношения или качества есть также абстрактная идея, поскольку отношения и
40 качества имеются только для разума и не являют-

ся самостоятельно существующими вещами. И так, следуя этой системе, пришлось бы утверждать, что без слов мы могли бы иметь только индивидуальные идеи вещей, или даже что мы не могли бы выносить никаких суждений: должен признаться, защищать это мнение мне представляется невозможным, и напротив, кажется доказанным и несомненным, что нужно произвести множество суждений, прежде чем создать хоть один артикулируемый знак. С другой стороны, я не понимаю, почему бы жесту или крику не выражать абстрактную идею, подобно слову: мы даже ежедневно видим примеры этого, и хотя примеры эти обнаруживаются в жестикации людей, уже использующих артикулируемые знаки, они все же доказывают на деле, что такое вполне возможно. И так, по поводу вышеприведенного вопроса я думаю, что искусственные знаки, какого бы рода они ни были, могут представлять и фиксировать идеи всех видов, и что степень изощренности идей, которую они в состоянии вместить, и сложность комбинаций, которые они позволяют создавать, зависит не от природы используемых знаков, но от их развития и совершенствования, каждая новая ступень которого дает нам возможность выражать оттенки более тонкие и производить анализы более точные.

Последнее замечание побуждает нас к более глубокому рассмотрению вопроса. Такое рассмотрение состояло бы в исследовании того, как в любом языке каждый новый уровень совершенствования его знаков приводит к новому уровню знаний, но подобное предприятие неосуществимо, ведь для этого пришлось бы воссоздать, начав с самых их истоков, историю становления всех возможных систем знаков; и даже если бы это было возможно, все равно мы не смогли бы оценить возможное влияние на разум различных стадий развития тех систем знаков, которыми мы в действительности не пользуемся. Отдельные эта-

пы совершенствования существующих разговорных языков более доступны для реконструкции и оценки: мы можем в какой-то мере представить себе, чем был бы один из этих языков, если сперва
5 убрать из него все спряжения и склонения, затем лишить его последовательно артиклей, местоимений, предлогов, союзов и т. д., и, наконец, ограничив его неизменяемыми существительными и глаголами, исключить еще из их числа все производные и сложные слова, сохранив, таким образом,
10 только слова первоначальные. Правда, даже в этом частном случае мы не могли бы исчерпывающе ответить на предложенный вопрос и определить с уверенностью тот уровень знаний, которому соответствовало бы каждое из этих состояний
15 языка; но мы ясно видим, что после каждой из этих последовательных редуций он становился бы более трудным в использовании, менее способным направлять нас в наших рассуждениях,
20 менее пригодным для сопоставления идей друг с другом, их комбинирования, объединения в тех или иных интересующих нас аспектах, передачи тонких различий между ними, и что в конце концов, в том последнем состоянии, к которому мы
25 его сводим, он уже мог бы представлять только некоторые основные группы идей, сильно различающиеся между собой, и оставлять место только некоторым очень грубым суждениям. Такой язык, несмотря на преимущества артикулируемых знаков,
30 стоял бы ниже хорошо развитой системы жестов. Однако это последнее состояние, к которому мы его свели, есть первоначальное состояние как разговорного языка, так и любого другого. Никакой язык не может иметь больше знаков,
35 чем те, кто его учреждают, имеют идей: сперва их очень мало. Но и эти немногочисленные знаки помогают действиям с этими немногочисленными идеями, благодаря им открываются новые обстоятельства, появляются новые наблюдения и, следовательно,
40 начинает ощущаться потребность в

новых знаках для их выражения; эти новые знаки, в свою очередь, позволяют создавать новые комбинации идей, которые снова нужно репрезентировать. Мы видим, что язык сперва удовлетворяет потребности мышления, затем побуждает его к новым действиям, создающим потребность в новых знаках, и так поочередно идея рождает знак, а знак рождает идею. И всю эту последовательность бесчисленных актов и реакций нужно было бы воспроизвести, чтобы иметь возможность исчерпывающе ответить на вопрос, поставленный выше: разумеется, проследить ее во всех деталях совершенно невозможно. Но в целом вполне понятно, что знания и языки всегда прогрессируют совместно, что в каждый момент существует соответствие между идеей и знаком, и, следовательно, совершеннее всегда тот язык, который используется людьми более просвещенными, а грубому языку соответствуют грубые понятия.

Я сказал, что знания и языки идут всегда бок о бок, и что в этом поступательном движении в каждый момент имеется соответствие между идеей и знаком. Однако не все знаки в равной мере способствуют этому приращению и последовательным изменениям: я полагаю, что это свойство в наибольшей мере принадлежит артикулируемым знакам, и что все другие очень развитые и сложные системы знаков, которые существуют в настоящее время, достигли этого уровня сложности не сами по себе, благодаря одному лишь их собственному взаимодействию с идеями, но создавались и совершенствовались людьми, которые уже пользовались артикулируемыми знаками, чей разум был развит этими знаками, и которые составляли иные языки, опираясь на речь*; одним словом, я думаю, что эти системы знаков

* Поэтому все те, кто обучает глухих и немых, создавали для них более или менее удачные системы жестов в зависимости от того, насколько хорошо они понимали правила образования языков и правила образования идей.

5 суть лишь переводы системы артикулируемых
 10 знаков, а не оригинальное творение, составлен-
 15 ное непосредственно на основании идей. Это за-
 20 мечание нас естественным образом приводит к
 25 исследованию особенных качеств артикулируе-
 30 мых знаков: исследованию важному, ведь раз эти-
 35 ми знаками повсюду пользуются более всего, оче-
 40 видно, что именно они вызвали, направляли и
 45 фиксировали общий ход развития человеческого
 50 разума, и что их история есть в то же время исто-
 55 рия наших идей и способов рассуждения. Еще раз
 60 скажу, что грамматика, идеология и логика суть
 65 одно: с тех пор, как мы узнали, что они собой
 70 представляют, я не вижу способа снова разделить
 75 эти три науки.

80 Первое преимущество артикулируемых зна-
 85 ков состоит в том, что они с легкостью отмечают и
 90 закрепляют бесчисленные тонкие нюансы и, сле-
 95 довательно, отчетливо выражают многообразные
 100 близкие друг другу идеи. Но это не их исключи-
 105 тельное свойство: по моему мнению, было бы
 110 слишком смело утверждать, что жесты* непри-
 115 годны для образования комбинаций столь же раз-
 120 нообразных и отчетливых, как и комбинации ар-
 125 тикულიруемых знаков, так что в этом отношении я
 130 не вижу у этих последних преимуществ столь за-
 135 метных, чтобы объяснить всеобщее предпочте-
 140 ние, оказываемое именно этим знакам.

145 Я думаю, что они обязаны этим, во-первых,
 150 тому обстоятельству, что человеку по природе
 155 свойственно производить различные звуки, когда
 160 он чем-либо аффектирован: этот столь необходи-
 165 мый эффект нашей физической организации име-
 170 ет место даже вопреки нашей воле, и эти звуки

* Я не говорю здесь об изображениях, поскольку это вто-
 ричные системы искусственных знаков, которые не могут быть
 созданы иначе как при наличии первоначальных искусственных
 знаков, происходящих непосредственно от знаков естественных.
 Эти вторичные знаки суть не что иное как перевод первоначаль-
 ных.

очень хорошо обрисовывают различные аффектации, будучи их наиболее определенными и ясными естественными знаками. Во-вторых, из всех тех искусственных знаков, которые непосредственно происходят от естественных, звуки наиболее удобны для использования: в отличие от жестов или прикосновений, они не требуют ни пространства, ни свободы рук, их можно производить в любом положении, этому не мешают ни занятия или работы, ни увечья или болезни, их одинаково хорошо слышно днем или ночью, издалека и вблизи, и для этого не нужно поворачиваться к говорящему, смотреть на него, вообще производить какие-либо действия; не нужно даже специально желать их услышать.

Эти-то два свойства звуков — то, что из всех знаков они наиболее естественны и наиболее удобны — и привели к тому, что именно они стали для нас наиболее привычными, что они ближе всего связаны и прочнее всего соединены с нашими идеями, которые они представляют*. Вспомнив то, что мы говорили об эффектах привычки и об общем воздействии знаков, мы почувствуем, что это преимущество огромно, и его достаточно, чтобы сделать звуки повсеместно предпочитаемыми знаками, и чтобы они наиболее эффективно поддерживали операции человеческого ума.

Однако звуки имеют еще одно весьма ценное свойство, а именно способность становиться постоянными знаками. Посредством письма они запечатлеваются перед нашими глазами подобно иероглифам, рисункам и всем другим устойчивым знакам, и подобно им могут в каждый момент вновь пробуждать в нас те идеи, которыми они нас аффектировали преходящим образом; благодаря этому мы вспоминаем то, что могли забыть и

* Еще одно обстоятельство, которое, возможно, повлияло на этот выбор, — тесная взаимосвязь, существующая между голосовыми и слуховыми органами. Г-н Мен-Биран совершенно прав, обращая на него внимание в своем вышеуказанном труде.

что необходимо в связи с другими идеями. Хотите оценить важность этого эффекта? Подумайте о различии между впечатлением, которое производит на нас книга, которую читают нам вслух, и та, которую мы читаем сами, особенно если рассуждение несколько сжато, или предмет нам неизвестен. Я мог бы привести пример еще более убедительный, а именно различие между вычислением в уме и на письме; но в этом случае нужно приписать значительную часть эффекта тому различию, которое существует между языком имен чисел и языком цифр; эти последние представляют, посредством своих разрядов, множество отношений, т. е. суждений, которые невозможно выразить, просто записывая названия чисел. Поэтому ограничимся первым примером; его достаточно, чтобы продемонстрировать пользу постоянных знаков, даже если брать в расчет только пользу сиюминутную и не упоминать о том, что они сохраняют для других эпох и стран конфигурации идей, которые иначе распались бы и были безвозвратно потеряны. Благодаря письму звуки приобретают все эти преимущества постоянных знаков, и единственные, среди всех преходящих знаков, имеют эту прерогативу, ведь все без исключения знаки могут быть переведены, но никакие, кроме звуков, не могут быть записаны. Чтобы вам, молодые люди, это стало по-настоящему понятно, нужно, чтобы я показал более подробно, в чем состоят действие перевода и действие письма. Я вплотную подошел к этому объяснению, когда отказался рассматривать алфавиты как отдельные языки, и алфавитные символы — как знаки; но этого недостаточно, и сейчас самое время вернуться к этой теме.

Переводить — значит производить операцию, посредством которой соединяют знаки некоего языка с идеями, которые первоначально были соединены со знаками другого языка; первая ассоциация заменяется второй и, следовательно, это действие с необходимостью требует, чтобы обе

ассоциации присутствовали в уме переводчика одновременно. Эта операция осуществляется всякий раз, когда мы переводим наши идеи с одного разговорного языка на другой; но она осуществляется и тогда, когда мы выражаемся жестами, жесты передаем иероглифами или другими фигурами, а смысл этих фигур описываем словами, или даже когда мы только заменяем одну систему знаков каждого из этих видов другой системой того же вида — в общем, перевод имеет место всякий раз, когда мы заменяем один язык другим. Выражаем ли мы наши идеи или воспринимаем идеи других, эта операция перевода равным образом осуществляется в наших головах, если язык, посредством которого мы их выражаем или воспринимаем, отличен от того, с помощью которого мы их образуем и который для нас ближе всего с ними связан. Трудность этой операции в точности пропорциональна тому, насколько нам привычно ассоциировать наши идеи со знаками языка, на который или с которого мы переводим: если этот второй язык нам столь же близок и привычен, как и тот, на котором мы думаем, если наши идеи одинаково легко могут быть связаны со знаками первого и второго языков, трудность отсутствует вовсе или, скорее, это вообще не будет переводом. Но я не думаю, что такое совершенное равенство двух языков могло бы существовать в одной человеческой голове; и если оно еще могло бы иметь место между системами знаков других видов, то между двумя разговорными языками, двумя системами звуковых знаков оно невозможно: ведь мы видели, что никакой другой вид знаков не может стать столь глубоко привычным, как звуки. Операция перевода, таким образом, всегда затрагивает и нарушает связь наших идей с определенными ощущениями.

Ничего подобного не происходит при действиях чтения и письма. Воздействие письма состоит в том, что нам напоминают преходящий звук

5

10

15

20

25

30

35

40

5 посредством устойчивого знака. Будь люди более
разумны, существовал бы только один алфавит
для всех разговорных языков, а в этом алфави-
те — только по одной букве для каждого звука и
каждого особенного способа его произношения:
10 все остальное только нагромождение бесполез-
ных вариантов. Нет никакого прямого и непосред-
ственного отношения между буквой и идеей;
за исключением случаев традиционного и не под-
чиняющегося общим орфографическим правилам
15 написания, чтобы записывать и читать слова, вов-
се не требуется понимать их смысл, достаточно
знать, что такая-то буква соответствует такому-
то звуку; если это известно, то зрительное ощу-
щение пробуждает воспоминание об ощущении
20 слуховом, вот и все. Это, если угодно, перевод од-
них знаков в другие, но никоим образом не пере-
вод идей, не их передача посредством других зна-
ков; это совсем иное действие, поскольку оно не
затрагивает привычную связь между такой-то
идеей и таким-то ощущением; записанное слово
25 только напоминает нам слово звучащее, и ничего
более. Итак, вы видите, что буквы алфавита явля-
ются лишь знаками знаков, но не знаками идей, и,
строго говоря, только их и следовало бы призна-
вать настоящей письменностью. Любые же другие
символы, используемые для записи идей, суть их
самостоятельные знаки, образующие самые на-
стоящие языки, так что их, собственно говоря, не
30 читают, но переводят с этих языков на разговор-
ный язык; это подтверждается тем, что такие зна-
ки невозможно произнести без понимания их
значения, равно как и нельзя, например, зафиксиро-
вать постоянными знаками жесты, не зная, что
35 эти жесты означают.

Итак, я был прав, когда утверждал, что только
звуковые знаки могут быть записаны и прочита-
ны, и что, следовательно, из всех преходящих зна-
ков только они обладают свойством становиться
40 постоянными, не переставая быть самими собой;

поэтому, помимо того, что они весьма разнообразны и хорошо различимы между собой, они наиболее естественны и удобны для использования. Эти два обстоятельства сделали их привычными до такой степени, какой никакие другие виды знаков не смогли достичь; становясь же по нашему желанию постоянными знаками, они еще многократно увеличивают свою полезность, к тому же тогда они воздействуют сразу на два чувства вместо одного, и это обстоятельство еще больше увеличивает силу их связи с идеями.

Всего этого более чем достаточно, я полагаю, чтобы объяснить всеобщее предпочтение, отдаваемое звуковым знакам, показать, что они не идут ни в какое сравнение со всеми другими видами знаков, и доказать, что только они эффективно способствуют деятельности человеческого ума, и что, намереваясь понять влияние знаков на формирование идей, именно эти знаки мы и должны изучать. Все, что может быть в этом отношении интересного в истории знаков, мы узнаем, занимаясь историей знаков артикулируемых: этим я и ограничусь во второй части настоящего труда, и моя грамматика будет содержать только анализ разговорных языков, хотя выводы ее применимы к любым языкам. Исследуя различные виды слов, из которых составлены эти языки, и те законы, по которым они образуются и соединяются в речи, мы увидим более подробно, как они руководят нашим разумом. Пока же, я полагаю, мы можем довольствоваться проведенными рассуждениями и всем тем, что ранее было сказано об общем воздействии знаков и особенных воздействиях определенных видов знаков на образование наших идей; нам остается рассмотреть их в качестве средства, с помощью которого мы сообщаем эти идеи другим.

Каким бы важным ни было это второе их свойство, мы не потратим на него много времени; следствия, которые из него проистекают, столь

поразительны, что их достаточно лишь указать, или даже, скорее, просто собрать то, что уже говорилось об этом в разных местах. Легко можно понять, что это свойство знаков — быть средством коммуникации с себе подобными — есть источник всех общественных отношений и, следовательно, порождает все наши чувства по этому поводу и все моральные установления; не менее очевидно, что без него каждый человек и в действиях, и в познании был бы ограничен своими индивидуальными силами, и мы уже отмечали, что в таком случае он оставался бы беспомощнее самого примитивного дикаря, ведь и наиболее грубые из них обязаны многими идеями своему обществу; даже животные в какой-то мере обучают себе подобных и не замыкаются в своем личном опыте. Наконец, если и не признавать этого обстоятельства и сильно преувеличивать возможности умственного развития изолированного индивида, то и тогда придется согласиться, что все его достижения были бы потеряны для человечества, и что человеческий род был бы осужден пребывать в вечном детстве.

Итак, нет сомнений, что мы обязаны всем, что мы есть, этой возможности общаться с себе подобными, но мы еще не знаем, как же именно в ходе коммуникации осуществляется обмен идеями; разобраться в этом не так легко, как кажется сначала. Действительно, с первого взгляда ясно, что легче узнать что-либо от других, чем изобрести это самостоятельно, и что люди могут обмениваться идеями друг с другом; они пользуются всеми размышлениями и выводами друг друга, и кажется, что тем самым все объяснено. Однако в то же время все знают, что идея непередаваема, и чтобы она действительно возникала в нашем сознании, когда мы слышим или видим представляющий ее знак, необходимо, если это простое ощущение, иметь опыт такого ощущения: можно, например, бесконечно рассказывать слепому от

рождения, что такое цвет, и все равно он не будет знать, о чем идет речь. Если же это идея сложная, нужно хорошо знать все элементы, которые ее составляют, и понимать связь между ними; очевидно, что без этого мы не понимали бы значения соответствующего слова, и что именно это нам более или менее успешно пытаются сообщить, давая определения. Наконец, если эта идея — суждение, то предложение, которое его выражает, не имеет для нас смысла и остается таким же пустым звуком, как если бы оно было произнесено на неизвестном нам языке, если нам незнакомы оба его термина, если мы не произвели над каждым из них вышеописанные операции, и вследствие этого не выполнили сами акт мысли, который состоит в восприятии отношения между ними. Все это несомненно; и все же, когда об этом рассуждают, пытаются вывести отсюда следствие, полностью противоположное тому, которое кажется вполне очевидным, и считают, что понимание знаков, подаваемых нам другими, не содержит для нас никакой трудности, хотя для их понимания нужно, чтобы мы выполнили те же самые умственные операции, как и для того, чтобы самостоятельно образовать выражаемые этими знаками идеи. Впрочем, так обстоит дело почти со всеми идеологическими феноменами: они имеют свойства столь многочисленные и многообразные, что о них выносят суждения весьма различные в зависимости от того, в каком аспекте их рассматривают; для того же, чтобы действительно их познать, нужно изучить их всесторонне. В данном случае следует держаться середины между двумя крайностями: ибо, с одной стороны, несомненно, что каждый имеет только те идеи, которые он сам создал, и что никто не может мыслить за другого; но с другой — не менее очевидно, что каждый действует и думает по-своему и сообщает другим о впечатлениях, полученных при этих действиях, и о комбинациях идей, им созданных.

5

10

15

20

25

30

35

40

5 Элементы, лежащие в основе этих результатов и комбинаций, хорошо известны людям, к которым он обращается, потому что это ощущения, общие для всех: именно по этой причине они его пони-
 10 мают, и в этом отношении он им не сообщает ничего нового; но комбинации, создаваемые из этих элементов, следствия, которые из них выводят, анализы, которые можно произвести, бесконечно разнообразны, причем значительная их часть
 15 возникает благодаря обстоятельствам, а в других обстоятельствах они вовсе не имели бы места. Нет, таким образом, ничего чудесного в том, что все может быть представлено всем, если только не представлять коммуникацию таким образом,
 20 что посредством обмена идеями каждый из нас оказывается способен действовать, размышлять и выбирать за всех; это не так, но все, что им открыто, становится общим достоянием, источником новых комбинаций и предпосылкой новых
 25 достижений, будучи выражено и зафиксировано посредством знаков, которые изобретаются благодаря устойчивым ассоциациям и по мере того, как такие ассоциации устанавливаются. Как уже было сказано, в первые годы нашей жизни, полу-
 30 чая впечатления от всего, что на нас воздействует и обучаясь знакам всего того, что нас окружает, мы усваиваем девяносто девять сотых всех тех идей, которые когда-либо приходили людям в голову, и тотчас же можем создавать из них бесчисленные новые комбинации.

Эти последние наблюдения напоминают те, которые были нами сделаны в главах VI, XIV и XV, где речь шал об образовании сложных идей, эффектах привычки и о совершенствовании наших способностей; ведь все эти темы взаимосвязаны, и все части этого трактата зависят друг от друга и поясняют одна другую: необходимо помнить то, что мы говорили об этих предметах, чтобы действительно понимать то, что мы только что
 40 сказали о свойствах и действиях знаков, равно

как и то, что нам остается сказать об их недостатках. Этим мы и завершим описание знаков.

Сколь бы велики ни были выгоды от использования знаков, нужно признать, что они имеют недостатки; и если мы обязаны им почти всеми нашими достижениями, то и причиной почти всех заблуждений я считаю их же.

Прежде всего, мы уже отмечали, что использование знаков, будучи однажды введено у людей, уменьшает потребность в самостоятельном мышлении, и вместо того, чтобы создавать собственные идеи и руководствоваться ими, мы получаем их полностью готовыми от тех, кто ими пользовался до нас, поскольку почти всегда восприятие знака предшествует появлению у нас самих той идеи, которую он призван представлять. В действительности этот знак не имеет никакого значения для нас до тех пор, пока мы не приобретем личное знание об этой идее; но когда идея очень сложна, а таких идей множество, ее личного знания бывает нелегко достичь, это требует длительного труда, который часто остается незавершенным. Наш непосредственный опыт в большинстве случаев оказывается недостаточным, и потому все сводится к предположениям, индукциям, аппроксимациям; наконец, мы почти никогда не имеем полной уверенности, что идея, которую мы для себя таким образом создали в качестве значения данного знака, будет в точности той же, что и идея, которую соединяют с ним те, от кого мы узнали этот знак, и другие пользующиеся им люди. Отсюда происходит то, что зачастую слова меняют свое значение в зависимости от времени и места, и никто не замечает этих изменений: таким образом, мы можем утверждать, что всякий знак совершенен для того, кто его создает, но всегда содержит те или иные неопределенности и неясности для тех, кто его получает готовым; а ведь таких большинство. С подобным несовершенным знаком мы и соединяем наши идеи, кото-

5

10

15

20

25

30

35

40

рые затем с помощью этого же знака манифестируем.

Я только что согласился, что любой знак совершенен для того, кто его изобретает; но и это безусловно верно только в тот момент, когда он его создает, ведь когда он использует тот же самый знак в другой период своей жизни или при другом расположении ума, он уже не может быть уверен, что обозначил этим знаком в точности тот же комплекс идей, что и в первый раз; вполне возможно, что он, сам того не замечая, присоединил к нему новые идеи и потерял из виду некоторые прежние. Так, если я выучил слово «любовь» и слово «море», ни разу не испытав первой и никогда не видел второго, я приспособляю к каждому из этих слов группу идей, образованную предположительно и имеющую весьма мало общего с реальностью; затем, после того как я испытал любовь и увидел море, я собираю под этими словами множество действительно пережитых восприятий, но я не могу быть уверен, что они в точности те же, как и испытанные людьми, от которых я узнал эти слова; наконец, ни я, ни те, кто обучил меня их использованию, не можем знать наверняка, всегда ли в дальнейшем эти слова будут пробуждать в нас те же восприятия, или с течением времени возраст, обстоятельства, различные события, наше моральное и физическое состояние, эффекты привычки вносят свои поправки; таким образом, один и тот же знак неизбежно нам дает сначала идею очень несовершенную или даже совсем химерическую, затем некую идею, отличную от идеи других людей, пользующихся этим же знаком, и, наконец, идею, часто сильно удаленную от той, которую мы сами с ним связывали в том или иной момент.

Исследование этих трех недостатков знаков показывает нам: 1) в чем состоит успешное исправление первоначальных идей, или то, что называется умственным прогрессом молодых лю-

дей; 2) источник различия и противоположности человеческих мнений об идеях, выраженных определенными словами; 3) причину изменчивости этих мнений в различные периоды жизни. Эти явления кажутся необъяснимыми, если исходить из предположения, что в силу общности физической организации людей они все, в любом возрасте и в любое время, воспринимают одни и те же отношения одним и тем же способом, так что одинаковое в реальности и понимается одинаково; но если признать, что, строго говоря, в действительности каждый из нас, не подозревая о том, имеет свой собственный язык и к тому же ежеминутно вносит в него изменения, то следует ли удивляться, что мы часто не можем договориться с самими собой, и, следовательно, не держимся ни чужих мнений, ни своих собственных?

Эти недостатки знаков коренятся в самой их природе, или, скорее, в природе наших умственных способностей; здесь мы возвращаемся к тому, что говорилось о действиях этих способностей и результатах их частого повторения. Они, таким образом, не могут быть полностью устранены, но лишь ослаблены; это происходит по мере того как идеи разрабатываются и уточняются, а сами знаки выражают и фиксируют анализы все более совершенные и тонкие, при которых остается меньше места для случайных вариаций. Но у знаков, которыми мы пользуемся, есть и много других изъянов, не имеющих иных причин, кроме невежества тех времен, когда эти знаки создавались, и вполне устранимых. Таковы неправильности словообразования, неуклюжий способ соединения слов, их связывания между собой, часто противоречащий тем связям идей, которые они представляют, излишние сложности, которые они привносят в выражение мысли. Я не стану здесь входить в подробности; они будут более уместны, когда мы займемся детальным исследованием разговорных языков, и узнаем, как мы используем идеи и

знаки в наших дедукциях: тогда мы сможем сказать, каким требованиям должен отвечать совершенный язык, и как мы могли бы приблизить к нему существующие языки*. Пока же достаточно того, что я показал вам, как действуют знаки вообще и некоторые отдельные виды знаков, в особенности знаки разговорных языков; что вы почувствовали их преимущества, увидели их недостатки и убедились, что они являются причиной как прогресса разума, так и его заблуждений. К сказанному нужно добавить, что именно в силу влияния знаков на обмен идеями, единственным средством коего они являются, оказывается, что, хотя все наши идеи нам даются с помощью чувств и разрабатываются с помощью умственным способностей, ни совершенство чувств, ни даже совершенство этих способностей отнюдь не являются мерой способностей нашего разума, как это было бы для изолированного индивида, и что мы в этом отношении почти полностью зависим от среды и обстоятельств, нас окружающих. Теперь я предоставляю вам, молодые люди, судить о важности образования, если взять это слово в самом широком его значении. На этом я остановлюсь и этим завершу первую часть моего труда. В качестве приложения к ней предлагаю краткий экстракт, который может служить ее аналитическим оглавлением: он суммирует изложенные здесь идеи и помогает лучше понять их связь.

* См. «Грамматику», гл. VI.

Экстракт, служащий также аналитическим оглавлением

Предисловие

Идеология есть часть зоологии.

Локк, я полагаю, был первым, кто рассматривал ее с такой точки зрения; он, во всяком случае, сделал ее частью физики.

Кондильяк является подлинным создателем этой науки, но он не оставил ее систематического изложения. 5

Моей целью было его дополнить. Это первый опыт такого рода, и он не может быть свободен от серьезных недостатков. 10

Все, чего я желаю — обсуждения теории, основы которой здесь представлены.

Я надеюсь также, что моя работа может быть полезна для целей образования.

Я опубликовал эту первую часть, посвященную образованию идей, но не спешу с публикацией следующих частей, где речь идет об их выражении и их дедукции, чтобы у меня было время собрать и обдумать отзывы просвещенных людей и изменить свои мнения, если к тому появятся основания. 15 20

Введение

Я обращаюсь, прежде всего, к молодым людям, потому что их мнения еще не устоялись, и по- 25

тому что их не раздражает, когда их внимание обращают на детали, которые люди более зрелые считают вполне очевидными, хотя, как правило, никогда не подвергали их сколько-нибудь удовлетворительному исследованию.

Я считаю юношей вполне способными изучать эту науку, которая нисколько не труднее других, и которая даже необходима для более полного и более легкого понимания многого из того, чему их учат с детства.

Нужно только исходить из уже им известного и на это опираться, а не начинать с определений общих и абстрактных терминов; ведь будь они в состоянии хорошо понимать эти определения, т. е. ясно видеть все идеи, обозначаемые словами, входящими в определение, они бы уже знали эту науку.

Итак, никаких дефиниций не должно быть в начале изучения идеологии. Первое, что следует сделать, это приучить учеников замечать то, что происходит в их головах, когда в ходе своих игр или в ходе учебы они думают и рассуждают.

Глава первая. Что значит думать?

Способность мыслить состоит в том, чтобы испытывать множество впечатлений, изменений своих состояний и способов существования, которые мы осознаем; все они могут быть объединены под общим названием идей, или восприятий.

Все восприятия, все идеи суть то, что мы ощущаем. Их можно назвать ощущениями или чувствами, если придать этим словам очень широкий смысл, поскольку имеется в виду все, что мы можем ощутить. Таким образом, думать — значит что-либо ощущать, и мышление есть ощущение.

Мыслить, или ощущать, для нас то же самое, что существовать: ведь если бы мы ничего не ощущали, то не воспринимали бы и своего существования; оно было бы для нас ничем, хотя бы его и воспринимал кто-нибудь другой.

Из этих идей, или восприятий, одни являются ощущениями в собственном смысле слова, другие воспоминаниями, третьи отношениями или качествами, которые мы воспринимаем, четвертые — желаниями, которые мы испытываем.

Таким образом, способность *мыслить*, или воспринимать, включает в себя четыре элементарные способности, называемые соответственно *чувственным восприятием, памятью, способностью суждения и волей*.

Если в ходе исследования этих четырех способностей будет установлено, что их достаточно для образования всех наших идей, то можно будет считать доказанным, что ничего более в нашей способности мыслить не содержится.

Глава вторая. О чувственном восприятии и ощущениях

Чувственное восприятие есть такое свойство нашего существа, в силу которого мы получаем разнообразные впечатления, называемые ощущениями, и осознаем это; о его наличии у нас самих мы знаем из опыта и признаем его в себе подобных и в других существах по аналогии, соответственно тому, насколько это проявляется в их действиях. Мы не можем ни утверждать, ни отрицать его наличие у тех существ и предметов, которые не имеют средств его как-либо выразить.

Органами чувственности у нас являются нервы. Их главные стволы соединяются в различных точках тела, и особенно в мозге, где они теряются, смешиваясь друг с другом.

С помощью всех тех их окончаний, которые расположены на поверхности тела, мы получаем ощущения, которые объединяются под именем тактильных, хотя при более тщательном исследовании их можно было бы разделить на несколько классов: ведь ощущение, вызванное одной и той же причиной, меняется в зависимости от того, на

5

10

15

20

25

30

35

40

какую часть тела та воздействует; таким образом, тактильное чувство, собственно говоря, составлено из нескольких разных чувств.

5 Независимо от этих общих ощущений, мы получаем ощущения другого рода с помощью тех нервных окончаний, которые расположены в определенных органах, также находящихся на поверхности нашего тела; таковы ощущения зрительные, слуховые, обонятельные и вкусовые. Вместе с
10 тактильными они образуют то, что называется *внешними ощущениями*.

Но кроме этих внешних ощущений, мы еще получаем, с помощью нервных окончаний, пронизывающих большую часть внутренних органов, множество других, которые мы называем *внутренними ощущениями*.

К ним относятся ощущения, возникающие при функционировании или повреждении различных частей нашего тела.

20 К ним относятся, кроме того, ощущения, которые порождаются движением наших органов.

К ним относятся, наконец, все те ощущения удовольствия или страдания, которые причиняет то или иное расположение нашего ума и страсти,
25 это расположение изменяющие.

Тем не менее, страсти сами по себе не должны причисляться к простым ощущениям, потому что все они содержат, кроме того, то или иное желание, а оно есть проявление способности, именуемой волей; таким образом, в страсти обнаруживается проявление сразу двух различных способностей, чувственности и воли. Лишь то состояние страдания или удовлетворения, в которое она нас приводит, целиком относится к чувственности в
35 собственном смысле слова.

Глава третья. О памяти и воспоминаниях

30 *Память* — следующий отдельный вид чувственности, или следующая часть чувственности в целом. Она состоит в том, что на нас воздейству-

ют воспоминания о ранее испытанных впечатлениях.

Воспоминание есть разновидность внутреннего ощущения, но оно отличается от тех внутренних ощущений, о которых мы только что говорили, поскольку оно вызвано определенным предрасположением, сформировавшимся в мозге, а не действительным впечатлением, возникшим в каком-либо ином органе.

Распознать в испытываемом нами восприятии именно воспоминание нам позволяет не природа самого воспоминания, которое вовсе не сообщает нам, что исходит из мозга, а не из органов чувств, равно как и ощущение само по себе не сообщает нам, откуда оно пришло и что его вызвало: мы это узнаем, равно как и отличаем воспоминания от подлинных ощущений, лишь посредством суждения.

Это доказывается тем, что у нас бывают воспоминания, которые мы не опознаем в качестве таковых и принимаем за новые идеи; и вполне правдоподобно, что наши первые ощущения мы получаем, еще не зная о существовании тех органов, откуда они поступают.

Впрочем, даже будь иначе, будь с нашими ощущениями и воспоминаниями неразрывно связано знание об их происхождении, оставалось бы не менее истинным, что восприятие ощущения есть проявление чувственного восприятия, восприятие воспоминания есть проявление памяти, а составление суждения есть проявление третьей умственной способности, о которой речь пойдет далее.

Таковы дистинкции, которые никогда нельзя терять из виду, если мы хотим избежать путаницы в анализе нашей способности мыслить.

Глава четвертая. О суждении и восприятии отношений

Способность судить, выносить суждения есть еще одна разновидность чувственности, пос-

5

10

15

20

25

30

35

40

кольку это способность ощущать отношения между восприятиями.

Эти отношения суть точки зрения нашего собственного разума, акты способности мышления, посредством коих мы сближаем одни идеи друг с другом, объединяем и сравниваем их тем или иным способом. Они являются внутренними ощущениями мозга, подобно воспоминаниям.

Способность воспринимать отношения есть, по существу, необходимое следствие способности воспринимать ощущения: ведь из того, что воспринимают раздельно два ощущения, естественно происходит то, что воспринимают их сходства, различия, связи между ними и т. д.; итак, будучи следствием способности ощущать, она не могла бы ни предшествовать ей, ни существовать без нее.

Из этой способности возникают все наши знания: ведь если бы мы не воспринимали отношения между нашими восприятиями и не выносили об этих восприятиях никаких суждений, мы могли бы испытывать их вечно и никогда не узнали бы о них ничего.

Чтобы воспринимать отношения, или, что то же самое, выносить суждения, нужно иметь две различные идеи одновременно, и ничего сверх этого.

Ведь предложение, которое есть не что иное как выражение суждения, не содержит ничего, кроме двух терминов, субъекта и атрибута. Глагол «есть» — часть атрибута, а не некий третий термин суждения, он обозначает лишь сам акт разума, который судит; это доказывается тем, что если поставить его в форму инфинитива, то фраза не будет выражать никакого суждения.

Не существует отрицательных суждений; всякое суждение с необходимостью утвердительно, поскольку оно есть восприятие: ведь невозможно воспринимать отсутствие чего бы то ни было.

Точно так же на самом деле нет и отрицательных предложений: некоторые кажутся таковыми,

но это лишь их форма, в основе же их всегда лежит утверждение.

Утверждение, составляющее суть любого предложения, сводится всегда к тому, что вся идея атрибута целиком входит в идею субъекта и образует ее часть; ведь любое суждение заключается лишь в ощущении того, что некая идея является одной из составляющих другой идеи, ее частью.

Неправильно, что атрибут называют большим термином предложения.

Действительно, он всегда является идеей более общей, чем субъект, и, следовательно, имеет больший объем; но при выражении суждения атрибут высказывается только о тех предметах, которые охватывает субъект; таким образом, объем атрибута ограничивается, он определяется объемом субъекта и никогда не бывает больше него.

С другой стороны, поскольку атрибут сам по себе есть идея более общая, его содержание беднее.

Таким образом, он всегда равен субъекту по объему и уступает ему по содержанию*.

Глава пятая. О воле и восприятии желаний

Воля есть четвертый вид чувственности; это способность ощущать желания.

Наши желания суть следствия других наших восприятий и тех суждений, которые мы о них выносим; но они имеют ту особенность, что благодаря ним мы бываем счастливы или несчастны, в зависимости от того, исполняются они или нет.

У желаний есть и другая примечательная особенность: по большей части именно они приводят

* Возможно, будут и далее настаивать на этом основополагающем принципе, сводящем способность суждения, которую мы определяем как способность воспринимать отношения, к способности воспринимать всегда одно и то же отношение; но истинность нашего утверждения станет яснее позже, когда мы увидим, как образуются сложные идеи, и еще более прояснится в «Грамматике» и особенно в «Логике», где на нем и основывается вся теория.

в действие наши механические и интеллектуальные силы и управляют ими, так что существованию в нас желаний мы обязаны всеми нашими достижениями в этом мире.

5 Именно поэтому свое «я» мы связываем с этой способностью более, чем с любой другой, и выражения «это зависит от меня» и «это зависит от моей воли» употребляем как синонимичные.

10 Этим же объясняется и то, что мы придаем большое значение воле других, стараемся ею овладеть, на нее воздействовать, заботимся о том, чтобы люди были к нам благожелательны.

15 Из желания, чтобы к нам были благожелательны, закономерно проистекает желание, чтобы нас уважали, а оба эти желания столь же закономерно порождают удовлетворение, которое мы испытываем, когда ощущаем себя одушевленными благородными порывами, и тягостное чувство, которое нас охватывает, когда мы распознаем в 20 себе действие низменных страстей.

25 Другие следствия свойств воли состоят в том, что мы нуждаемся в хорошем руководстве, посредством чего достигается исправление суждений, а все наши желания проистекают из суждений; и что цель, к которой следует стремиться — это перестать образовывать желания противоречивые, осуществление которых привело бы нас к тому, чего мы хотим избежать, ведь в этом случае счастье для нас невозможно.

30 Глава шестая. Об образовании сложных идей

Итак, вот четыре различные способности, вместе образующие способность мыслить, и четыре разновидности ощущений; из них три последние суть следствия первой и не могут иметь места без нее.

40 Но ни одна из бесчисленных идей, существующих в наших головах, не является простой идеей, т. е. результатом одного-единственного акта мышления; все они — составные, сложные, т. е. обра-

зованные при участии нескольких элементарных способностей.

Рассмотрим же, как с помощью этих четырех видов восприятий — способностей, ощущений, воспоминаний, суждений и желаний — мы образуем все сложные идеи. 5

Когда мы впервые испытываем некое ощущение, если мы при этом не делаем ничего больше, и только воспринимаем его, это ощущение является идеей абсолютно простой, единственным интеллектуальным актом. 10

Допустим, сразу же вслед за тем мы присоединяем к нему суждение, что это ощущение было вызвано в нас таким-то объектом; с этого момента оно перестает быть простой идеей и становится идеей, составленной из акта ощущения и акта суждения; тем не менее, эта идея все еще относится к единичному факту. 15

Если впоследствии мы испытываем похожее ощущение по поводу другого объекта, воспоминание об этом ощущении становится общей идеей, в которой мы уже не принимаем в расчет обстоятельства времени и места и другие подробности каждого из подобных ощущений. 20

Поэтому, например, идея красного для нас является воспоминанием уже не о впечатлении, произведенном таким-то красным телом, но о впечатлении, производимом в равной мере всеми красными телами; точно так же идея доброты более не является идеей качества, присущего такому-то доброму человеку, но идеей качества, присущего всем добрым людям. 25 30

Точно так же обстоит дело с идеями реально существующих вещей: это всегда сложные идеи. Они образуются путем объединения всех впечатлений, которые мы получаем от этих объектов. 35

Когда-то, соединяя определенный запах и определенный вкус, я образовал идею первой увиденной мною земляники. Сегодня моя идея земляники есть идея общая и единая для всех аналогич- 40

ных объектов, на которые я ее распространяю, отбрасывая небольшие различия, имеющиеся между ними.

Итак, объединяя несколько наших элементарных идей, или восприятий, мы образуем сложные идеи единичных объектов, а устраняя из полученных сложных идей те или иные особенности, мы их обобщаем.

Этих двух операций достаточно для образования всех сложных идей, и они не требуют никаких других элементов, кроме ощущений, воспоминаний, суждений и желаний.

Нужно только добавить, что в реальности существуют лишь единичные объекты, индивиды, и что общие идеи не существуют нигде, кроме как в нас, будучи творениями нашего разума, способами классифицировать наши идеи единичных объектов.

Еще отсюда следует, что чем более общей является идея, тем больше число индивидов, которые она охватывает, тем больше ее объем; но тем менее она отражает особенности каждого из них, ведь в ней остаются только те черты, которые общи им всем, т. е. тем меньше ее содержание.

Это значит, что мы можем утверждать о каждом из этих индивидов все то, что мы можем утверждать об общей идее, в то время как о ней мы не можем утверждать что-либо, исходя из тех особенных их качеств, которые не были включены в нее при ее образовании; но это никоим образом не значит, что сама общая идея и является причиной истинности утверждения: напротив, его достоверность всегда создается его соответствием отдельным фактам.

Глава седьмая. О существовании

Все, что мы до сих пор сказали, относилось к нашим внутренним модификациям, действиям нашей мысли, и мы абстрагировались от ее отношения ко всем тем вещам, которые не есть она сама,

и от способа, каким она постигает существование этих вещей.

Нам остается теперь разобраться, как мы приходим к суждению, что наши ощущения вызыва-
ются вещами, отличными от нас самих, и есть ли у нас основания для такого суждения. 5

Очевидно, что внутренние ощущения могут нам доказывать только существование нас самих.

То же относится к вкусам, запахам и звукам.

Следует сказать то же самое и о визуальных ощущениях: помимо многих других соображений, 10
ведь часто бывает, что одна и та же вещь порождает у нас совершенно разные зрительные впечатления в зависимости от обстоятельств, расположения, расстояния, чем и подтверждается, что в зрительных впечатлениях нет ничего, что доказы- 15
вало бы действительное и непрерывное существование этой вещи.

Тактильные ощущения, которые мы испытываем, сами при этом не совершая никаких движений, способны доказать это не более, чем ранее рассмотренные; подобно им, эти ощущения за- 20
ставляют нас ощутить самих себя, нашу собственную чувственность, наше собственное существование, но они не сообщают нам, что их вызывает. 25

Ощущение, которое мы испытываем, когда какая-либо часть нашего тела произвольно движется, кажется, на первый взгляд, более пригодным для того, чтобы внушить нам мысль о существовании других тел: ведь когда это движение прекращается, встретив сопротивление со стороны 30
какого-либо препятствия, мы это осознаем; однако ничто не дает нам знать ни почему оно прекратилось, ни что ему противостоит, ни есть ли у нас части тела, ни что есть их движение. 35

Но если к этому ощущению движения мы добавим условие, что движение осуществляется по нашей воле и сопровождается желанием его продолжать, испытывать связанное с ним ощущение и 40
далее, то, когда это движение прекращается,

встретив препятствие, мы убеждаемся, что прекратили его не мы. Тем самым мы одновременно удостоверяемся в существовании и себя, поскольку мы воспринимаем свое желание, и некоей другой вещи, оказывающей нам сопротивление. Если даже в первый момент мы и не воспримем существование этой другой вещи, вскоре множество опытов нас в нем убедят, продемонстрировав нам, что целый ряд впечатлений разных видов устойчиво связан с этим ощущением сопротивления, регулярно ослабевая или исчезая, когда исчезает это ощущение сопротивления, и возобновляясь, когда оно повторяется; поэтому мы сможем с уверенностью заключить, что эти впечатления также суть эффект качеств этого тела, основное свойство которого состоит в том, что оно оказывает сопротивление нашему желанию испытывать ощущение движения.

Одним словом, когда существо, физическая организация которого позволяет ему желать и действовать, ощущает в себе желание действовать и само действие, и в то же самое время ощущает сопротивление этому желаемому и ощущаемому действию, оно удостоверяется не только в собственном существовании, но и в существовании некоей вещи, которая не есть оно само. Желаемое и ощущаемое действие с одной стороны, и сопротивление этому действию с другой: вот связь между нами и всеми вещами, между ощущающим и ощущаемым.

Если бы материя не оказывала нам сопротивления, не обладала свойством резистентности, мы бы ее не ощущали, а не испытывая таких ощущений, могли бы знать лишь о собственном существовании; но даже и при наличии материи, оказывающей сопротивление движению, существо, которое было бы неподвижно или двигалось, не ощущая и не желая того, ничего не знало бы о существовании чего-либо вне себя.

Наконец, существо полностью нематериальное и не имеющее органов могло бы знать только

самого себя, и если бы мы не состояли, по меньшей мере частично, из материи, то не могли бы мыслить так, как мы это делаем, и не знали бы ничего из того, что мы знаем.

Глава восьмая. Как приводятся в действие наши умственные способности?

Эта глава призвана опровергнуть мнение, которого я сам ранее придерживался. Я полагал, что пока мы знаем только существование своего чувствующего «я», все наши восприятия с необходимостью смешиваются друг с другом по мере того как они у нас появляются. Несколько одновременных восприятий кажутся нам одним, и у нас нет никакого способа отчетливо различить их. Соответственно, до обнаружения существования вещей, отличных от нас самих, мы не можем вынести никакого суждения, еще менее способны образовать желание, и еще менее — выполнять какие-либо движения в соответствии с этим желанием. Будь это предположение верно, из него следовало бы, что, если произвольные движения нам необходимы, чтобы узнать о существовании чего-то иного, чем наше «я», то мы не узнаем этого никогда. Поэтому, когда я думал так, я в то же время считал, что случайного произвольного движения было бы достаточно, чтобы заставить нас открыть существование тел.

Сейчас же я думаю, что только *желаемое* движение может привести нас к этому знанию; но в то же время считаю доказанным теорией и фактами, что благодаря одному только восприятию ощущения мы можем прийти, по меньшей мере, к тому суждению, что это ощущение нам так или иначе приятно или неприятно и, следовательно, образовать желание его испытывать или избегать; и что поэтому, еще не зная другого существования, кроме существования нашего чувствующего «я», мы уже можем иметь и осознавать желание испытывать ощущение движения.

5

10

15

20

25

30

35

40

Таким образом, одного лишь простого ощущения, одного лишь восприятия собственного «я», одного лишь знания о своем существовании в качестве чувствующего существа достаточно, чтобы мы начали создавать воспоминания, суждения и желания, т. е. чтобы привести в действие память, способность суждения и волю.

Глава девятая. О свойствах тел и их соотношении

Итак, мы убедились, что пока мы только ощущаем, вспоминаем, судим и желаем, не предпринимая никаких действий, мы знаем только о своем существовании, причем и самих себя знаем только в качестве существ чувствующих, наподобие чувствующего духа, без протяженности, формы, частей, без всех тех качеств, которые присущи телам.

Мы убедились и в том, что когда наша воля переходит в действие, когда она побуждает нас двигаться, сила инерции материи наших органов, то ее свойство, что она сопротивляется движению и нашей воле, прежде чем ей уступить, дает ощущение, которое, может быть, само по себе еще не учит нас ничему новому; но когда это ощущаемое нами движение, которое мы хотим продолжать, прекращается, встретившись с каким-либо препятствием, мы удостоверяемся, что существует что-то еще, кроме нашего чувствующего духа. Это наше тело, это окружающие тела, это мир и все, что в нем есть.

Свойство материи сопротивляться нашей воле к движению есть, таким образом, основание всего, что мы о ней узнаем впоследствии. Вещь, которая совершенно не оказывала бы сопротивления, не могла бы вызвать никакого ощущения, и для нас она была бы ничем.

Это свойство есть сила *инерции* тел, которая проявляется и обнаруживается лишь в связи с их *подвижностью*.

Подвижность и инерция, на наш взгляд, суть два основных качества тел, без которых наша фи-

зическая организация не могла бы существовать и что-либо нам сообщить, без которых мы не знали бы ничего, без которых, наконец, мы не могли бы даже воспринимать существование мира.

Два эти свойства с необходимостью требуют третьего, такого, в силу которого тела при движении имеют возможность воздействовать друг на друга и друг друга перемещать; я называю его силой *импульса*.

Подвижность, инерция и импульс суть три нераздельных и взаимосвязанных качества; их эффекты мы ощущаем с самого начала нашего существования, еще не зная, что эти эффекты образуют *движение*.

Движение состоит в изменении местоположения. При этом выясняется, что препятствия, которые противодействуют нашим движениям, имеют свойство быть некоторое время ощущаемыми и тогда, когда наше положение изменяется. Так обнаруживается свойство тел быть протяженными.

Протяженность для нас есть, таким образом, свойство быть преодолеваемым при движении. То, что ощущается таким образом, есть вещь существующая, реальная. То, что не дает нам подобного ощущения, есть ничто, пустота.

Идея *пространства*, пустого или заполненного, есть абстракция, полученная из этих двух идей, бытия и ничто, взятых в их отношении к нашим движениям.

Протяженность есть свойство, без которого мы не могли бы воспринимать нечто действительно существующее: ведь невозможно понять, как существовала бы вещь, которая не существует нигде.

Из протяженности тел с необходимостью выводятся их *непроницаемость*, т. е. невозможность уступить свое место, не заняв другое; их *делимость*, означающая, что они состоят из частей, занимающих каждая свое, отличное от других место; наличие у них определенной *формы*, т. е. пространственных границ.

5

10

15

20

25

30

35

40

Не следует смешивать форму и очертания. Форма познается посредством тактильного чувства, на ощупь, и она всегда одна и та же; зрению же она представляется в виде различных фигур, в зависимости от обстоятельств и нашего местоположения по отношению к данному телу.

Пористость есть общее свойство всех известных протяженных тел; она не может иметь места без протяженности, но не является ее необходимым следствием.

Заметьте, что инерция не означает, что материи более свойственно стремление к покою, нежели к движению; и если существования одушевленных тел недостаточно для доказательства того, что материя по природе своей активна, то все притяжения, все предрасположенности к спонтанным движениям, наблюдаемые нами в телах, которые, будучи неорганическими, не имеют никаких средств проявить свои внутренние процессы, побуждают нас заключить, что и они не испытывают нужды во внешнем импульсе, чтобы быть подвижными.

Заметьте еще, что ни одно из перечисленных выше свойств тел не могло бы иметь места в теле, лишенном протяженности.

Длительность, напротив, могла бы быть и свойством тел не протяженных, если бы мы могли что-нибудь знать о существовании таковых.

Одного только восприятия нашего собственного существования, одной лишь последовательности наших ощущений вполне достаточно, чтобы у нас появилась идея длительности; но если бы мы не знали ничего другого, мы не имели бы никакого способа длительность измерять. Мы не имели бы идеи *времени*, которое есть не что иное как измеренная длительность.

Чтобы образовать эту идею, нужно уже обладать идеями движения и протяженности: ведь мы измеряем длительность не иначе как посредством движения, которое представлено протяженно-

стью; вследствие этого длительность и протяженность вместе служат нам для измерения самого движения. В следующей главе мы увидим, как это делается.

Глава десятая. Продолжение. Об измерении свойств тел

Измерять количество чего-либо значит не что иное как сравнивать его с некоторым заранее известным количеством, которое служит единицей измерения, вторым термином сравнения, и узнавать, сколько раз единица измерения содержится в измеряемом количестве.

Для этого нужно, во-первых, чтобы измеряемое имело ту же природу, что и единица измерения. Нельзя измерить метры франками или франки граммами, потому что метры не содержат франков, как и франки не содержат граммов.

Во-вторых, нужно, чтобы эта единица была задана способом точным и неизменным; ведь если этот термин сравнения неопределен и изменчив, любой расчет будет предположительным и тщетным.

Отсюда следует, что любое количество измеримо лишь в той мере, в какой оно поддается четким и устойчивым разделением.

Протяженность в наивысшей степени отвечает этому требованию. Ее части хорошо различимы и не подвержены никаким изменениям, всегда можно взять порцию, называемую туазом, или порцию, называемую метром, и сопоставить ее с любой другой: это измерение не представляет никакой трудности.

Это, однако, совсем не так в случае длительности; сами по себе ее части преходящи и смутны. Люди, тем не менее, нашли способ создать единицу длительности: эта единица — день. Все другие единицы ее измерения производны от этой.

Но что позволяет нам ощущать границы и части этой единицы длительности? Это движение, а

5

10

15

20

25

30

35

40

именно движение Земли вокруг своей оси, а также другие движения, которые мы с ним соотносим.

Однако это движение состоит, подобно самой
 5 длительности, из частей переходящих и неотчетливых. Верно, но им точно соответствуют представляющие их части протяженности, поскольку свойство быть протяженным для нас есть не что иное как свойство быть преодолеваемым при дви-
 10 жении.

Таким образом, длительность измеряется
 длительностью, подобно любому количеству, ко-
 торое может быть измерено лишь другим коли-
 чеством того же самого; но при этом длительность
 15 представлена движением, а движение представлено протяженностью, пройденным расстоянием. Поэтому переходящие и нечеткие части длительности проявляются как отчетливые и устойчивые
 20 части протяженности, которые можно измерять очень строго.

То же самое с движением: оно также пред-
 ставлено протяженностью, но не может быть из-
 мерено иначе как собой же, подобно всем другим
 25 вещам. Протяженность, преодоленная при движении, представляет движение совершенное; но чтобы измерить энергию этого движения, то, что называют его скоростью, обращаются к длительности, т. е. сравнивают движение, которое уста-
 навливает все эти длительности, с движением точ-
 30 ки экватора в ходе суточного обращения Земли. Вот единица движения, к которой привязано все.

Итак, движение, подобно длительности и во-
 обще всем возможным количествам, измеряется
 35 посредством единицы того же вида, что и измеряемое; но, опять-таки подобно длительности, оценивается в частях протяженности, которые поддаются измерению очень точному и определенному.

Эффекты еще некоторых свойств тел тоже
 связываются, с помощью различных способов, с
 40 мерами протяженности, что делает возможной их

точную количественную оценку; другие свойства не удастся с ними соотнести, и потому они оцениваются лишь приблизительно.

В целом же следует сказать, что только протяженность поддается разделению столь легкому, точному и устойчивому, что оказывается пригодной для непосредственного и при этом строгого количественного измерения. Отсюда и происходит то, что из всех свойств тел только она может быть верно передана в ином масштабе, т. е. изображена. Такова цель искусства рисования.

Отсюда происходит и то, что в геометрии достигаются истина и определенность. Другие же науки причастны им в той степени, в какой предметы этих наук сводимы к измерениям протяженности.

Заметьте еще, что и возможность использовать в науках вычисления зависит от того же. Расстояния между числами заданы с наивысшей точностью, и их можно применять лишь к таким количествам, разделения которых столь же точны. Для описания тех количеств, которые поддаются только приблизительной оценке, приходится использовать слова «больше», «меньше», «мало», «много» и другие им подобные.

Таким образом, если науки сильно различаются между собой по степени ясности и определенности, то это происходит из различия в природе самих их предметов, а не в природе интеллектуальных операций, которые во всех науках всегда одни и те же.

Без тщательного исследования наших умственных способностей мы никогда не открыли бы эту важную истину.

Глава одиннадцатая. О различиях между вышесказанным и тем, как анализировал мышление Кондильяк

Итак, не обращая ни к чему, кроме четырех элементарных способностей, которые мы выделили в способности мыслить, мы разобрались:

5

10

15

20

25

30

35

40

- в том, как мы узнаем о собственном существовании;
- в том, как образуются все наши сложные идеи;
- в том, как мы убеждаемся в существовании вещей, являющихся причиной этих идей;
- в том, как мы обнаруживаем свойства этих вещей;
- в том, как мы их измеряем, и почему одни из них хуже поддаются точной количественной оценке и расчету, чем другие.

Таким образом, мы вправе утверждать, что наш анализ мышления дал хорошие результаты, чем и подтверждается, что мы правильно указали все элементы, его составляющие. Однако покажем еще с помощью примеров, что некоторые состояния и действия ума, признававшиеся другими идеологистами за отдельные способности, либо вовсе не являются способностями, либо составлены из тех, которые мы уже рассмотрели.

Внимание, например, есть состояние человека, который хочет ощущать, рассуждать или действовать; это проявление его воли, а никоим образом не особая способность, или особенный вид восприятий.

То же самое следует сказать о *сравнении*. Сравнить две идеи значит воспринимать их обе или воспринимать их отношение, т. е. либо ощущать, либо судить.

Рефлексия есть состояние человека, который обращается к чувственному восприятию и памяти, чтобы основать на них какое-либо суждение.

Рассуждение есть последовательность актов суждения, т. е. неоднократное применение способности суждения.

Воображение, понимаемое как вымысел или придумывание чего-либо, есть использование всех наших умственных способностей для образования новой комбинации идей.

Если же под воображением подразумевается переживание столь ярких воспоминаний, что они

принимаются за действительные, в данный момент испытываемые впечатления, то это память, соединенная с ошибочным суждением.

При *реминисценции*, под которой понимают воспоминание, сопровождаемое ощущением, что это именно воспоминание, также действует память, соединенная с суждением, на этот раз истинным.

Наконец, все *страсти* суть либо чистые аффекты, простые внутренние ощущения, либо те же ощущения, соединенные с желанием, и иногда с суждением.

Не умножая более эти примеры, заключим снова, что *мыслить есть не что иное как ощущать, и мышление сводится к ощущениям в собственном смысле слова, воспоминаниям, суждениям и желаниям.*

Но если это истина, как я осмеливаюсь полагать, то как же могло произойти, что до сего времени она не замечалась, почему ее было трудно обнаружить? Это нам и предстоит выяснить.

Глава двенадцатая. О способности к движению и ее отношениях к способности чувствовать

Здесь мы встречаемся с неким новым для нас порядком вещей. До сих пор мы исследовали мышление само по себе, отдельно от всех прочих свойств человеческого индивидуума, и, так сказать, абстрактно. Однако нужно рассматривать мышление в его отношениях с нашей физической организацией и, в особенности, как способность, тесно связанную со способностью двигаться.

С помощью нервов мы чувствуем, с помощью мускулов мы двигаемся. Как достигаются оба эффекта? Этого мы не знаем.

Мы хорошо знаем, что они не вызываются никакой особой новой силой, и когда мы предпринимаем какое-либо усилие, то по отношению к объектам мы действуем как груз, или пружина, или рычаг, подобно неодушевленным телам; но не ме-

5

10

15

20

25

30

35

40

нее верно и то, что, пока мы живы, наши мускулы способны выдерживать и даже поднимать груз, который разорвал бы мышцы трупа, и что живое тело ассимилирует вещества тел, с которыми оно вступает в контакт, в то время как после его смерти все те элементы, которые его составляют, разделяются, рассеиваются и используются для образования новых соединений в других телах.

Таким образом, все же имеется некая жизненная сила. Мы можем ее представлять как результат различных взаимодействий и химических комбинаций, которые в течение некоторого времени создают и поддерживают особенный порядок фактов, а затем, по неизвестным нам причинам, возвращаются под власть более общих законов, управляющих неорганической материей. Пока этот особенный порядок сохраняется, мы живем, т. е. движемся и чувствуем.

Множество движений выполняется в нас без нашего ведома, бессознательно, не вызывая у нас ни малейших восприятий; но никакого восприятия мы не можем получить без того, чтобы в наших органах выполнялось какое-нибудь движение. Таким образом, ощущение есть частный эффект движения.

Мы должны отсюда заключить, что, хотя мы не можем различить каждое из этих движений нервов, хотя мы никаким способом не можем их увидеть, все же всякий раз, когда один и тот же нерв снабжает нас разными ощущениями, этому должны соответствовать особенные его колебания, особенные происходящие в нем и в мозге движения; а также что каждый из нервов обладает возможностью двигаться и действовать на мозг особым, именно ему присущим способом, потому что все производимые впечатления более или менее различаются между собой. Мы видим теперь, сколь грандиозное количество разных движений в нас происходит, даже не считая всех тех весьма многочисленных движений, которые

не являются источником какого бы то ни было восприятия.

Глава тринадцатая. О влиянии способности желать на способность к движению, и каждой из них на способность мыслить и ее составляющие

Все движения в разной степени подчинены воле, т. е. больше или меньше зависят от тех движений, которые вызывают у нас восприятие желания.

Движения, которые не являются источником каких-либо восприятий, движения абсолютно неощутимые, по этой причине полностью независимы от нашей воли, от какого бы то ни было воздействия на них нашего желания.

Движениями нервов, производящими внешние и внутренние ощущения, мы не управляем, и не можем ни сделать их независимыми от их физических причин, т. е. вызывать их сами, ни добиться того, чтобы впечатление, которое нам доставляют эти причины, было иным, чем оно есть; мы можем только предпринимать те или иные действия, чтобы оказаться в ситуации, позволяющей испытывать это впечатление или избегать его, способствующей его усилению или ослаблению.

То же самое относится к движениям, производящим воспоминания, за исключением того, что воспоминания часто посещают нас вследствие нашего желания их испытывать.

То же самое с движениями, производящими суждения. Суждение с необходимостью возникает из тех впечатлений, которые составляют его предмет; но получение этих впечатлений до определенной степени зависит от нашего желания их испытывать или избегать.

Что касается движений, посредством которых происходит перемещение каких-либо членов нашего тела, то они часто зависят от нашей воли, хотя как именно это осуществляется, остается неизвестным.

5

10

15

20

25

30

35

40

Наконец, те внутренние движения, которые создают в нас желания, сами нашим желаниям не подвластны. По своей воле нельзя ни создать, ни предотвратить их появление, ни изменить их воздействие на нас; но поскольку они суть результат предшествующих впечатлений, на получение которых, как мы только что видели, наша воля, посредством наших действий, до некоторой степени влияет, наши последующие желания опосредованно определяются предыдущими. Именно поэтому у нас есть основание придавать воле других ту важность, которую мы за ней признаем, и использовать все те средства, которыми мы пытаемся на нее воздействовать.

15 Глава четырнадцатая. О следствиях частого повторения одних и тех же действий

Общим свойством всех движений является то, что помимо их непосредственного эффекта и независимо от него они оставляют в наших органах некую устойчивую предрасположенность совершать их вновь, которая называется привычкой.

Природа привычки такова, что чем больше движение повторяется, тем быстрее и легче оно выполняется, а чем оно быстрее и легче, тем менее оно нами замечается, тем слабее восприятие, которое мы от него получаем, вплоть до полного отсутствия восприятия движения, которое по-прежнему имеет место.

30 Наблюдения за одним этим явлением достаточно, чтобы объяснить все те эффекты, которые порождаются в нас частым повторением одних и тех же действий, хотя эффекты эти чрезвычайно разнообразны и иногда даже кажутся противоположными друг другу.

Это наблюдение открывает нам причину множества фактов, которые в ином случае остаются совершенно непонятными.

40 Оно объясняет, например, почему человек, подчиняясь ставшему привычным желанию, для

его удовлетворения действует себе во вред, вполне отдавая себе в этом отчет. Это происходит потому, что пока с помощью рефлексии он выносит некоторые суждения, содержание которых отчетливо воспринимает, поскольку они для него новы и даются ему с трудом, многие другие производимые им в то же самое время суждения, противоположные первым, остаются почти или даже полностью незаметными для него самого, поскольку суждения эти ему близки и привычны.

В нем, таким образом, происходит конфликт одновременных и противоположных по смыслу суждений, одни из которых он воспринимает, другие же нет, и суждения более привычные всегда перевешивают, т. к. пробуждают множество издавна связанных с ними умственных действий. Правда, чтобы принять это объяснение, нужно согласиться признать, что в каждое мгновение в нас происходит невообразимое множество движений и почти одновременно выполняется невероятное количество интеллектуальных операций, которых мы не осознаем; но тысячи фактов подтверждают, что так оно и есть. Разве не очевидно, например, что в мгновение ока огромное число неосознаваемых движений и комбинаций идей осуществляется в человеке, который быстро читает книгу и понимает прочитанное, и еще большее — в том, кто излагает свои идеи на письме? И, с другой стороны, что мешает нам это признать, хотя бы как предположение, когда все имеющиеся данные позволяют считать, что нервный флюид равен или даже превосходит флюид света в тонкости и быстроте?

Этот способ рассмотрения приводит нас и к пониманию того, как возникают инстинктивные детерминации, т. е. свойства поведения тех животных, которые с первых же мгновений своей жизни выполняют сложные действия, требующие, по-видимому, множества комбинаций идей и даже некоторых приобретенных знаний. Чтобы

5

10

15

20

25

30

35

40

понять, как это возможно, следует предположить, что у этих видов животных интеллектуальные действия с самого начала их существования выполняются в таком же огромном количестве и с такой частотой, которую мы приобретаем только с помощью упражнений.

Как бы то ни было, доказано, что при частом повторении наши движения и умственные действия становятся более быстрыми, более легкими и менее ощутимыми, вплоть до поистине невероятной скорости и легкости их выполнения при совершенной их неощутимости.

Глава пятнадцатая. О постепенном совершенствовании умственных способностей

Вышеописанная способность наших органов под влиянием преходящих впечатлений приобретать устойчивую предрасположенность к соответствующим движениям и умственным действиям есть источник всех наших достижений и всех наших заблуждений.

Она является причиной прогресса, поскольку без нее мы не имели бы воспоминаний.

Действительно, если бы восприятия, исчезая, оставляли нас совершенно теми же, какими мы были до того как их испытали, мы не могли бы их вспомнить. Без воспоминаний же никакой прогресс невозможен.

Однако этот прогресс был бы еще очень слабым, если бы легкость применения наших умственных способностей не возрастала по мере их упражнения. Стоит лишь подумать, насколько всякое новое, непривычное действие для нас тяжело и мучительно, чтобы сразу согласиться, что главное различие между умом дикаря и умом развитым заключается именно в навыке создавать комбинации идей, а не просто в объеме познаний.

Но эта предрасположенность, сохраняющаяся в наших органах, служит также причиной ошибки: во-первых, потому что многие интеллекту-

альные операции выполняются нами бессознательно, и мы уже видели, к чему это приводит; во-вторых, потому что когда они становятся поистине неисчислимыми, трудно добиться, чтобы они не создавали друг другу помех и не образовывали между собой ошибочных связей. По этой причине безумие чаще поражает умы незаурядные и деятельные.

Из всего изложенного следует, что даже если бы человек рождался с полностью сформированными органами, он все равно был бы поначалу очень сильно ограничен в своих умственных и физических возможностях.

До какой степени мог бы усовершенствовать свои умственные способности изолированный, предоставленный себе самому и опирающийся лишь на собственные силы индивид? Это невозможно установить точно; но достаточно представить колоссальную разницу между изобретением нового и усвоением готового, чтобы утверждать, что он никогда не сравнится даже с самым грубым дикарем, который все же многое получает от себе подобных.

Это естественным образом приводит нас к исследованию употребления знаков, в ходе которого мы найдем новые причины как прогресса, так и заблуждений. Пока же заключим, что первоначальное состояние человеческой расы, даже если предположить, что физически человек изначально был организован так же, как современный, не могло быть ничем иным, кроме как состоянием тупости и косности ума, и что поначалу прогресс должен был быть чрезвычайно медленным.

Глава шестнадцатая. О знаках идей и о том, как они действуют

Из всех человеческих изобретений наиважнейшим и самым ценным является изобретение более совершенного, чем у любого другого вида животных, способа выражать свои идеи.

5

10

15

20

25

30

35

40

Люди не только давно говорят, но и давно научились достигать в своей речи восхитительной точности и изящества. Однако происхождение и свойства знаков наших мыслей до сих пор изучены очень плохо, а до совсем недавнего времени были неизвестны вовсе. Это доказывает, что любое искусство должно дойти до очень высокой ступени совершенства, прежде чем появится теория этого искусства. Так во всем: чтобы разоб-
5
10
15
20
25
30
35
40

Например, с давних времен люди мыслят и рассуждают, иногда превосходно, идеология же является наукой новой и даже только еще зарождающейся. Отсюда не следует, что она бесполезна: она может научить делать уверенно и постоянно то, что сейчас удается лишь случайно и редко.

Знаки идей бывают различных видов: есть знаки, обращенные к зрению и осязанию, но вполне могли бы существовать и знаки, воздействующие на обоняние и вкус. Но самыми удобными и более всего подходящими для усовершенствования, а потому и шире всего распространенными, используемыми людьми повсеместно, являются знаки, которые производятся голосовыми органами и обращены к органам слуха.

Любая система знаков, непосредственно изображающих идеи, образует язык.

Иероглифические, пиктографические, арифметические, алгебраические письменные знаки суть настоящие языки: они непосредственно представляют идеи.

Письмо алфавитное и письмо слоговое языками не являются: они не представляют непосредственно идеи, а представляют звуки разговорного языка, т. е. делают видимыми звуковые знаки, и ничего более.

Читать буквы алфавита — значит просто их произносить; читать же знаки первого вида — значит их переводить.

Было бы вполне достаточно и весьма удобно иметь единый алфавит, единую орфографию и единый разговорный язык, но не один-единственный всеобщий язык: так, языки арифметический и алгебраический, равно как и язык чертежей и геометрических фигур, имеют свои преимущества и должны были бы быть сохранены, потому что многое теряется при переводе с них на какой-либо другой язык.

Все наши системы знаков, все используемые нами языки преимущественно конвенциональны, поскольку все они были более или менее усовершенствованы; но они всегда имеют в своей основе те или иные действия, к которым нас с необходимостью побуждают наши мысли и которые, тем самым, их представляют и служат их естественными знаками.

Язык действий есть, таким образом, язык первоначальный; его составляют жесты, крики, прикосновения; он обращен к зрению, к слуху, к осязанию.

В современных усовершенствованных языках мы по-прежнему пользуемся в той или иной мере этими тремя способами выражения, хотя преобладают знаки, обращенные к слуху, за исключением тех моментов, когда сила страсти требует немедленного выражения, одновременно лишая нас способности создавать продуманные комбинации идей и знаков.

Но эффект применения знаков заключается не только в том, что с их помощью мы можем обмениваться идеями. Еще важнее, что они облегчают комбинирование элементарных идей, образование идей сложных и закрепление их в нашей памяти.

Мы видели, что абстрактные и обобщенные идеи не существуют нигде, кроме как в нашем уме,

а в нем они не имеют иной опоры, кроме знаков, которые их представляют.

Можно привести миллион доказательств этого факта, и среди них такое: не имея названий для чисел, мы едва ли могли бы образовать отчетливую идею *шести*. Итак, представьте, что среди ваших идей нет ни одной более сложной, чем идея «шесть», и вы поймете, где мы были бы без знаков, и в каком состоянии находился человеческий разум до того, как знаки стали совершенствоваться.

Причиной этого эффекта знаков мне кажется то, что наши чисто интеллектуальные восприятия очень слабы и недолговечны, потому что внутренние движения, которые им соответствуют, являются лишь небольшими колебаниями нервной системы; когда же с восприятием соединяется знак, он придает ему энергию ощущения, которое вызывает, как всякий воздействующий на нас внешний объект. Он фиксирует и сохраняет результаты умственных операций, когда они, завершившись, не дают уже никакого восприятия. Он становится формулой, которую мы легко вспоминаем, потому что она ощутима, и используем в последующих комбинациях, хотя забыли способ ее образования.

В наших размышлениях мы так же руководствуемся словами, как алгебраисты в своих вычислениях руководствуются формулами. Различие между этими двумя случаями состоит лишь в природе идей, сам же механизм одинаков.

Глава семнадцатая. Продолжение предыдущей. Другие следствия использования знаков

Из вышеизложенного не следует, что без знаков мы бы вообще не могли иметь идей, ведь очевидно, что идея должна предшествовать знаку, учреждаемому для того, чтобы ее представлять; но по мере того как мы создаем новые комбинации идей, растет и число знаков, и чем более тонкие оттенки мысли они выражают, тем более точным и совершенным становится анализ.

Знаки, кроме того, имеют свойство усиливать все те эффекты, которые производит частое повторение одних и тех же интеллектуальных операций — как полезные для нас, так и вредные.

Таковы их общие преимущества и недостатки в качестве средства образования идей.

В качестве же средства коммуникации, средства обмена идеями, они производят еще множество других эффектов, которые я здесь упомяну только бегло и обобщенно.

Очевидно, что именно знакам мы обязаны всеми нашими общественными отношениями и возможностью пользоваться всеми знаниями себе подобных; но не в меньшей степени — и тем, что знания эти зачастую предстают перед нами в ложном, запутанном и неудобоваримом виде.

Столь же несомненно, что зачастую мы узнаем знаки еще до того, как самостоятельно образуем хотя бы элементы представляемых ими идей, и под влиянием знака составляем обозначаемую им сложную идею поспешно, неточно или просто ошибочно; что в других случаях мы, напротив, теряем из виду некоторые из элементов, которые мы сами в нее с полным основанием включали; и что, наконец, мы никогда не можем быть полностью уверены, что для нас и нашего собеседника одни и те же знаки обозначают в точности те же комбинации идей: таким образом, пользуясь знаками, мы часто обманываемся, неправильно понимаем других, а они не понимают нас.

По большей части именно этим и вызваны то постепенное исправление идей, которое хорошо заметно в раннем детстве, изменение способа рассмотрения одних и тех же предметов в разные периоды нашей жизни и существующее между людьми различие во мнениях относительно идей, выраженных некоторыми словами.

Что касается особых преимуществ и недостатков, присущих голосовым знакам, и способов улучшения наших разговорных языков, то здесь я

5

10

15

20

25

30

35

40

не буду об этом говорить. Это будет более уместно в дальнейшем, когда речь пойдет о грамматике и логике, кои суть почти одно и то же, поскольку, рассуждая, мы всегда пользуемся словами, и именно слова комбинируем по определенным правилам.

Здесь же я должен был сказать о знаках лишь то, что относится к их общему влиянию на формирование идей, развитие умственных способностей и приумножение наших знаний. Без такого исследования наша задача была бы исполнена не до конца; теперь же, я полагаю, мы получили достаточно полное описание нашей способности мыслить.

В самом деле, мы рассмотрели:

- В чем состоит эта способность;
- Каковы те элементарные способности, из которых она образована;
- Как с их помощью образуются все сложные идеи;
- Как с их помощью мы узнаем о своем существовании, существовании вещей, их свойствах, а также каким образом мы можем эти свойства оценивать количественно;
- Как умственные способности связаны с другими способностями, проистекающими из нашей физической организации;
- Насколько те и другие подчиняются нашей воле;
- Как все они изменяются в результате их частого применения;
- Как совершенствуются умственные способности индивида и всего человеческого рода;
- И, наконец, как их поддерживает и какие изменения в них привносит использование знаков.

Вот, я полагаю, то, что составляет идеологию. Я жалею лишь, что не показал детальнее ее связь с физиологией; но такая задача равно превосходит и границы моего замысла, и пределы моих позна-

ний. Здесь я могу только следовать теориям наших ученых физиологов и философов физиологии, и в особенности господина Кабаниса⁶⁵, чьи ценные труды совершенно по-новому освещают этот предмет; и я доволен уже тем, что мои объяснения нигде не входят в противоречие с позитивными знаниями, которые приносит тщательное изучение человеческого организма и его функций. Хотя бы в этой заслуге, я надеюсь, мне не будет отказано.

5

10

Идеология в собственном смысле слова

Экстракт, служащий также аналитическим...

Комментарии

¹ Строго говоря, родовым замком графов де Траси является Шато-де-Траси в долине Луары. Однако детство Антуана-Луи-Клода прошло в другом семейном замке, Шато-де-Парей-ле-Фрезиль в Бурбонне (ныне департамент Алье провинции Овернь), принадлежавшем его отцу, в то время как Траси-сюр-Луар оставался резиденцией его деда. В замок Траси, который служит великолепным образцом архитектуры раннего классицизма (впрочем, как и предпочитаемый им замок Парей-ле-Фрезиль, также построенный во времена Людовика XIII), автор «Основ идеологии» за всю свою жизнь не удосужился приехать ни разу, хотя владел им как до Великой революции, так и в период Реставрации (разъяснение получено от нынешнего владельца замка Траси, графа Анри д'Эстют д'Ассей).

² Страсбургский университет, занятия в котором де Траси с шестнадцати лет совмещал с обучением в Страсбургской артиллерийской школе, в последней трети XVIII в. был популярен среди французской, немецкой и австрийской аристократии и просвещенной буржуазии, поскольку система преподавания в нем была ориентирована преимущественно на подготовку политиков и дипломатов, а не юристов и духовенства. В частности, однокашниками де Траси по университету и военной школе были будущие наполеоновские генералы и дипломаты граф де Нарбонн и граф де Сегюр, в год его поступления Страсбургский университет окончил Гете, а несколькими годами позже в нем учился Меттерних.

³ Где он ввел в моду изобретенный им самим танец (разновидность контрданса), получивший при дворе название «траси».

⁴ Первоначально де Траси поступил в знаменитую роту королевских мушкетеров, куда был принят не только ввиду происхождения, но и в соответствии с личными данными: стать военным он намеревался с раннего детства, был страстным наездником и знатоком лошадей, умелым фехтовальщиком и, по воспоминаниям однокашников по Страсбургской артиллерийской школе, превосходил их всех в любых атлетических упражнениях. Од-

нако мушкетером он был недолго: в 1775 г. это прославленное элитное подразделение было распущено «в целях экономии», причем лейтенантам мушкетеров присваивался армейский чин подполковника (*colonel en second*); в этом качестве он продолжил службу в полку королевских кирасир. В 1779 г. де Траси женился на Эмили-Луизе де Дюрфор-Сиврак, племяннице герцога де Пентьевр, и по его протекции был назначен командиром 78-го пехотного полка, шефом которого был герцог, считавшегося одним из лучших во французской армии. Дочь де Траси от этого брака Франсуаза-Эмили впоследствии вышла замуж за маркиза Жоржа-Вашингтона де ла Файет, сына его ближайшего друга и политического единомышленника генерала Лафайета. Сын де Траси, Антуан-Цезарь-Виктор д'Эстют, маркиз де Траси — участник наполеоновских войн, полковник, член палаты депутатов, министр по делам военно-морского флота и колоний в правительстве Луи-Филиппа, автор книг по экономике и сельскому хозяйству.

⁵ См.: Guillois A. *Le salon de Madame Helvétius, Cabanis et les idéologues*. Paris, 1894.

⁶ Политическая карьера де Траси началась в 1788 г. с избрания председателем провинциальной ассамблеи Мулена, столицы его родного герцогства Бурбонне.

⁷ Вместе с Лафайетом, в Северной армии которого он некоторое время командовал кавалерией.

⁸ Де Траси должен был быть гильотинирован 14 термидора, казнь не состоялась в результате переворота 9 термидора. Арестован он был в октябре 1793 г. в Мулене «по подозрению в аристократизме», освобожден, затем вновь арестован, уже по приказу из Парижа, и доставлен в столицу. В тюрьме де Траси перечитывал Локка и Кондильяка и в ожидании исполнения приговора «написал для самого себя краткое изложение тех истин, на которые они раскрыли мне глаза».

⁹ Национальный институт наук и искусств (с 1806 г. — Институт Франции) был основан в соответствии со ст. 298 Конституции III года республики и законом об общественном образовании от 25 октября 1795 г. взамен упраздненных королевских академий (с 1816 г. по настоящее время является объединением восстановленных академий) и первоначально состоял из трех классов: физических и математических наук, моральных и политических наук, литературы и искусств. В каждом классе имелось по шесть секций. Распоряжением Директории от 20 ноября 1795 г. были назначены первые 48 членов института, которые должны были избрать еще 96 своих коллег. Де Траси был избран 18 февраля 1796 г. в секцию анализа ощущений и идей класса моральных и политических наук по предложению его друга Кабаниса, которое было поддержано, несмотря на отсутствие у кандидата каких-либо печатных трудов в этой области, поскольку философские интересы и эрудиция де Траси были хорошо известны назначенным членам института; в общих чертах программа создания идеологии как универсальной науки о научном методе («теории теорий») на основе философии Кондильяка сложилась в устных беседах еще в

середине 1780-х гг., и де Траси, наряду с Кабанисом, был одним из активных участников этих обсуждений. Став членом института, он немедленно приступил к ее реализации как в собственных теоретических работах («Мемуар о способности мышления», 1797) и публичных лекциях («Рассуждение о некоторых вопросах идеологии, касающихся нового доказательства, что именно ощущение сопротивления дает нам знание о телах...», 1798; «Рассуждение о существовании и о гипотезах Мальбранша и Беркли об этом предмете», 1799; «Размышление о проекте пазиграфии», 1800 и др.), так и в научно-организаторском плане. В течение следующих трех лет он становится признанным лидером «идеологов», а назначение в 1799 г. членом Комитета общественного просвещения и выход в свет первого тома «Основ идеологии» окончательно закрепляют за ним эту репутацию.

¹⁰ В начале 1798 г. Наполеон предложил де Траси участвовать в Египетском походе в качестве бригадного генерала. После двух дней размышлений де Траси, в то время уже полностью поглощенный научной работой в институте, это предложение отклонил. В дальнейшем как отношении Наполеона к де Траси, так и отношении де Траси к политике первого консула и императора было двойственным и противоречивым. Наполеон ценил его ум и деловые качества, о чем недвусмысленно свидетельствуют назначение сенатором, которым он оставался в течение всей наполеоновской эпохи, и возведение в ранг кавалера (1803) и командора (1804) ордена Почетного легиона. В то же время Наполеон резко отрицательно относился к движению «идеологов» как таковому, что находило выражение как в его действиях (прежде всего закрытии класса моральных и политических наук института, в результате чего де Траси перешел во вновь созданный класс французского языка и литературы), так и в его многочисленных высказываниях, кульминацией которых стало заявление на заседании Государственного совета после возвращения из России, опубликованное в «Монитере» от 21 декабря 1812 г.: «Именно идеологии, этой скрытой под мраком теории сверхчувствительного, которая, с изворотливостью доискиваясь до первопричин, хочет заложить основание законодательства народов, вместо того чтобы приносить законы к знанию человеческого сердца и урокам истории, следует приписать все несчастья Франции». В данном случае, возможно, имел значение тот факт, что генерал Мале, из-за мятежа которого Наполеон и примчался в Париж, бросив армию, успел зачитать список новых членов правительства, куда включил де Траси и еще двух «идеологов», Вольнея и Гара. Однако подобные вспышки раздражения имели место и раньше; так, по свидетельству Стендаля («Жизнь Наполеона», гл. 51): «Монарх поручил ему [де Сегюру] разделаться с философией в Академии, в день приема в число ее членов графа Траси. Было забавно слышать, в каких высокопарных выражениях обер-камергер осуждал бедную философию» (речь идет об избрании де Траси в восстановленную Французскую академию в 1808 г.). Со своей стороны, де Траси сохранял верность либеральным и конституционно-монархичес-

ким убеждениям и часто открыто осуждал деспотизм Наполеона. Современниками он воспринимался как один из лидеров оппозиции, если не политической, то интеллектуальной и моральной, наполеоновскому режиму. «Поскольку заседания [Сената] не были публичными, принадлежность к оппозиции была связана лишь с опасностями, но не могла принести славы, и будущим поколениям надлежит с особой признательностью запомнить имена Траси, Грегуара, Ланжюине, Кабаниса, Буасси д'Англа, Лануара-Лароша, Коло, Шоле, Вольнея и нескольких других достойных людей» («Жизнь Наполеона», гл. 59). В апреле 1814 г. де Траси стал одним из первых сенаторов, к которым обратился Талейран, добивавшийся восстановления династии Бурбонов, и вошел в состав комиссии из пяти человек, написавших новую либеральную Конституцию, вместо которой, однако, королем была утверждена Хартия 4 июня 1814 г., предложенная роялистами.

¹¹ См.: Chinard G. *Jefferson et les idéologues*. Baltimore, 1925; Tomlinson S. *Educating the Classe Savante: Thomas Jefferson and Antoine Louis Claude Destutt de Tracy*. St. Petersburg (Florida), 2003.

¹² Биографии: Mignet F.-A.-M. *Notice historique sur la vie et les travaux de M. le Comte Destutt de Tracy* // Mignet F.-A.-M. *Notices et Mémoires historiques*. Paris, 1843; Chabot Ch. *Destutt de Tracy*. Paris, 1885; Stepanowa V. *Destutt de Tracy: Eine historisch-psychologische Untersuchung*. Zürich, 1908; Rougeron G. *Antoine-Louis-Claude Destutt de Tracy, président du département de l'Allier, 1754–1836*. Montluçon, 1966; Deneys H. *A.L.C. Destutt de Tracy et l'Idéologie*. Paris, 1994; Renaud G. *Antoine Destutt de Tracy: homme de la liberté, pionnier de l'enseignement secondaire laïque et républicain*. Paris, 2000; Harris J.-P. *Antoine d'Estutt de Tracy: L'éblouissement des Lumières. Précy-sous-Thil, 2008*, и мн. др.

¹³ Де Траси, как и Лафайет, де Ноайль, де Ламет и целый ряд других аристократов, добровольно отказался от своего титула и дворянских привилегий еще до их отмены Учредительным собранием (4 августа 1789 г. — отмена привилегий, 19 июня 1790 г. — упразднение титулов и института дворянства как такового). По этой причине он продолжал называть себя Дестютом Траси и во время правления Наполеона, несмотря на то, что все сенаторы, независимо от происхождения, становились графами Французской империи. Однако впоследствии он принял восстановление своего титула, произведенное специальным ордонансом Людовика XVIII в знак признательности за его позицию при голосовании в Сенате 6 апреля 1814 г., вернувшем к власти династию Бурбонов.

(При обсуждении декрета от 19 июня 1790 г. де Траси предлагал отказаться также от использования бывших титулов в качестве второй части фамилии, но это предложение не прошло: «Президент парижского парламента Лепеллетье де Сен-Фаржо и граф Дестют де Траси выступили с требованием, чтобы каждый гражданин носил только фамилию своей семьи и ни в коем случае не именовался по названию поместья. Лепеллетье отказался от титулования «де Сен-Фаржо» и просил называть себя отныне

Луи-Мишель Лепеллетье. Этому примеру, несмотря на призыв де Траси, однако, никто из депутатов не последовал» (*Moniteur universel*, 1790, 21 juin. Цит. по: Исколь С. Н. Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции // От старого порядка к революции. Л., 1988. С. 124).

¹⁴ В разные времена было принято разное написание этой, как и многих других французских дворянских фамилий. Достоверно известно, что она происходит от шотландской дворянской фамилии Стют (Stutt); четверо братьев Стют прибыли во Францию в 1420 г., во время Столетней войны, и поступили в шотландскую гвардию дофина, будущего короля Карла VII. Один из них, Уолтер Стют, в 1474 г. получил от Людовика XI грамоту, подтверждающую его принадлежность к рыцарству, был пожалован поместьем Ассей в Берри и стал именоваться на французский манер де Стютом. Раздельное написание (с прописной буквы, De Stutt) употреблялось также во второй половине XIX в. Ныне живущие представители этого рода используют написание d'Estutt, в том числе ретроспективно, что получило отражение в ряде работ последнего времени. Однако при жизни А.-Л.-К. д'Эстюта де Траси было принято слитное написание, которое поэтому тоже вполне допустимо и даже, возможно, предпочтительно по отношению к нему; это традиционное и более привычное написание сохранено здесь для обложки и титульного листа. Что безусловно неправильно, так это встречающиеся в ряде русскоязычных работ транскрипции «Дестю» и даже «Детю», не соответствующие ни истории этой фамилии, ни ее фактическому произношению.

¹⁵ Именно такой двойной титул он унаследовал после смерти своего деда в 1776 г. Его отец, бригадный генерал и капитан конной гвардии Клод-Шарль-Луи д'Эстют, умер раньше, в 1761 г., от ран, полученных в битве при Миндене, где он командовал тяжелой кавалерией («жандармами», т. е. кирасирами). Титул графов (впоследствии маркизов) де Траси существовал с 1586 г., титул сеньоров де Парей-ле-Фрезиль был присоединен к нему в 1640 г. Кроме ветви де Траси, дом д'Эстютов имеет еще две ветви: графов д'Ассей и маркизов де Сольминьяк. Об истории рода см.: *Généalogie de la maison De Stutt: marquis de Solminiac, comtes d'Assay, marquis de Tracy. D'après les documents recueillis par le marquis de la Guère, membre de la société des antiquaires. Bourges, 1885; D'Estutt d'Assay C. Les d'Estutt de Tracy // Schlieben-Lange B. (Hrsg.) Europäische Sprachwissenschaft um 1800: Methodologische und historiographische Beiträge zum Umkreis der «Idéologie». Bd. IV. Münster, 1994.*

¹⁶ Цит. по: Baczkó B. (éd.). Une éducation pour la démocratie: Textes et projets de l'époque révolutionnaire, présenté par Bronislav Baczkó. Paris, 1982. P. 128.

¹⁷ Ibid., P. 479.

¹⁸ Ibid., P. 327.

¹⁹ [Garat D.-J.] Discours préliminaire // Dictionnaire de l'Académie Française. 5ème édition. Paris, an VII de la République. P. IV.

²⁰ Кондильяк Э. Язык исчислений // Кондильяк Э. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М., 1983. С. 367.

²¹ Ср. оценки современных исследователей: «Идеологи» взяли на себя огромную общественную ответственность. Их желание быть общественно полезными сочеталось с действенным и перспективным волюнтаризмом, который имел своей целью республиканизацию и рационализацию политических и социокультурных структур. После падения Робеспьера и до 1803 г. «идеологи» представляли собой, и не надо об этом забывать, настоящую властную и довлеющую группу» (Oesterreicher W. Ère française et Deutsche bewegung: Les Idéologues, l'historicité et la naissance de la linguistique // Les Idéologues: Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française. Amsterdam, 1986. P. 104). Или: «С 1794 по 1800 г. именно «идеологи» спасли, в интеллектуальном и моральном отношении, честь Республики; они обеспечили непрерывность революции 1789 г. Они дали первый политический пример одновременно национальной и демократической культуры. Благодаря им более или менее утопические проекты были удачно воплощены в жизнь; и Франция до настоящего времени сохраняет их многочисленные и благие начинания, входящие в достояние нашей страны» (Gusdorf G. Les sciences humaines et la pensée occidentale. T. VIII: La conscience révolutionnaire: Les Idéologues. Paris, 1978. P. 305).

²² Cours d'Etude pour l'Instruction du Prince de Parme, aujourd'hui S. A. R. l'Infant D. Ferdinand, Duc de Parme, Plaisance, Guastalle, etc. etc. etc. Par M. l'Abbé de Condillac, de l'Académie française et de celles de Berlin, de Parme et de Lyon. T. I. Grammaire. T. II. Art d'écrire. T. III. Art de raisonner. T. IV. Art de penser. T. V — VI. Introduction a l'Etude de l'Histoire Ancienne. T. VII, où l'on a joint les Directions pour la conscience d'un Roi: Introduction a l'Etude de l'Histoire Moderne. T. VIII — X. Introduction a l'Etude de l'Histoire Ancienne. T. XI — XV. Introduction a l'Etude de l'Histoire Moderne. Parme, 1772.

²³ Mémoire sur la faculté de penser // Mémoire de l'Institute national des sciences et des arts de la République pour l'an IV. Paris, an VI; Quels sont les moyens de fonder la morale chez un peuple? Paris, an VI; Observation sur la système d'instruction publique. Paris, an X; A Commentary and review of Montesquieu's *Spirit of laws*. Philadelphia, 1811 (первое французское издание: *Commentaire sur l'Esprit des lois* de Montesquieu. Paris, 1819); Principes logiques ou Recueil de faits relatifs à l'intelligence humaine. Paris, 1817; *Traité d'économie politique*. Paris, 1822; *Essai sur le génie et les ouvrages de Montesquieu*. Paris, 1828. Кроме того, опубликованы несколько публичных лекций де Траси (в том числе «О метафизике Канта»), одни сразу по их прочтении, в «Трудах Национального института наук искусств», другие посмертно по сохранившимся записям, и часть его обширной переписки. В 2011 г. парижское издательство Librairie Philosophique J. Vrin приступило к изданию Полного собрания сочинений под редакцией К. Жоли: Destutt de Tracy. *Œuvres complètes*, éditées par Claude Jolly. T. 1: Premiers écrits

(1789–1794); *Sur l'éducation et l'instruction publique* (1798–1805). Paris, 2011.

²⁴ Республиканский год начинался 23 сентября по григорианскому календарю.

²⁵ Проведенная сверка текстов показывает, что изменения, внесенные де Траси во второе издание, сводятся к добавлению нескольких примеров и примечаний, а также к замене заключительного «Резюме» на более подробный «Экстракт, служащий аналитическим оглавлением». Важное авторское исправление касалось названия книги, которая в первом издании была озаглавлена «Проект [курса] основ идеологии для центральных школ Французской республики»; начиная со второго издания, она публиковалась под названием «Основы идеологии». В третьем издании (1817), с которого сделан перевод, нет никаких изменений и дополнений по сравнению со вторым, кроме того, что было восстановлено «Предисловие», опущенное во втором издании, причем по ошибке издателя оно было названо «Предисловием к изданию 1804 г.», так что получилось два предисловия ко второму изданию: «Avertissement de l'édition de 1804» и «Préface de l'édition de 1804», хотя в действительности последнее было напечатано в первом издании IX года Республики, а в издании 1804 г. отсутствовало. Эта ошибка, исправленная в четвертом издании с соответствующим разъяснением, исправлена также и в настоящем переводе. Четвертое (1826) и все последующие издания воспроизводят третье.

²⁶ За три года, прошедших между первым и вторым изданием, появился целый ряд сочинений по «идеологии в собственном смысле слова», преимущественно инспирированных деятельностью самого де Траси. Это, например, трактаты Ж.-М. Дежерандо (Degérando J.-M. *Des signes et de l'art de penser considérés dans leurs rapports mutuels*. 4 vol. Paris, an IX; Idem. *De la génération des connaissances humaines. Mémoire qui a partagé le prix de l'Académie des Sciences de Berlin, sur la question suivante: Démontrer d'une manière incontestable l'orgine de toutes nos connaissances*. Berlin, 1802; Idem. *Histoire comparée des systèmes de philosophie considérés relativement aux principes des connaissances humaines*. 3 vol. Paris, 1803–1804), М. Мена де Бирана (Maine de Biran M. *Note sur l'influence des signes*; Idem. *Influence de l'habitude sur la faculté de penser // Maine de Biran M. Œuvres*. Т. 1–2. Paris, 1920–1922), Л.-Ж.-Ж. Доба (Daube L.-J.-J. *Essai d'idéologie, servant d'introduction à la grammaire générale*. Paris, 1803), П. Прево (Prévost P. *Des signes envisagés relativement à leur influence sur la formation des idées*. Paris, an IX), П.-Ф. Ланслена (Lancelin P.-F. *Introduction à l'Analyse des Sciences ou de la Generation des Fondemens et des Instrumens de nos connaissances*. 3 vol. Paris, an IX) и др. Эти и другие авторы, привлеченные де Траси, составляют «третье поколение идеологов» по классификации первого исследователя идеологии Ф. Пикаве (См.: Picavet F. *Les idéologues: Essai sur l'histoire des idées et des théories scientifiques, philosophiques, religieuses, etc. en France depuis 1789*. Paris, 1891. P. 96–108, 320–354).

²⁷ Секция анализа ощущений и идей, позднее секция анализа ощущений, идей и знаков, созданная в институте в 1796 г., благодаря усилиям Кабаниса и де Траси быстро стала наиболее влиятельной в классе морально-политических наук и сыграла важнейшую роль в консолидации «идеологов» и развитии «идеологической» теории. Помимо обсуждений докладов, секция регулярно проводила конкурсы, наиболее значительным из которых стал объявленный в 1799 г. конкурс на тему «Влияние знаков на образование идей», на который были представлены, в частности, работы Дежернандо, Мена де Бирана, Ланслена и Прево. Отчет об этом конкурсе и его условия помещены во втором томе собрания сочинений Мена де Бирана: *Rapport des citoyens Cabanis, Ginguené, Réveillére-Lépeaux, Daunou et Destutt-Tracy chargés par la classe des Sciences morales et politiques d'examiner les sept mémoires envoyés au concours, sur la question proposée en ces termes: Déterminer quelle est l'influence de l'habitude sur la faculté de penser* // *Maine de Biran M. Œuvres*. Т. 2. Paris, 1922. Обзор ответов на вопросы конкурса см.: *Dascal M. Signs and Cognitive Processes: Notes for a Chapter in the History of Semiotics* // *Foundations of Semiotics*. Vol. 7: *History of Semiotics*. Amsterdam — Philadelphia, 1983. P. 169–190. В 1800 г. был проведен конкурс на тему «Влияние привычки на способность мыслить». Секция анализа, организационно входившая в класс моральных и политических наук института, прекратила свое существование вместе со всем этим классом, закрытым указом Наполеона в 1803 г.

²⁸ Кафедры всеобщей грамматики в центральных школах были основаны в соответствии с законом Дону в 1795 г., упразднены в 1802 г. См. далее, прим. 33 и 34. Об истории этих кафедр см.: *Schlieben-Lange B. La grammaire générale dans les écoles centrales* // *Schlieben-Lange B. (Hrsg.) Europäische Sprachwissenschaft um 1800: Methodologische und historiographische Beiträge zum Umkreis der «Idéologie»*. Bd. III. Münster, 1992.

²⁹ Первое издание «Грамматики» состоялось в 1803 г., «Логики» — в 1805 г. В 1815 г. вышел в свет не предусмотренный первоначальным планом четвертый том, озаглавленный «Основы идеологии. Части четвертая и пятая: Трактат о воле и ее действиях». В предисловии к нему де Траси говорит, что первые три части в совокупности должны считаться первым отделом «Основ идеологии», а их второй, завершающий отдел и составляет эта четвертая книга. Однако в дальнейшем во французской исследовательской и издательской практике установилась традиция рассматривать четвертый том как самостоятельный трактат «О воле» и издавать его отдельно, а под «Основами идеологии» понимать лишь первые три части.

³⁰ Имеется в виду предпоследняя глава третьего тома («Продолжение естественной истории человека») «Общей и частной естественной истории» Бюффона, озаглавленная «О чувствах в целом» (ей предшествуют главы «О зрении» и «О слухе», а заканчивает том глава «О вариациях человеческого вида»). *Leclerc de Buffon G.-L. Histoire naturelle générale et particulière avec*

la description du Cabinet du Roy. Т. 3. Description de la partie du Cabinet qui a rapport à l'Histoire Naturelle de l'Homme. Paris, 1749. P. 352–371.

³¹ Критика метафизики здесь радикальнее, чем у Кондильяка, который ограничивался ее разделением на «претенциозную, которая пытается проникнуть во все тайны» и «более скромную... в которой ум становится правильным и всегда образует отчетливые идеи» (Кондильяк Э. Опыт о происхождении человеческих знаний // Кондильяк Э. Соч. в 3-х тт. Т. 1. М., 1980. С. 67–68.). Таким образом, Кондильяк считает свою философию метафизической, хотя и особого рода; де Траси, напротив, противопоставляет идеологию метафизике как таковой.

³² Эпистемологическим вопросам целиком посвящены работы Кондильяка «Опыт о происхождении человеческих знаний» и «Трактат об ощущениях», но они отражают разные этапы его эволюции и в некоторых моментах противоречат друг другу.

³³ Имеется в виду так называемый закон Дону, принятый Конвентом 25 октября 1795 г. (3 брюмера IV) и имевший огромное историческое значение, поскольку, в отличие от предыдущих, гораздо более радикальных, но именно поэтому практически неисполнимых законов Французской республики о всеобщем бесплатном образовании (якобинского закона Букье от 29 фримера II г., предусматривавшего обязательное изъятие из семей всех детей старше восьми лет и их обучение в интернатах, и более либерального закона Лаканала от 27 брюмера III), закон Дону был действительно реализован в полном объеме и в масштабах всей страны, что позволило в кратчайшие сроки покончить с безграмотностью. В соответствии с этим законом, обучение было добровольным и платным, но размер оплаты был установлен небольшим, и администрация школы могла освобождать от нее наиболее бедных учеников (до четверти от их общего числа); содержались все школы за счет государства. В каждом кантоне создавались одна или несколько первоначальных школ для обучения «чтению, письму, счету и основам республиканской морали». В каждом департаменте создавалась одна центральная школа с тремя последовательными циклами обучения (секциями), программа которых предусматривала изучение естествознания, древних и новых языков, рисования, математики, экспериментальной физики и химии, всеобщей грамматики, изящной словесности, истории и юриспруденции. Центральные школы должны были иметь собственную библиотеку, кабинет естествознания, физическую и химическую лаборатории. Кроме того, создавались специальные школы (астрономии, геометрии и математики, естественной истории, медицины, ветеринарные, сельскохозяйственные, древностей, общественных наук, изобразительных искусств, музыки) и школы для слепых и глухонемых. Этим же законом, во исполнение ст. 298 Конституции III года (основным автором текста которой также был Дону) учреждался Национальный институт наук и искусств.

³⁴ Всеобщая грамматика — философско-лингвистическая дисциплина, в середине XVII в. пришедшая на смену филологи-

ческим исследованиям в духе Ренессанса и сошедшая со сцены с появлением в конце первой трети XIX в. сравнительно-исторического языкознания. Предметом всеобщей грамматики являются структуры, общие всем языкам и выражающие универсальные формы мышления, поскольку любые языковые факты в ней объясняются как способы репрезентации мысли (отсюда ее другое название — «рациональная грамматика»). Во Франции история всеобщей грамматики начинается с картезианской «Грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло, а грамматикой «идеологов» завершается более чем двухсотлетнее развитие этой науки. О понятии и эволюции всеобщей грамматики см.: Ланина Е.Е., Ланин Д.А. Идеи и знаки: семиотика, философия языка и теория коммуникации в эпоху Французской революции. СПб., 2004; Реферовская Е.А. Философия языка и грамматические теории во Франции. СПб., 1996; Schwartz E. Les idéologues et la fin des grammaires générales raisonnées. Lille, 1984; La grammaire générale des modistes aux idéologues. Lille, 1977; Hoinkes U. Philosophie und Grammatik in der französischen Aufklärung: Untersuchungen zur Geschichte der Sprachtheorie und französischen Grammatikographie im 18. Jahrhundert in Frankreich. Münster, 1991.

³⁵ Учитывая, что автор закона П.-К.-Ф. Дону, в тот момент влиятельнейший политик Франции и создатель всей новой политической конструкции Республики (после роспуска Конвента, произошедшего в соответствии с написанной им Конституцией III года, он отказался стать членом Директории и был избран председателем Совета пятисот) входил в группу «идеологов» и был одним из ближайших друзей де Траси, это весьма сложное и своеобразное «закключение» явно не было чисто умозрительным и проистекающим из одного лишь чтения текста закона; по-видимому, начиная свою работу, де Траси заручился поддержкой Дону, но к моменту выхода книги в свет власть уже принадлежала Наполеону, а Дону, ставший президентом Трибуната, вскоре перешел в оппозицию, что закончилось его устранением из политики (в дальнейшем он был директором Национального архива, секретарем Академии надписей и словесности и преподавал в Коллеж де Франс). К тому же сам де Траси с 1799 г. входил в Комитет народного просвещения, непосредственно руководивший реализацией этого закона, и у него были все основания предполагать, что с появлением его труда курс идеологии будет включен в программу учебных заведений. Этим надеждам не суждено было осуществиться: в качестве официального учебника «Основы идеологии» никогда не использовались.

³⁶ Так в оригинале: *philosophie du langage*. По-видимому, один из наиболее ранних в истории философии примеров употребления этого термина.

³⁷ Т.е. якобинцев, отличительным знаком которых был красный колпак с трехцветной кокардой. Для педагогических программ якобинцев, например, Лепеллетье, Шенье, Гассенфратца, Букье, действительно характерны антифилософские и даже контрнаучные мотивы, о которых говорит де Траси (см.:

Педагогические идеи Великой французской революции. Речи и доклады Мирабо, Талейрана-Перигора, Кондорсе, Арбогаста, Ромма, Мишеля Лепеллетье де Сен-Фаржо, Лаканала, Сийеса, Гассенфратца и Лавуазье. М., 1926). Впрочем, и один из лидеров «болота» Дюран-Майльян, бывший, как и многие монтаньяры, поклонником Руссо, постоянно говорил в Конвенте о необходимости низвергнуть «иго просвещения», представляющее главную опасность для Республики, и о том, что «мы слишком много учились». В этом же ряду — закрытие университетов, упразднение академий, попытка арестовать Кондорсе, закончившаяся его самоубийством и, как квинтэссенция всего, знаменитые слова председателя революционного трибунала Коффиналя при вынесении приговора Лавуазье: «Республика не нуждается в ученых».

³⁸ Трудно сказать, кто именно здесь имеется в виду. Критиками идеологии в периоды Директории и Консульства были главным образом спиритуалисты (Обри, Лагарп, а также находившиеся в эмиграции де Бональд и де Местр), тогда еще не имевшие такого влияния, как в эпоху Реставрации. К тому же они вовсе не разделяли якобинского антиинтеллектуализма и, будучи яростными противниками де Траси и всей традиции, идущей от Кондильяка (Aubry J. *Anti-Condillac, ou harangue aux idéologues modernes sur l'âme de l'homme, ses facultés constitutives, l'origine et la certitude de ses connaissances, son immortalité et ses destinées*. Paris, an IX de la République), никогда не возражали против изучения и преподавания философии и общественных наук вообще, в чем обвиняет своих оппонентов де Траси. Зато именно такова была позиция самого первого консула, что и привело к реорганизации системы образования (1802) и к упразднению класса моральных и политических наук института, члены которого были распределены по другим классам (1803). Можно было бы предположить, что здесь де Траси и имеет в виду Наполеона, не рискуя называть его прямо и расплывчато говоря о неких людях, «обвиняющих философов во всех смутах и беспорядках», но этому противоречит выражаемое далее упование на «мудрую предусмотрительность правительства». Кроме того, в 1800 г. негативное отношение Наполеона к идеологии еще не проявлялось так открыто, как в последующие годы.

³⁹ *Et des petits péchés commis dans leur jeune âge / Vont faire pénitence en opprimant un sage.* Неточная (vont faire вместо elles font) цитата из стихотворного памфлета Вольтера «Русский в Париже» (1760). Сюжет этой литературной мистификации (Вольтер выдал ее за свой перевод поэмы несуществующего «советника российского посольства Ивана Алетова») состоит в том, что просвещенный русский путешественник надеется приобщиться к последним достижениям европейской философии, естествознания и искусства, но парижанин объясняет ему, что ничего этого он здесь уже не найдет, поскольку науки и искусства разгромлены, а лучшие умы преследуются католической реакцией. Разочарованный русский уезжает, обещая вернуться, когда положение дел во Франции вновь изменится к лучшему. (*Œuvres complètes de Voltaire*. T. 10. Paris, 1877. P. 131).

⁴⁰ Пер. Н. Юрьина. Чтобы смысл примечания был понятен, дается вся первая строфа русского перевода басни вместо двух ее строк в оригинале.

⁴¹ Цитируемое здесь раннее произведение Гоббса «Трактат о человеческой природе» (*Treatise on Human Nature*, 1650) не следует смешивать с его более известным трактатом «О человеке» (*De Homine*, 1658), имеющимся в русском переводе.

⁴² Не совсем понятно, о каком точно возрасте идет речь. Как указывает де Траси в предисловии, его курс основ идеологии (включая грамматику и логику) в центральных школах мог бы читаться вместо курса всеобщей грамматики, предусмотренного законом Дону. Согласно этому закону, всеобщая грамматика относилась к третьему, последнему циклу обучения, к которому допускались учащиеся «по достижении, по меньшей мере, шестнадцати лет». Учитывая, что сам де Траси в этом возрасте уже учился в университете и читал Канта и Юма, все нижеследующее рассуждение выглядит странно, если предполагать, что оно действительно относится к шестнадцатилетним ученикам. Очевидно, он все же считал, что «идеология в собственном смысле слова» должна преподаваться в рамках первого или второго цикла обучения, т. е. с двенадцати или с четырнадцати лет.

⁴³ Де Траси и его единомышленники называли себя и своих предшественников идеологами (*les idéologues*). Слово «идеологи» (*les idéologues*) ввел в употребление Наполеон, который хотел придать этому понятию расширительный (интеллектуалы вообще) и одновременно уничижительный смысл.

⁴⁴ В «Мемуаре о способности мышления» 1797 г. К этой теме де Траси обращался также в публичных лекциях в институте: *Dissertation sur quelques questions d'idéologie concernant une nouvelle prevue que c'est à la sensation de résistance que nous devons la connaissance des corps et qu'avant cette connaissance l'action de notre jugement ne peut avoir lieu, faute de pouvoir distinguer les unes des autres nos perceptions simultanées // Mémoire de l'Institut national des sciences et des arts de la République*. Т. 3. Paris, an IX. P. 491–514.

⁴⁵ «Изложение системы мира» основательно перерабатывалось Лапласом для каждого нового издания. Де Траси ссылается на следующее место второго издания: «Существуют ли другие силы, влияющие на небесные тела, кроме их взаимного притяжения? Этого мы не знаем; но мы можем, во всяком случае, утверждать, что их воздействие ничтожно. Равным образом мы можем быть уверены, что эти тела не испытывают сколько-нибудь заметного сопротивления со стороны тех флюидов, через которые они проходят, солнечного света, хвостов комет или света звезд» (*Laplace P.-S. Exposition du système de monde. Seconde édition, revue et augmentée par l'auteur. Paris, an VII. P. 286*). В русском переводе (Лаплас П.-С. Изложение системы мира. Л., 1982), сделанном по шестому изданию, этот абзац отсутствует.

⁴⁶ Подразумевается «светоносный эфир Декарта–Гюйгенса», постулированный в «Началах философии» Декарта и им же

уподобленный флюиду, т. е. жидкости, для объяснения распространения света.

⁴⁷ Интерес де Траси к теоретическим проблемам измерения величин, как и его подход к их решению, по-видимому, связаны с введением унифицированной десятичной метрической системы (общеобязательной во Франции она стала в 1795 г.), берущей за основу длину окружности земного шара. Эта привязка касалась не только пространственных измерений, но также и массы (грамм первоначально определялся как вес одной миллионной части кубического метра воды). Время и угловые величины также предлагалось измерять в десятичной системе единиц, но этот проект не увенчался успехом.

⁴⁸ Согласно решению Национального собрания от 30 марта 1791 г. метр определялся как одна сорокамиллионная часть длины Парижского меридиана. За шесть лет астрономы Ж.-Б.-Ж. Деламбр и П.-Ф.-А. Мешен измерили дугу этого меридиана от Дюнкерка до Барселоны, длина которой в угловых мерах составляла $9^{\circ}40'$, пройдя со специальной измерительной цепью через всю Францию и часть Испании. На основании этого и ряда других исследований в 1799 г. был изготовлен из платины эталон метра; впоследствии выяснилось, что из-за неправильного учета полюсного сжатия Земли метр оказался на 0,2 мм короче, чем одна сорокамиллионная часть меридиана. Де Траси исходит из того, что длина экватора, которую он приблизительно принимает равной длине меридиана, составляет 40 млн м; таким образом, за шесть часов точка на экваторе проходит 10 млн м, а за двенадцать часов — 20 млн м.

⁴⁹ Хотя попытки классифицировать вещества по силе сродства предпринимались в XVIII в. неоднократно, в данном случае речь идет о совместных исследованиях Бертолле, Лавуазье, Гитона де Морво и Фуркруа, которые использовали количественные методы для создания рациональной химической номенклатуры.

⁵⁰ Нерв представляли как трубку, заполненную неизвестной жидкостью, «нервным флюидом», поскольку это позволяло объяснить сокращение мышц, в которые переходит флюид из нервов. Эта теория продержалась вплоть до опытов Гальвани и даже некоторое время после них, и сам Гальвани считал, что доказал лишь тождественность нервного и электрического флюидов.

⁵¹ Во втором издании «Изложения системы мира» в последнем абзаце четвертой книги, где речь идет о возможности рассматривать силы межмолекулярного притяжения в качестве разновидности силы всемирного тяготения, после расчета необходимой для этого плотности молекулы по отношению к средней плотности тела, следовало предложение: «Отношение интервалов, которые разделяют эти молекулы, к их размерам, было бы такого же порядка, как и соответствующее отношение у звезд, образующих туманность, которую можно, с этой точки зрения, рассматривать как одно огромное светящееся тело» (Laplace P.-S. Exposition du système de monde. Seconde édition, revue et augmentée

par l'auteur. Pars, an VII. P. 287). В русском переводе (Лаплас П.-С. Изложение системы мира. Л., 1982), воспроизводящем шестое издание, данное предложение отсутствует.

⁵² Ж.-Ф.-Р. Драпарно, умерший в 1804 г. в возрасте 31 года от туберкулеза, вошел в историю науки исключительно как биолог, но в центральной школе Монпелье, столице департамента Эро, он некоторое время занимал должность профессора всеобщей грамматики, прежде чем получил кафедру естественной истории. Переписку с де Траси он поддерживал в 1799–1801 гг. См.: Dulieu L. J.-F.-R. Draparnaud // *Revue d'histoire des sciences et de leurs applications*, 1956, Vol. 9. P. 240.

⁵³ П.-Ж. Боннатерре, аббат из Родезе в провинции Аверон и известный натуралист, первым из ученых наблюдал и описал Аверонского дикаря, или Виктора из Аверона, как его стали называть впоследствии — мальчика, жившего в лесу и впервые замеченного в 1797 г., а двумя годами позже самостоятельно пришедшего к людям. На вид мальчику было около 12 лет, он не умел говорить и явно провел в лесу в одиночестве большую часть жизни. Аверонским дикарем заинтересовался парижский врач Ж.-М.-Г. Итар, взявший его на воспитание. Хотя Виктора, умершего в Париже в 1828 г., так и не удалось научить говорить, Итар достиг определенных успехов в его обучении и опубликовал подробный отчет о своих наблюдениях за ним: Itard J.-M.-G. *Мmoire et Rapport sur Victor de l'Aveyron*. Paris, 1806.

⁵⁴ «Что до меня, то, уstraшенный все умножающимися трудностями и убежденный в том, что, как это уже почти доказано, языки не могли возникнуть и утвердиться с помощью средств чисто человеческих, я предоставляю всем желающим заниматься обсуждением сего трудного вопроса: что было нужнее — общество, уже сложившееся, — для введения языков, либо языки, уже изобретенные, — для установления общества» (Руссо Ж.-Ж. *Рассуждение о происхождении и основания неравенства среди людей* // Руссо Ж.-Ж. *Трактаты*. М., 1969. С. 62).

⁵⁵ Имеется в виду третья книга «Опыта о человеческом разуме».

⁵⁶ Говоря об идеологии как о теории теорий, де Траси следует общему для всех «идеологов» пониманию ее главной задачи — сформулировать и обосновать правила анализа идей и знаков, который они, вслед за Кондильяком, считали универсальным методом всех наук и познания вообще. «Идеология», таким образом, является проектом, родственным замыслу Фихте, понимавшего философию как «наукоучение», но, в отличие от фихтеанского, опирающимся на докантовскую философскую традицию; вместо обращения к априорным условиям знания здесь вводится тема знаков и языков, как исторически заданного условия и одновременно единственного инструмента познания.

⁵⁷ Язык жестов занимал важное место в теории происхождения и развития языка Кондильяка, изложенной в «Опыте о происхождении человеческих знаний», где он представлял как исторически первый искусственный язык, непосредственно про-

исходящий от «естественных знаков». Кондильяк доказывал, что в древности этот язык, включая его высшие формы пантомиму и танец, имел гораздо большее значение, и именно в этом смысле надо понимать «пляску Давида перед ковчегом Завета», которая, по мнению Кондильяка, в действительности была чем-то вроде торжественной речи (Кондильяк Э. Опыт о происхождении человеческого знания. С. 188).

⁵⁸ Можно было бы перевести и «полностью конвенциональны»: в оригинале — *absolument de convention*.

⁵⁹ Термин Кондильяка. В «Курсе наук для принца Пармского», «Логике, или Началах искусства мыслить», «Языке исчислений» и других поздних работах Кондильяк, отчасти под влиянием критики со стороны Руссо, корректирует свою первоначальную теорию происхождения языка: вместо языка жестов, как переходной ступени от естественных знаков к искусственным, он вводит понятие языка действий. Жесты конвенциональны и произвольны, у разных народов один и тот же жест может иметь различное и даже противоположное значение. Знаки же языка действий укоренены в самом устройстве человеческого тела, они являются необходимыми и общепонятными.

⁶⁰ Понимание языка как метода анализа (и одновременно его объекта, поскольку собственные ощущения и идеи даны субъекту не иначе как через знак) составляет главный вывод всей философии Кондильяка и исходный пункт идеологии, целью которой является описание универсальных принципов анализа. «Всякий язык есть аналитический метод, и всякий аналитический метод есть язык. Эти две истины, не только простые, но и новые, были доказаны: первая — в моей грамматике, вторая — в моей логике; и можно было убедиться в том, что они проливают свет на искусство говорить и искусство рассуждать, которые они сводят к одному искусству. Это искусство тем совершеннее, чем с большей точностью производится анализ; и анализ достигает тем большей точности, чем лучше построены языки» (Кондильяк Э. Язык исчислений. С. 272). Для всех осознаваемых умственных действий требуются знаки, но действие анализа, с помощью которого разум познает сам себя, предполагает использование не отдельных знаков, а всего языка, т. е. всего уже сложившегося порядка идей, актуализируемого в дискурсе и анализируемого с помощью него же (*Cours d'Etude pour l'Instruction du Prince de Parme*. Т. I. Grammaire. P. 106). Анализ, таким образом, есть высшее действие ума, результатом которого оказывается нахождение истины и, соответственно, дальнейшее уточнение языка, или метода.

⁶¹ С учетом артикля.

⁶² М.-Ф.-П. Мен де Биран, на которого де Траси возлагал особенные надежды, в дальнейшем перешел в лагерь спиритуалистов и был одним из главных оппонентов идеологии в эпоху Реставрации, наряду с популяризатором немецкой классической философии во Франции В. Кузенном (издавшим его собрание сочинений со своим программным антиидеологическим предисловием).

⁶³ Проекты усовершенствования языков с помощью их «алгебраизации» разрабатывали, в частности, Дежерандо и Ланслен. Последний указывает на стихийный характер развития языков, зафиксировавших, наряду с точными результатами анализов, массу результатов ошибочных. «Из этих ошибок и неточностей языка происходят и трудности анализа, которые были бы исключены при использовании языка, строгого, искусно и геометрически сконструированного сообществом ученых и философов или даже единственным гениальным человеком, если бы подобное было возможным» (Lancelin P.-F. Introduction à l'Analyse des Sciences ou de la Generation des Fondemens et des Instrumens de nos connoissances. 3 vol. Paris, an IX. T. 2. P. 177). Он предлагает создавать универсальный язык как чисто письменный, не имеющий фонетической базы (пазиграфию). В идеальной системе знаков, по Ланслену, каждый знак должен соответствовать только одной идее, и наоборот. Любые идеи могут быть представлены как составленные из очень небольшого количества фундаментальных идей, которые и обозначаются основными буквами. Число букв может быть минимальным, если на смену стихийной комбинаторике знаков придет комбинаторика математически строгая: «Итак, можно было бы с помощью только 4, 6, 8 или 10 букв реализовать все возможности 24-буквенного алфавита, и несомненно, что количество сочетаний, которые они могли бы предоставить, превосходят общее число идей, существующих в головах всех людей, разбросанных по всему земному шару, или сумму всех элементарных знаний всех народов» (Ibid., P. 214). Программа улучшения письменности, предложенная самим де Траси в гл. V второй части «Основ идеологии», напротив, не имеет ничего общего с «алгебраизацией» и направлена на максимальное использование всех преимуществ, предоставляемых обычным алфавитным письмом.

⁶⁴ В действительности этот вопрос был не только не курьезным, но принципиальным и крайне острым, грозившим расколоть движение «идеологов». Согласно Кондильяку, до возникновения знаков имеются лишь бессознательные «инстинктивные действия души», поскольку человек «лишен средств для их анализа»; только с появлением языка он может начать отдавать себе в них отчет (Трактат об ощущениях // Соч. в 3-х тт. Т. 2. М., 1982. С. 335). Благодаря этому тезису Кондильяк преодолевает затруднение, заставившее Локка постулировать существование рефлексии как особой способности, отличной от способности ощущать: место рефлексии занимает язык. Это и позволяет ему утверждать, что «все идеи суть только превращенные ощущения», радикализируя эмпиризм Локка и превращая его в последовательный сенсуализм, отрицающий не только врожденные идеи, но и любые врожденные мыслительные способности, за исключением способности ощущать; самосознание, «я», по Кондильяку, не присуще человеку изначально. Именно этот пункт был предметом яростных атак картезианцев и спиритуалистов, которые, в сущности, и являлись поздними картезианцами. Однако у представителей

«третьего поколения идеологов» заметно стремление в этом пункте вернуться к Локку. Дежерандо, например, формулирует его так: «без языка рефлексия была бы совершенно стерильной; именно язык определяет ее деятельность и ее прогресс» — но как чистая способность, она существовала бы и без него (Degérando J.-M. *Des signes et de l'art de penser considérés dans leurs rapports mutuels*. 4 vol. Paris, an IX. Т. 2. Р. 250). «Я» снова становится активной силой: Дежерандо упрекает Кондильяка в том, что «он ничего не говорит о том, чем являются знаки в нашей душе, но он ничего не говорит о том, чем является наша душа для знаков и как она действует на них» (Ibid., Т. 1, Р. XIX) и указывает причину этого: «Локк выделяет два источника наших идей: ощущение и рефлексию. Кондильяк оставляет только один — ощущение» (Degérando J.-M. *De la génération des connaissances humaines*. Berlin, 1802. Р. 248). С еще большей остротой этот вопрос ставился в «Замечании о влиянии знаков» Мена де Бирана (1798): «Получает ли человеческий дух свои способности и правила, которые мы обнаруживаем, от природы и формы языка, или, напротив, получает язык свою форму и природу от первоначальной природы и мыслительной способности человека? Итак, нужно выбрать между мнением Кондильяка, согласно которому “мы можем пробудить наши идеи только тогда, когда свяжем их с каким-либо знаком”, мнением, которое возвращает нас к отрицанию всякого активного принципа, согласиться с тем, что операции человеческого мышления являются “продуктом физического явления, расположения волокон мозга”... или, если признавать активную природу души, нужно с необходимостью допустить, что она имеет власть пробуждать идеи, или восприятия, независимо от условных знаков» (Maine de Biran M. *Note sur l'influence des signes* // Maine de Biran M. *Œuvres*. Т. 1. Paris, 1920. Р. 278–280). На самом деле это был вопрос идеологический как в тогдашнем, так и в современном смысле слова, поскольку ответ Кондильяка, в отличие от ответа Локка, расценивался как неизбежно ведущий к отрицанию души и атеизму. Старшее поколение, Кабаниса и де Траси, это несколько не смущало, но более молодые «идеологи» были осторожнее и пытались избежать репутации материалистов. С другой стороны, отказ от этого положения ослаблял главный тезис идеологии об анализе языка как единственном методе познания и реабилитировал картезианский априоризм. Таким образом, обойти этот вопрос молчанием де Траси никак не мог, вступать в принципиальную дискуссию с только что приобретенными молодыми, энергичными и многообещающими сторонниками не хотел, но и солидаризироваться с ними в том, что не мог не считать шагом назад, не хотел тоже. Отсюда и очевидная уклончивость всего его рассуждения.

⁶⁵ Пьер-Жан-Жорж Кабанис (1757–1808) — врач, физиолог и философ, друг и единомышленник де Траси, лидер группы «идеологов» в период ее становления в 1780-е гг. Сын провинциального адвоката, в юности переводил на французский «Илиаду» и хотел стать литератором, но под влиянием отца предпочел ме-

дицину. В конце 1770-х и 1780-е гг. — профессор Медицинской школы в Париже, друг Тюрго, Гольбаха, Кондорсе и Мирабо, личный врач последнего. По поручению Конвента изучал вопрос о том, испытывает ли боль подвергаемый казни на гильотине, в связи с чем разработал теорию рефлекторных, полусознательных и сознательных движений и соотношения высших и низших функций нервной системы. При якобинской диктатуре скрывался от ареста. В период Директории занимался реорганизацией медицинских школ, автор ряда сочинений и докладов о медицинском образовании и образовании вообще. Член Совета пятисот, Национального института с момента его основания, Французской академии с момента ее восстановления в 1803 г. (после его смерти на его место был избран де Траси), сенатор, кавалер и командор Почетного легиона. Похоронен в Пантеоне. Исследовал высшую нервную деятельность, развивал тезис о мышлении как продукте деятельности мозга и, в отличие от Кондильяка, утверждал, что изучение способности мышления должно начинаться не с внешних, а с внутренних ощущений. Основной философский труд имеется в русском переводе: Кабанис П. Отношения между физической и нравственною природою человека, с систематическим извлечением Дестют-Траси и со статьею переводчика [П.А. Бибикова] «Значение Кабаниса в науке о человеке». В 2-х тт. СПб, 1865–1866. Другие философские работы: «О степени достоверности медицины» (*Du degré de la certitude de la médecine*, 1797), «Письмо Фориелю о первых причинах» (*Lettre à Fauriel sur les causes premières*, 1800-е гг., опубликовано посмертно в 1824).

Оглавление

Предисловие переводчика (Д.А. Ланин) 5

ИДЕОЛОГИЯ В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ СЛОВА

Уведомление к изданию 1804 г. 23

Предисловие 26

Введение 36

Глава I

Что такое думать? 49

Глава II

○ чувственном восприятии и ощущениях 54

Глава III

○ памяти и воспоминаниях 60

Глава IV

○ суждении и о восприятии отношений 67

Глава V

○ воле и восприятии желаний 79

Глава VI

Об образовании сложных идей 84

Глава VII

○ существовании 105

Глава VIII

Как приводятся в действие наши умственные
способности? 127

Глава IX

○ свойствах тел и их соотношении 136

Глава X

Продолжение. Об измерении свойств тел 148

Глава XI

○ различиях между вышесказанным и тем, как анализировал мышление Кондильяк..... 170

Глава XII

○ способности к движению и ее отношениях к способности чувствовать..... 182

Глава XIII

○ влиянии способности желать на способность к движению и каждой из них на способность мыслить и ее составляющие 188

Глава XIV

○ следствиях частого повторения одних и тех же действий..... 197

Глава XV

○ постепенном совершенствовании умственных способностей 217

Глава XVI

○ знаках идей и о том, как они действуют 228

Глава XVII

Продолжение предыдущей. Другие следствия использования знаков..... 260

Экстракт, служащий также аналитическим оглавлением 281

Комментарии (Д.А. Ланин)..... 314

Научное издание

Дестют де Траси Антуан-Луи-Клод

**ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ
ИДЕОЛОГИЯ В СОБСТВЕННОМ
СМЫСЛЕ СЛОВА**

Компьютерная верстка

Т.В. Исакова

Корректор

И.М. Башлай

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

ООО Издательство «Альма Матер»
105005, Москва, Посланников пер., 3, стр. 1

**По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикта»:**

**111399, Москва, ул. Мартеновская, 3
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aproject.ru
Интернет-магазин: www.aproject.ru**

Подписано в печать 15.12.12.
Формат 84×108/32. Гарнитура MysIC.
Бумага писчая. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1452 .

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография “Красный Октябрь”»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55 а
e-mail: tko-saransk@mail.ru

**Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
представляет:**

Маклюэн М.

ГАЛАКТИКА ГУТЕНБЕРГА

2013. — 496 с.

Маршалл Маклюэн — канадский ученый, литературовед, социолог, культуролог, представитель сциентизма в философии культуры, одним из первых обратившийся к проблемам средств массовой коммуникации. Работа «Галактика Гутенберга», появившаяся в 1962 г., относится к числу наиболее известных и монументальных произведений Маклюэна наряду с такими трудами, как «Постижение средств массовой информации», «Война и мир в глобальной деревне», «Медиум — это послание». В «Галактике Гутенберга» представлены философские воззрения М. Маклюэна, изложена его собственная культурологическая концепция и развита теория коммуникационных технологий, основополагающих для становления и развития современного массового общества.

**Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
представляет:**

ДЮВЕРЖЕ М.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

2013. — 544 с.

Книга известного французского политолога второй половины XX века Мориса Дюверже посвящена происхождению и сущности политических партий, законам их развития и функционирования в рамках различных политических режимов и избирательных систем. Ставшая уже классической работа французского исследователя переведена на многие языки мира и принесла ее автору репутацию создателя современной теории политических партий. Она будет интересна не только ученым, преподавателям, студентам и аспирантам, но и всем тем, кто профессионально занят практической политической деятельностью, кого волнуют проблемы политической стратегии и тактики, предвыборной борьбы и избирательных технологий в условиях демократии.

антуан дестют де траси

Основы идеологии

Французский словарь «Робер» датирует первое употребление слова «идеология» 1796 г., а слово «идеолог» впервые было произнесено в 1800 г. Первым употребил термин «идеология» граф Дестют де Траси. Он разъяснил его 20 июня 1796 г. в докладе «Проект идеологии», прочитанном в Национальном институте наук и искусств, а затем в книге «Основы идеологии».

Для изобретателя этого термина идеология означала философскую систему, объектом которой были идеи и законы их формирования. Однако со временем, в 20 – 30-е гг. XIX в., этот термин стал означать комплекс идей и ценностей, связанных не только и даже не столько с идеями, с идеальным, а с реальным обществом, с социальными процессами. Интересно, что резко отрицательно к «идеологам», лидером среди которых был Дестют де Траси, отнеслись Наполеон, а позднее Маркс.

Дестют де Траси принадлежал к «идеологам» — философской школе, объединившей последователей Локка и Кондильяка и ставшей связующей нитью между философией XVIII в. и позитивизмом. Идеи Дестюта де Траси изложены в работе «Основы идеологии». В этом сочинении, написанном в связи с задачей реорганизации системы образования, обосновывалось значение идеологии (в широком смысле) как системы идей, призванной восстановить единство наук. В работе идеология рассматривается как наука об идеях. Наука идеология представляет собой анализ человеческих способностей, опирающийся на концепцию Кондильяка. Дестют де Траси выделяет четыре способности человека, участвующие в формировании идей: чувства, память, способность суждения, воля.

Издание адресуется студентам и преподавателям гуманитарных специальностей вузов, а также всем интересующимся проблемами становления и развития социогуманитарного знания.

ISBN 978-5-904993-36-8

9 785904 993368